

Алексѣй Николаевичъ

ПЛЕЩЕЕВЪ

ЕГО ЖИЗНЬ И СОЧИНЕНІЯ

Сборникъ историко-литературныхъ статей.

СОСТАВИЛЪ

В. Покровскій.

МОСКВА.

Складъ въ книжномъ магазинѣ В. СПИРИДОНОВА и А. МИХАЙЛОВА.
Тверская, Столешниковъ пер., д. Лянова. Телеф. 120-95.

1911.

Цена 40 коп.

ТИПОГРАФІЯ Г. ЛИСНЕРА И Д. СОВКО.
Возвиженка, Крестовоздвижен. пер., д. 9.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	<i>Стран.</i>
Дѣтство Плещеева и его первые литературные шаги, <i>Быкова</i>	1
Передовые кружки времени Плещеева, его арестъ и ссылка, <i>его же</i>	4
Идеи, объединявшія участниковъ кружка Петрашевскаго и др., <i>Семевского</i>	7
Теоретическія тенденціи, господствовавшія среди петрашевцевъ, <i>Русанова</i>	18
Плещеевъ въ ссылкѣ, <i>Юдина</i>	34
Мотивы поэзіи Плещеева по возвращеніи изъ ссылки, <i>Быкова</i>	43
Послѣдніе годы жизни Плещеева, <i>его же</i>	46
Памяти А. Н. Плещеева, <i>Мережковскаго</i>	47
Настроенія поэта въ первые годы творчества, <i>Хирьякова</i>	50
Поэзія Плещеева, какъ возбудительница благороднѣйшихъ свойствъ человѣческой души, <i>Краснова</i>	52
Поэзія Плещеева — поэзія мира, любви и братства, изъ „ <i>Сѣвернаго Вѣстника</i> “	58
Плещеевъ — поэтъ права и человѣчности вообще, <i>Протопопова</i>	60
Постоянство идеальнаго образа чистоты въ поэзіи Плещеева, изъ „ <i>Русскаго Богатства</i> “ за 1887 г.	67
Вѣра въ грядущее будущее, какъ царство любви и свѣта въ поэзіи Плещеева, <i>Арсеньева</i>	68
Гражданскіе мотивы поэзіи Плещеева, <i>Хирьякова</i>	72
Общественно-воспитательное значеніе стихотвореній Плещеева, <i>Чернышевскаго</i>	73
Отраженіе свѣтлыхъ и благородныхъ вѣяній эпохи 60—70-ыхъ годовъ въ поэзіи Плещеева, <i>Хирьякова</i>	77
Элегическій характеръ общаго настроенія поэзіи Плещеева; ея бодрящая сила и призывный кличъ на служеніе ближнимъ, <i>Острогорскаго</i>	79
Отзывчивость музы Плещеева на недуги вѣка и вѣчныя страданія, <i>Майкова</i>	85
Педагогическое значеніе стихотвореній Плещеева для дѣтскаго возраста въ связи съ характеристикой личности ихъ автора, <i>К. Покровскаго</i>	88
Достоинства и недостатки поэзіи Плещеева, <i>К—го и Чуйка</i>	103
Взглядъ Плещеева на свою переводческую дѣятельность и основные тоны его музыки, изъ „ <i>Отечественныхъ Записокъ</i> “	114
Плещеевъ, какъ переводчикъ, изъ <i>журналовъ</i> „ <i>Время</i> “ и „ <i>Современникъ</i> “, <i>Майкова</i>	115
Золотое сердце Плещеева, <i>П. Б.</i>	121
Идеализмъ Плещеева, <i>Острогорскаго</i>	124

ОТВАРЕНИЕ

Дѣтство Плещеева и его первые литературные шаги.

Плещеевы принадлежать къ старинной дворянской фамилии, занесенной въ бархатную книгу и считающей своимъ родоначальникомъ Ѳедора Акинѣевича Бяконта, сына боярина черниговскаго, переселившагося изъ Чернигова въ Москву около 1300 года. Во второмъ колѣнѣ этого рода замѣчательнъ Елеверій-Симеонъ Ѳедоровичъ, старшій сынъ Бяконта, впослѣдствіи святой Алексій, митрополитъ московскій, мощи котораго почиваютъ въ Москвѣ, въ кремлевскомъ Чудовомъ монастырѣ, имъ построеномъ. Митрополитъ Алексій, помимо блаженной и святой жизни своей, былъ однимъ изъ величайшихъ государственныхъ мужей своего вѣка. Тайный совѣтникъ Алексій Львовичъ Плещеевъ служилъ при Петрѣ I президентомъ камеръ-коллегіи и при Петрѣ II губернаторомъ московскимъ, а дѣйствительный тайный совѣтникъ Сергій Ивановичъ († 1802), пользовавшійся особенной благосклонностью императора Павла Петровича, былъ извѣстный писатель конца XVIII вѣка, между прочимъ, составившій «Обозрѣніе Россійской имперіи», «Дневныя записки путешествія въ Сирію и Іерусалимъ» и др. Отца нашего поэта звали Николаемъ Сергѣевичемъ, а мать Еленой Александровной.

Алексій Николаевичъ Плещеевъ родился 22 ноября 1825 года въ Костромѣ, гдѣ въ то время проѣздомъ находилась его мать. Спустя два года, Николай Сергѣевичъ, служившій передъ тѣмъ при архангельскомъ, вологодскомъ и олонецкомъ генераль-губернаторѣ, перевелся на службу губернскимъ лѣсничимъ казенной палаты въ Нижній Новгородъ, куда переѣхала и его семья, и здѣсь протекли дѣтскіе годы будущаго поэта, который былъ ребенкомъ нервнымъ и впечатлительнымъ, страстно любившимъ свою мать и выказывавшимъ прекрасныя способности. До тринадцатилѣтняго возраста Алексій Николаевичъ учился дома, получивъ прекрасное первоначальное образованіе и хорошо усвоивъ три иностранныхъ языка, и затѣмъ въ 1838 году отвезенъ былъ въ Петербургъ, гдѣ черезъ два года, по желанію матери, готовившей ему военную карьеру, поступилъ въ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ (нынѣ Николаевское кавалерійское училище). Это были памятные сороковые годы, сыгравшіе столь видную роль въ исторіи умственнаго движенія русскаго общества, когда каждый, сколько-нибудь развитой юноша, жаждалъ серьезныхъ знаній и умственныхъ интересовъ, изучалъ западно-

европейскихъ мыслителей, экономистовъ и писателей либеральнаго направленія, знакомился съ программами социализма, и когда среди молодежи, подъ вліяніемъ событій на Западѣ и чтенія запретныхъ сочиненій, начиналось уже броженіе. Какъ ни былъ юнъ Плещеевъ, но вѣяніе того времени коснулось и его. Онъ усиленно пополнялъ пробѣлы своего образованія усерднымъ чтеніемъ произведеній европейскихъ мыслителей и начиналъ тяготѣть къ литературѣ, подъ вліяніемъ встрѣчъ и знакомствъ съ писателями. Учебное заведеніе, въ которое онъ поступилъ, совсѣмъ не отвѣчало его наклонностямъ и вкусамъ. По складу своего характера, онъ вовсе не чувствовалъ влеченія къ военной службѣ, его захватывали все болѣе и болѣе совсѣмъ чуждые идеалы, такъ что, въ концѣ-концовъ, Алексѣй Николаевичъ очень скоро вышелъ изъ школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ, и въ 1843 году поступилъ въ университетъ. Ему было тогда около восемнадцати лѣтъ, и поэтическая жилка сильно давала себя чувствовать. Усердно изучая европейскія литературы, увлекаясь театромъ, вращаясь въ кружкахъ молодежи и имѣя уже многія литературныя знакомства, между прочимъ, посѣщая званые вечера А. А. Краевского, — юный Плещеевъ не могъ устоять противъ искушенія — повѣрить свои впечатлѣнія, мысли и чувства бумагѣ, и сталъ писать стихи. Нѣсколько пьесъ онъ послалъ П. А. Плетневу, тогдашнему ректору С.-Петербургскаго университета, покровителю трудящейся молодежи, другу поэзіи, извѣстному литератору и журналисту, продолжавшему, по смерти Пушкина, изданіе «Современника». Стихи понравились Плетневу, который и помѣстилъ ихъ въ своемъ журналѣ. Это были «Ночныя думы», состоявшія изъ трехъ стихотвореній: «Дездемонъ» (Віардо-Гарсін), «Безотчетная грусть», «Дачи» и маленькая переводная пьеска изъ Рюккера — «Пѣсня странника», напечатанная съ неполною подписью автора А. П—въ въ XXXIII томѣ «Современника» 1844 года. Какъ ни слабы были эти первенцы молодой симпатичной музы, но въ нихъ уже чувствовались несомнѣнный поэтический талантъ, вкусъ, извѣстное настроеніе, мысль, умѣнье владѣть стихомъ и искренность неподдѣльнаго чувства. Помѣстивъ четыре названныя пьесы, вотъ что писалъ Плетневъ Я. К. Гроту въ письмѣ отъ 18 марта 1844 года: «Видѣлъ ли ты въ «Современникѣ» стихи съ подписью А. П—въ? Я узналъ, что это нашъ студентъ еще 1-го курса, Плещеевъ. У него виденъ талантъ. Я его призывалъ къ себѣ и обласкалъ его. Онъ идетъ по восточному отдѣленію, живетъ съ матерью, у которой онъ единственный сынъ, и въ университетъ перешелъ изъ школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ, не чувствуя расположенія къ ратной жизни». Смутное ли сознаніе своего настоящаго призванія, простительное юношѣ честолюбіе и грезы о будущей славѣ, или семейныя обстоятельства, какъ говорится въ одной біографической замѣткѣ о поэтѣ, — но молодой литературный дебютантъ нашелъ нужнымъ бросить университетъ, чтобы со всѣмъ увлеченіемъ молодости отдаться литературѣ,

даже дававшей ему нѣкоторый заработокъ. Тогда началась самая горячая пора журнальной дѣятельности А. Н. Плещеева. Въ журналѣ Плетнева и другихъ изданіяхъ онъ помѣщалъ переводы научныхъ статей и компилятивныя работы, а стихотворенія его довольно часто стали появляться въ «Современникѣ», «Библиотекѣ для Чтенія», «Иллюстраціи» Н. В. Кукольника, «Репертуарѣ и Пантеонѣ» В. С. Межевича, «Литературной Газетѣ» А. А. Краевского и въ нѣсколькихъ альманахахъ. Изъ этихъ пьесъ и изъ новыхъ, не появившихся ранѣе въ печати, молодой поэтъ составилъ небольшую книжку стихотвореній. Она вышла въ 1846 году съ эпиграфомъ «*Homo sum, et nihil humani a me alienum puto*» (Я человекъ, и ничто человѣческое мнѣ не чуждо) и была встрѣчена очень сочувственно почти всѣми тогдашними критиками и притомъ разныхъ лагерей.

Послѣ появленія перваго сборника его стихотвореній, которыя затѣмъ начали появляться въ разныхъ изданіяхъ, очень рѣдко, А. Н. Плещеевъ сталъ пробовать свои силы и въ прозѣ. Онъ помѣстилъ нѣсколько переводовъ изъ Огюстьена Тьерри, Шеллинга и другихъ ученыхъ въ «Современникѣ» Плетнева, дѣлалъ компиляціи, былъ фельетонистомъ, писалъ рецензіи, изъ которыхъ нельзя не указать на его прекрасный разборъ книги А. Н. Майкова «Очерки Рима», напечатанный въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» при редакціи А. Н. Очкина (1847 года № 95). Съ 1847 по 1849 годъ включительно появились его повѣсти и разказы: «Енотова шуба», «Шалость» и «Дружескіе совѣты» — въ «Отечественныхъ Запискахъ», «Папироска» — въ «Современникѣ» и «Протекція» — въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ». Эти прозаическіе скромные опыты его были замѣчены всѣми любителями легкаго чтенія и вызвали нѣсколько маленькихъ, лестныхъ для автора, отзывовъ въ печати, въ томъ числѣ и замѣтку М. М. Достоевскаго въ «Пантеонѣ» Ѳ. А. Кони (1848, кн. V). «Прежде всего намъ нравится въ этихъ разказахъ», — говоритъ авторъ замѣтки, — «легкость и непринужденность разказа, простота вымысла и нѣсколько насмѣшливый, вскользь брошенный, но отнюдь не злобливый взглядъ на солидную жизнь, которую ведемъ мы съ вами, почтенный читатель. Правда, его взглядъ не проникаетъ въ самую глубь этой жизни въ разрозненныхъ ея явленіяхъ, не стремится отыскивать одной полной, потрясающей своимъ паѳосомъ, картины, но тѣмъ легче для насъ съ вами, читатель. Потому-то, можетъ быть, намъ такъ и нравится этотъ насмѣшливый взглядъ на нашу солидность и наши солидныя слабости... Мы рады появленію въ нашей литературѣ такого легкаго дарованія, до того рады, что намъ было бы жаль, еслибъ авторъ, измѣнивъ своему невзыскательному роду, захотѣлъ попробовать свои силы въ болѣе серьезномъ родѣ. Послѣ такого прекраснаго начала и солидные и несолидные читатели въ правѣ ожидать отъ г. Плещеева труда болѣе обширнаго, но въ такой же легкой и занимательной формѣ».

Быковъ.

Передовые кружки времени Пещеева; его арестъ и ссылка.

Въ разгаръ своей литературной дѣятельности Алексѣй Николаевичъ вращался въ самыхъ передовыхъ кружкахъ того времени и поддерживалъ дружественныя отношенія съ молодыми писателями М. М. и Ф. М. Достоевскими, С. Ф. Дуровымъ, А. И. Пальмомъ, Ф. Г. Толлемъ, Ф. Н. Львовымъ и другими; эти лица составляли тѣсную литературную семью, которую связывала пламенная любовь къ литературѣ, высшіе интересы и почти одинаковый образъ мыслей. Одинъ изъ такихъ кружковъ собирался въ квартирѣ А. И. Пальма, С. Ф. Дурова и А. Д. Щелкова, жившихъ вмѣстѣ. Здѣсь бывала исключительно «штатская» молодежь. Поэзія, музыка, живопись были, по словамъ Пальма, культомъ этого небольшого кружка, зато на вечера Мих. Вас. Бутащевича-Петрашевскаго, «помимо эстетики, по инициативѣ хозяйина и по какой-то стихійной силѣ, неизбѣжнымъ образомъ вторгались всѣ общественныя вѣянія того времени. Сень-Симонъ, Фурье, Кабе, *Père Enfantin*, потомъ Ламеннэ, Луи Бланъ и, наконецъ, Прудонъ захватили общее вниманіе, читались, перечитывались, комментировались и разбирались, какъ интересныя явленія движенія европейской мысли, съ ихъ чисто теоретической стороны, какъ исканія идеальнаго будущаго, и безъ малѣйшей попытки къ ихъ практическому примѣненію въ настоящемъ...» «Мы, сами того не замѣчая», — говоритъ А. И. Пальмъ, — «становились на весьма скользкую покатость... Замѣчательнѣе всего, что юные сень-симонисты, фурьеристы и коммунисты отлично мирились со своимъ настоящимъ общественнымъ положеніемъ... Если въ частныхъ бесѣдахъ, преимущественно, въ спорахъ, было много рѣзкости и юношеской запальчивости, то положительно можно сказать, что конкретныхъ, твердо намѣченныхъ цѣлей ни у кого не было...»

Это отчасти подтверждаетъ и А. П. Милоковъ въ своей книгѣ «Литературныя встрѣчи и знакомства», въ очеркѣ, посвященномъ Ф. М. Достоевскому. Не лишнимъ будетъ привести разсказъ его о нѣкоторыхъ кружкахъ молодежи, тѣмъ болѣе, что онъ касается и А. Н. Пещеева. «Это было тяжелое время для тогдашней образованной молодежи, — говоритъ А. П. Милоковъ. Съ первыхъ дней парижской февральской революціи самыя неожиданныя событія смѣнялись въ Европѣ одни другими. Небывалыя реформы Пія IX отозвались возстаніями къ Миланѣ, Венеціи, Неаполѣ, взрывъ свободныхъ идей въ Германіи вызвалъ революціи въ Берлинѣ и Вѣнѣ. Казалось, готовится какое-то общее перерожденіе всего европейскаго міра. Гнилыя основы старой реакціи падали, и новая жизнь зачиналась во всей Европѣ. Но въ то же время въ Россіи господствовалъ тяжелый застой; наука и печать все болѣе и болѣе стѣснялись, и придавленная общественная жизнь ничѣмъ не проявляла своей дѣятельности. Изъ-за границы проникала контрабанднымъ путемъ

масса либеральныхъ сочиненій, какъ ученыхъ, такъ и чисто литературныхъ; во французскихъ и нѣмецкихъ газетахъ, несмотря на ихъ кастрированье, безпрестанно проходили возбудительныя статьи; а между тѣмъ у насъ, больше чѣмъ когда-нибудь, стѣснялась научная и литературная дѣятельность, и цензура заразилась самой острой книгобоязнью. Понятно, какъ все это дѣйствовало раздражительно на молодыхъ людей... Чуть не каждая заграничная почта приносила извѣстіе о новыхъ правахъ, даруемыхъ, волей или неволей, народамъ, а между тѣмъ въ русскомъ обществѣ ходили только слухи о новыхъ ограниченіяхъ и стѣсненіяхъ. Кто помнить то время, тотъ знаетъ — какъ все это отзывалось на умахъ интеллигентной молодежи. И вотъ, въ Петербургѣ начали мало-по-малу образовываться небольшіе кружки близкихъ по образу мыслей молодыхъ людей, недавно покинувшихъ высшія учебныя заведенія, сначала съ единственной цѣлью сойтись въ пріятельскомъ домѣ, подѣлиться новостями и слухами, обмѣняться идеями, поговорить свободно, не опасаясь нескромнаго уха и языка. Въ такихъ пріятельскихъ кружкахъ завязывались новыя знакомства, закрѣплялись дружескія связи. Чаще всего бывалъ я на еженедѣльныхъ вечерахъ у тогдашняго моего сослуживца, Иринарха Ивановича Введенскаго, извѣстнаго переводчика Диккенса. Обычными посѣтителеми тамъ были В. В. Дерикеръ — литераторъ и впослѣдствіи докторъ-гомеопатъ, Н. Г. Чернышевскій и Г. Е. Благосвѣтловъ, тогда еще студенты, и преподаватель русской словесности въ одной изъ столичныхъ гимназій, а потомъ помощникъ инспектора классовъ въ Смольномъ институтѣ, А. М. Печкинъ. На вечерахъ говорили, большею частью, о литературѣ и европейскихъ событіяхъ. Тѣ же молодые люди бывали и у меня. Однажды Печкинъ пришелъ ко мнѣ утромъ и, между прочимъ, спросилъ, не хочу ли я познакомиться съ молодымъ начинающимъ поэтомъ А. Н. Плещеевымъ. Передъ тѣмъ я только-что прочелъ небольшую книжку его стихотвореній, и мнѣ понравились въ ней, съ одной стороны, неподдѣльное чувство и простодушіе, а съ другой — свѣжесть и юношеская пылкость мысли. Особенно обратили наше вниманіе небольшія пьесы: «Поэту» и «Впередъ». И могли ли, по тогдашнему настроенію молодежи, не увлекать такія строфы, какъ напримѣръ:

Впередъ! Безъ страха и сомнѣнья
На подвигъ доблестный, друзья!
Зарю святого искупленья
Ужъ въ небесахъ завидѣлъ я.

Смѣлѣй! Дадимъ другъ другу руки
И вмѣстѣ двинемся впередъ,
И пусть подъ знаменемъ науки
Союзъ нашъ крѣпнетъ и растетъ!

Разумѣется, я отвѣтилъ Печкину, что очень радъ познакомиться съ молодымъ поэтомъ. И мы скоро сошлись. Плещеевъ сталъ ѣздить ко мнѣ, а черезъ нѣсколько времени пригласилъ къ себѣ на пріятельскій вечеръ, говоря, что я найду у него нѣсколько хорошихъ людей, съ которыми ему хочется меня познакомиться. И дѣйствительно, я сошелся на этомъ вечерѣ съ людьми, о которыхъ

память навсегда останется для меня дорогою. Въ числѣ другихъ тутъ были: Порфирій Ивановичъ Ламанскій, Сергій Ѳедоровичъ Дуровъ, гвардейскіе офицеры: Николай Александровичъ Монбелли и Александръ Ивановичъ Пальмъ и братья Достоевскіе — Михайль Михайловичъ и Ѳедоръ Михайловичъ. Вся эта молодежь была мнѣ очень симпатична. Особенно сошелся я съ Достоевскими и Монбелли. Послѣдній жилъ тогда въ московскихъ казармахъ, и у него сходился кружокъ молодыхъ людей. Тамъ я встрѣтилъ еще нѣсколько новыхъ лицъ и узналъ, что въ Петербургѣ есть болѣе обширный кружокъ — М. В. Буташевича-Петрашевскаго, гдѣ на довольно многолюдныхъ сходкахъ читаются рѣчи политическаго и соціального характера. Не помню, кто именно предложилъ мнѣ познакомиться съ этимъ домомъ, но я отклонилъ это, не изъ опасенія или равнодушія, а оттого, что самъ Петрашевскій, съ которымъ я незадолго передъ тѣмъ встрѣтился, показался мнѣ не очень симпатичнымъ по рѣзкой парадоксальности его взглядовъ и холодности ко всему русскому. Иначе отнесся я къ предложенію сблизиться съ небольшимъ кружкомъ С. Ѳ. Дурова, который состоялъ, какъ узналъ я, изъ людей, посѣщавшихъ Петрашевскаго, но не вполне согласныхъ съ его мнѣніями. Это была кучка молодежи болѣе умѣренной... Здѣсь, кромѣ тѣхъ, съ кѣмъ я познакомился у Плещеева и Монбелли, постоянно бывали Николай Александровичъ Спѣшневъ и Павелъ Николаевичъ Филиповъ, оба люди очень образованные и милые. Могу сказать положительно, что въ кружкѣ Дурова не было чисто революціонныхъ замысловъ, и сходки эти, не имѣвшія не только писаннаго устава, но и никакой опредѣленной программы, ни въ какомъ случаѣ нельзя было назвать тайнымъ обществомъ. Въ кружкѣ получались только и передавались другъ другу недозволенные въ тогдашнее время книги революціоннаго и соціального содержанія, да разговоры, большею частью, обращались на вопросы, которые не могли тогда обсуждаться открыто. Больше всего занималъ насъ вопросъ объ освобожденіи крестьянъ, и на вечерахъ постоянно разсуждали о томъ, какими путями и когда можетъ онъ разрѣшиться». По складу своего характера, добраго, незлобиваго, по своимъ наклонностямъ и при особенной любви къ мирнымъ литературнымъ занятіямъ, по своимъ симпатіямъ, молодой Плещеевъ больше всего тяготѣлъ къ кружку С. Ѳ. Дурова, такого же, какъ и онъ, вдохновеннаго поэта, цѣнителя красоты въ жизни и искусствѣ и любителя и знатока западно-европейской изящной словесности. Это ему не мѣшало, однако, быть ревностнымъ посѣтителемъ и вечеровъ Буташевичъ-Петрашевскаго. Какъ бы то ни было, но въ апрѣлѣ 1849 года въ Петербургѣ происходили многочисленные аресты по дѣлу петрашевцевъ, и тогда же былъ арестованъ въ Москвѣ и Алексій Николаевичъ, ѣздившій туда по домашнимъ дѣламъ. Его привезли въ Петербургъ и посадили въ Петропавловскую крѣпость, гдѣ онъ просидѣлъ девять мѣсяцевъ. Окончательный приговоръ генераль-

аудиторіата относительно нашего поэта былъ мотивированъ такимъ образомъ: «Плещеева за распространіе письма Бѣлинскаго (къ Гоголю) лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать въ каторжныя работы на четыре года». По другимъ свидѣтельствамъ, всѣ безъ исключенія петрашевцы были приговорены къ смертной казни черезъ разстрѣліаніе, но судъ, въ виду разныхъ смягчающихъ обстоятельствъ и раскаянія подсудимыхъ, нашелъ возможнымъ ходатайствовать объ уменьшеніи имъ наказанія. Тѣмъ не менѣе подсудимые не знали о послѣдовавшемъ помилованіи. 22 декабря 1849 г. ихъ всѣхъ, въ томъ числѣ и Плещеева, привели на Семеновскій плацъ и прочли имъ смертный приговоръ, а затѣмъ уже объявили о помилованіи, дарованномъ императоромъ Николаемъ Павловичемъ. Въ формулярномъ спискѣ о службѣ, причисленнаго къ государственному контролю, титулярнаго совѣтника Алексѣя Плещеева сказано: «По Высочайшей конфирмаціи 19 декабря 1849 г., за участіе въ преступныхъ замыслахъ, происходившихъ на собраніяхъ у Буташевича-Петрашевскаго, и другіе противозаконныя проступки и во вниманіе къ его молодымъ лѣтамъ (А. Н. Плещееву тогда было 24 года), лишенъ былъ всѣхъ правъ состоянія и отданъ на службу въ отдѣльный оренбургскій корпусъ рядовымъ».

Быковъ.

Идеи, объединявшія участниковъ кружка Петрашевскаго и другихъ.

Между тѣмъ какъ въ первой половинѣ 1830-хъ годовъ русская молодежь увлекалась сень-симонизмомъ, теперь самымъ популярнымъ ученіемъ былъ фурьеризмъ.

Петрашевцы знакомились съ социалистическими ученіями изъ сочиненій Сень-Симона и сень-симонистовъ, Фурье, Консидерана, представившаго въ своемъ главномъ сочиненіи «*Destinée sociale*» (1835—1844 гг.) увлекательное изложеніе системы Фурье, сочиненія Кантагреля, защищавшаго идеи Фурье въ сатирической формѣ, журнала «*Phalange*», издававшагося съ 1836 года почти до самаго конца 40-хъ годовъ подъ редакцію Консидерана при сотрудничествѣ другихъ фурьеристовъ, въ особенности Кантагреля и Туссенеля, изъ «*Almanach phalansterien*», изъ сочиненій Кабэ, Луи-Блана, Прудона, Ламеннэ и трудовъ о социализмѣ Бидермана и Лоренца Штейна. Больше всего были распространены, повидимому, сочиненія самого Фурье, а сочиненія Консидерана упоминаются гораздо рѣже. Самымъ пламеннымъ фурьеристомъ былъ Петрашевскій, вѣрившій въ возможность осуществленія утопическихъ плановъ Фурье въ ближайшемъ будущемъ. Еще въ 1846 году Петрашевскій горячо рекомендовалъ сочиненія Фурье въ своей статьѣ «Организація производства» въ изданномъ имъ подъ именемъ другого лица, Кириллова, «Карманномъ словарѣ иностранныхъ словъ», второй выпускъ котораго, послѣ посту-

пленія его въ продажѣ, былъ конфискованъ. Согласно ученію Фурье, Петрашевскій считалъ «главными производительными силами или началами» во всякомъ производствѣ талантъ, капиталъ и трудъ. «Предпочтеніе, оказываемое капиталу, овеществившемуся труду, простирается до того, что личность и права человѣка, какъ человѣка, иногда приносятся въ жертву овеществленному труду (*travail consolidé*) предшествовавшихъ поколѣній человѣчества, часто незаконно и несправедливо усвоенному». То вліяніе, «которое приобрѣли на общественную жизнь овеществленный трудъ — капиталъ и ихъ представитель — деньги или денежная аристократія... не могло долго оставаться незамѣченнымъ и не обратитъ на себя вниманія всѣхъ тѣхъ, кому близки къ сердцу прогрессъ и счастье человѣчества, и не заставитъ ихъ отыскивать способы къ устраненію этого общественаго зла. Такимъ образомъ возникнулъ вопросъ объ *организации производства*, который сталъ теперь жизненнымъ вопросомъ современнаго общества и породилъ цѣлую литературу, которая должна составить эпоху въ исторіи человѣчества по тому благотворному вліянію, которое она способна оказать на будущее развитіе человѣчества и устроеніе его благосостоянія».

Не упоминая о различныхъ другихъ способахъ организаціи производства и отсылая желающихъ ознакомиться съ историческимъ развитіемъ этого вопроса къ книгѣ фурьериста Виллегарделля¹⁾, Петрашевскій на этотъ разъ ограничивается указаніемъ на ученіе Шарля Фурье, «преимущественно замѣчательное потому, что оно не исключаетъ и не приноситъ ни одного изъ сихъ агентовъ производства въ жертву другому, и черезъ это дѣлаетъ *безусловно возможнымъ* установленіе солидарности интересовъ, нисколько не оскорбляя уже установившихся общественныхъ отношеній. Въ своихъ сочиненіяхъ «*Nouveau monde industriel*» и «*La fausse industrie*» онъ показываетъ эти способы согласованія. Предложенный имъ способъ замѣчателенъ тѣмъ, что онъ, признавая значеніе всѣхъ этихъ производительныхъ силъ, даетъ каждой изъ нихъ постоянное безобидное вознагражденіе — дивидендъ, и тѣмъ ослабляетъ дѣйствіе капитала». Указавъ на то, какъ предлагаетъ Фурье дѣлить «всю массу вновь произведенныхъ цѣнностей» между представителями капитала, труда и таланта (за вычетомъ издержекъ производства), Петрашевскій поясняетъ, что Фурье «не всякому труду предлагаетъ равное вознагражденіе, но всякому труду предлагается доля, *прямо пропорціональная его полезности и обратно пропорціональная его привлекательности*».

7 апрѣля 1849 года въ день рожденія Фурье былъ устроенъ въ квартирѣ Европеуса обѣдъ, на которомъ присутствовали Петрашевскій, два брата Дебу, Спѣшневъ, Кашкинъ, Д. Д. Ахшарумовъ, Ханыковъ, два брата Европеуса, Есаковъ и Ващенко. Приглашенный

¹⁾ Villegardelle: «Histoire des idées sociales avant la Révolution française, ou les socialistes modernes devances et dépassés par les anciens penseurs».

на обѣдъ Н. Я. Данилевскій, считавшійся большимъ знатокомъ ученія Фурье и читавшій о немъ лекціи на собраніяхъ у Петрашевскаго, не явился. Ахшарумовъ въ своей рѣчи, между прочимъ, сказалъ: «Сегодня первый обѣдъ фурьеристовъ въ Россіи, и *все они здѣсь*, десять человекъ» (кромѣ самого оратора) «немногимъ болѣе». Дѣйствительно, не все, причастные къ дѣлу Петрашевскаго, увлекались въ такой степени, какъ Ахшарумовъ и нѣкоторые другіе, ученіемъ Фурье.

И. М. Дебу и Ханьковъ, человекъ очень живой, имѣвшій массу знакомыхъ, стали интересоваться социалистическими ученіями еще на университетской скамьѣ. У нихъ составился свой кружокъ, и подъ вліяніемъ лекцій профессора Порошина они вообще занимались экономическими и общественными вопросами, стали изучать сочиненія Луи Блана, Фурье, Прудона, сочиненія Л. Штейна о социализмѣ во Франціи, а свѣдѣнія о Россіи почерпали, между прочимъ, изъ сочиненія Гакстгаузена. Въ этомъ кружкѣ принималъ также участіе Фонвизинъ (сынъ декабриста), выѣхавшій изъ Петербурга на югъ въ 1847 году. На обѣдѣ въ память Фурье Ханьковъ произнесъ въ честь его пламенную рѣчь, а И. М. Дебу сдѣлалъ предложеніе о переводѣ на русскій языкъ главнѣйшихъ сочиненій Фурье, и все присутствовавшіе согласились принять участіе въ этомъ переводѣ. Оба брата Дебу, Ахшарумовъ, Спѣшневъ, Ханьковъ, Европеусъ старшій, Ващенко и Есаковъ входили, какъ мы видѣли, въ составъ специально занимавшагося изученіемъ сочиненій Фурье кружка Капкина, по воспитанію лицеиста, также служившаго въ азіатскомъ департаментѣ. Они начали было составлять вторую бібліотеку изъ социалистическихъ сочиненій, которою завѣдывалъ К. М. Дебу. Д. Д. Ахшарумовъ произнесъ на обѣдѣ въ высшей степени характерную рѣчь въ духѣ фурьеризма, которая понята была слѣдователями буквально и (въ связи съ найденными его набросками) вызвала обвиненіе ея автора въ желаніи «разрушить города и храмы».

Во время ареста Ахшарумова у него найдена была «Записная книга 1848 года», съ изложеніемъ въ ней темъ или отдѣльныхъ мыслей. На первой страницѣ, въ видѣ перечня предметовъ, о которыхъ слѣдуетъ писать, здѣсь было сказано слѣдующее: «О невозможности улучшенія человѣчества доселѣ принятыми средствами: религіею и ею предписываемыми правилами, проповѣдями священниковъ, устройствомъ суда и законовъ и о крайней необходимости измѣнить все, передѣлать во всѣхъ основаніяхъ общество и всю нашу глупую, безтолковую и пустую жизнь; объ уничтоженіи семейной жизни, труда, собственности въ такомъ видѣ, какъ они теперь, государства никуда не годнаго съ его министрами» и государями и «ихъ вѣчной бесполезной политикой, объ уничтоженіи законовъ, войны, войска, городовъ и столицъ, въ которыхъ люди тяготятся и не перестаютъ страдать, проводятъ жизнь въ однихъ мученіяхъ и умираютъ въ отвратительныхъ болѣзняхъ».

Кромѣ того, въ бумагахъ друга Ахшарумова, его товарища по гимназій и университету Ишполита Матвѣевича Дебу 2-го, была найдена тетрадь Ахшарумова съ изложеніемъ его разсужденій по тремъ вопросамъ: «1) какія мои мысли и убѣжденія? 2) свободенъ ли я? в) готовъ ли я?» Въ этой тетради слѣдственная комиссія по дѣлу петрашевцевъ обратила вниманіе на слѣдующія мѣста: «Жизнь, какъ она идетъ теперь, слишкомъ тяжела, обременительна, переполнена всякаго рода непріятностями и гадостями... Все это... томленіе, все, что мы всё поневолѣ терпимъ каждый день, происходитъ оттого, что человѣкъ соединился въ слишкомъ огромномъ множествѣ для устройства общественнаго своего блага... Оттого миллионы людей, желавшихъ лучшаго, не могли достигнуть своей цѣли. Они дѣлали ужасную ошибку: хотѣли устроить все переменною однихъ формъ управленія и не замѣтили того, что государства нельзя устроить. Государство должно погибнуть съ его министрами» и государями, «съ его войскомъ, съ его столицами, законами и храмами. Необходимо, чтобы вмѣсто него произошли небольшія общества, но которыя имѣли бы въ себѣ цѣлость, полноту, разнообразіе, независимость одно отъ другого, и представляли бы, такъ сказать, интегралы человѣчества». Далѣе, описывая всю тягость жизни въ нашемъ обществѣ, происходящую, по его мнѣнію, отъ неполнаго удовлетворенія всѣхъ страстей человѣка, авторъ пишетъ, что уничтожить это есть одно средство — «фаланстеръ Фурье».

Приведемъ одно стихотвореніе Д. Д. Ахшарумова въ духѣ ученія Фурье, написанное имъ во время заключенія въ крѣпости въ августѣ 1849 года, такъ какъ оно живо рисуетъ его увлеченіе фурьеризмомъ: «Будущее земли и ея обитателей (по Фурье)».

Etude psycho-physique (Fourier).

Земля, несчастная земля,
 Мірѣ стоновъ, жалобъ и мученья!
 На ней вся жизнь подъ гнетомъ зла
 И всюду плачь — со дня рожденья!
 Въ дѣлахъ людскихъ раздоръ и крикъ,
 И трубный звукъ, и гулъ орудій,
 И вопль, и дикой славы кликъ:
 Другъ друга бьютъ и рѣжутъ люди!
 Но время лучшее придетъ:
 Война кровавая пройдетъ,
 Земля произрастетъ плодами,
 И бѣдный мученикъ — народъ
 Свободу жизни обрѣтетъ
 Съ ея высокими страстями:
 Обильный хлѣбъ взрастетъ надъ взрытыми полями,
 И нищая земля покроется дворцами.
 Тогда и для земной планеты
 Настанетъ періодъ иной...
 Тогда измѣнятся и люди и природа,
 И будутъ на землѣ миръ, счастье и свобода

Выдающимся членом кружка, собиравшагося у Кашкина, былъ Н. А. Спѣшневъ, человекъ въ высшей степени симпатичный, прошедшій четыре года за границей. По возвращеніи въ Россію онъ сталъ посѣщать собранія Петрашевскаго, съ которымъ былъ знакомъ еще въ лицѣѣ (они были товарищи и ровесники), говорилъ тамъ рѣчи, участвовалъ въ преніяхъ. Онъ былъ одинъ изъ наиболѣе радикальныхъ людей и въ религіозномъ и въ политическомъ отношеніи изъ числа привлеченныхъ по дѣлу Петрашевскаго, какъ это будетъ видно далѣе, и болѣе многихъ другихъ рвался перейти изъ области разговоровъ къ практической дѣятельности. Въ концѣ 1848 и въ началѣ 1849 года онъ бывалъ на собраніяхъ у Дурова, Кашкина и Плещеева. Какъ уже было упомянуто, на вечерѣ у Плещеева онъ вызывался печатать за границей запрещенныя книги и участвовалъ въ совѣщаніяхъ у Дурова объ устройствѣ тайной типографіи. Вмѣстѣ со студентомъ Филипповымъ онъ рѣшилъ устроить эту типографію у себя и съ этою цѣлью, за день до ареста Спѣшнева, Филипповъ уже доставилъ къ нему купленные на деньги Спѣшнева нѣкоторыя типографскія принадлежности. Тогда Тимковскій въ октябрѣ 1848 года на собраніи у Петрашевскаго предложилъ для изученія и пропаганды системы Фурье устраивать кружки съ тѣмъ, чтобы они собирались у тѣхъ, кто глубже изучилъ науку, а хозяева этихъ кружковъ, какъ люди болѣе свѣдующіе, составляли бы особый кругъ, который руководилъ бы прочими, разъяснялъ вопросы темные или спорные и заботился бы о пропагандѣ, то изъ всѣхъ присутствовавшихъ на собраніи къ его мнѣнію присоединился только Спѣшневъ. На другой день они, по взаимному соглашенію, рѣшили, что Тимковскій, до возвращенія своего изъ Ревеля прекратитъ всякія сношенія съ кружкомъ Петрашевскаго (гдѣ, какъ мы видѣли, его мысль не встрѣтила сочувствія), а затѣмъ, «смотря по дѣйствіямъ» лицъ, посѣщавшихъ Петрашевскаго, будетъ видно, слѣдуетъ ли съ ними сблизиться, или нѣтъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ они тутъ же рѣшили, по возвращеніи Тимковскаго изъ Ревеля, а Данилевскаго изъ деревни составить втроемъ особый кружокъ и дѣйствовать, какъ предлагалъ Тимковскій у Петрашевскаго, но предположеніе это не осуществилось, и Спѣшневъ, у котораго съ Петрашевскимъ было нѣкоторое соревнованіе, вошелъ въ составъ кружка Кашкина. Относительно Тимковскаго еще отмѣтимъ, что онъ высказывалъ мысль о подачѣ правительству просьбы объ ассигнованіи денежныхъ средствъ на учрежденіе перваго общества для изученія и распространенія системы Фурье. Петрашевскій также полагалъ, что было бы весьма полезно мѣрою со стороны правительства, если бы оно дало средства на устройство перваго фаланстера. Это напоминаетъ предположенія членовъ «Союза Благоденствія» при Александрѣ I о возможности для этого общества работать съ вѣдома и одобренія правительства.

Данилевскій на слѣдствіи заявилъ, что февральская революція во Франціи разстроила его надежды на скорое осуществленіе ученія

Фурье, и потому съ мая 1848 года онъ совсѣмъ пересталъ бывать на вечерахъ у Петрашевскаго, но не пересталъ считать это ученіе справедливымъ даже и послѣ того, какъ имѣлъ много времени обдумать и обсудить его.

Люди, живо интересующіеся социализмомъ вообще и особенно фурьеризмомъ, были и въ провинціи, гдѣ они распространяли по возможности, ученіе, которое сами исповѣдовали. Таковы были Тимковскій и Беклемишевъ въ Ревелѣ (гдѣ первый переводилъ сочиненія Кантагреля и Консидерана) и Кайдановъ въ Ростовѣ. Горячій интересъ послѣдняго къ социализму виденъ изъ его переписки съ братомъ.

Въ маѣ 1848 года Кайдановъ проситъ брата достать ему книгу Консидерана «Destinée sociale», и «кого еще знаешь изъ учениковъ Фурье, напримѣръ Muiron». Всего болѣе я желалъ бы имѣть фурьеристовъ, но буду также очень радъ, если ты достанешь мнѣ кого-нибудь изъ другихъ социалистовъ, напр. Прудона, Луи-Блана. Не худо бы мнѣ прочесть Saint-Simon. Что же касается до Каба, то пришли мнѣ его только въ томъ случаѣ, если онъ написалъ что-нибудь получше «Voyage en Icarie». Въ июлѣ того же года онъ увѣдомляетъ, что получилъ книги, «прочиталъ Muiron и началъ читать Прудона». Онъ горячо благодаритъ брата «за насыщеніе хлѣбомъ духовнымъ» его и «всей здѣшной небольшой паствы». Просилъ прислать еще сочиненія Консидерана или журналъ Phalange; «деньгами», прибавляетъ онъ, «не стѣняйся: я скорѣе откажусь отъ сапоговъ, нежели отъ книгъ одного изъ апостоловъ Фурье». Въ октябрѣ Кайдановъ пишетъ: «Biedermann'a я прочиталъ съ большимъ удовольствіемъ, и мнѣ такъ понравился ясный и безпристрастный взглядъ его на социализмъ и социальныя теоріи, что я началъ переводить его, чтобы доставить возможность прочитать его и тѣмъ, кто не знаетъ нѣмецкаго языка. За Phalange я не знаю, какъ и благодарить тебя, хотя успѣлъ прочитать только первый livraison, но почти могу составить о ней мнѣніе... Не стану скрывать отъ тебя, что Doherty мнѣ не нравится. («La guerre des paysans»¹⁾ я прочиталъ съ самымъ живымъ интересомъ. Статья Les trois unités externes — превосходна²⁾). И еще не читалъ Cosmogonie, и, признаюсь, она меня нѣсколько пугаетъ, несмотря на то, что это манускриптъ Фурье³⁾). Это не покажется тебѣ страннымъ, потому что ты знаешь, что я, будучи совершенно убѣжденъ въ истинѣ и исполнимости ученія Фурье, вовсе не считалъ себя обязаннымъ свято вѣрить à toutes les extravagances de notre maître. Documents phalansteriens и L'introductioin, — вѣроятно, статьи Консидерана, привели меня въ такой восторгъ, что я не могъ ихъ вдругъ прочитать. Нѣсколько разъ я долженъ былъ бросать книгу и по получасу ходить по комнатѣ, чтобы успокоиться отъ волненія и быть въ состояніи опять читать». Наконецъ, въ декабрѣ 1848 года, Кайдановъ, между прочимъ, писалъ: «Вчера я получилъ Phalange, за которую тебѣ и шлю и благодарность. Кажется, что этотъ годъ еще лучше 45-го⁴⁾).

Соціалистическая пропаганда велась и въ Казани. Н. Флеровскій рассказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ: «Когда я былъ студентомъ въ казанскомъ университетѣ, къ намъ пріѣхало три человѣка изъ петербургскихъ кружковъ, основанныхъ Петрашевскимъ. Двое изъ нихъ были весьма серьезными людьми и впослѣдствіи сдѣлались

¹⁾ Статья Alex. Veill'я.

²⁾ Изъ рукописей Фурье, *ibid.*

³⁾ Въ томъ же I т. этого изданія.

⁴⁾ «Общество Пропанды», 79—82.

извѣстными учеными. Они дѣйствовали такъ же, какъ Петрашевскій: они распространяли ученіе Фурье. И тутъ же результаты были тѣ же, какъ въ Петербургѣ. Въ самомъ скоромъ времени они приобрѣли въ университетѣ большое вліяніе. Петербургскіе гости учили насъ самостоятельно заниматься наукой.

Мы указывали выше на сочувствіе социализму вообще и въ особенности фурьеризму, членовъ кружка Дурова, хотя и не всѣхъ. «Всѣ мы изучали этихъ социалистовъ», рассказываетъ А. П. Милуковъ, «но далеко не всѣ вѣрили въ возможность практическаго осуществленія ихъ плановъ. Въ числѣ послѣднихъ былъ Ѳ. М. Достоевскій. Онъ читалъ социальныхъ писателей, но относился къ нимъ критически. Соглашаясь, что въ основѣ ихъ ученія была цѣль благородная, онъ, однако жъ, считалъ ихъ только честными фантазерами. Въ особенности настаивалъ онъ на томъ, что всѣ эти теоріи для насъ не имѣютъ никакого значенія, что мы должны искать источниковъ для развитія русскаго общества не въ ученіяхъ западныхъ социалистовъ, а въ жизни и вѣковомъ историческомъ строѣ нашего народа, гдѣ въ общинѣ, артели и круговой порукѣ давно уже существуютъ основы болѣе прочныя и нормальныя, чѣмъ всѣ мечтанія сенъ-симонистовъ. Онъ говорилъ, что жизнь въ икарійской коммунѣ представляется ему ужаснѣе и противнѣе всякой каторги».

Впрочемъ, по свидѣтельству И. М. Дебу, и фурьеристы, придавая значеніе русской общинѣ, съ которою ихъ познакомилъ нѣмецкій путешественникъ по Россіи бар. Гакстаузенъ.

Въ тѣсной связи съ увлеченіемъ фурьеризмомъ находилось отрицаніе семьи въ ея современной формѣ, что было однимъ изъ символовъ вѣры этого ученія. Рѣзче всего это отрицаніе было выражено Ханыковымъ въ его рѣчи на обѣдѣ въ память Фурье: «Семья», сказалъ онъ здѣсь, «есть угнетеніе, семья есть деспотизмъ, владычество исключительно привилегированныхъ группъ, нарушенная гармонія страстей... Принципъ нашего ученія есть страсти, основное (питательное) начало всемірнаго движенія, глаголу и велѣнію которыхъ подчинено все сущее». Д. Д. Ахшарумовъ въ своей рѣчи также утверждалъ, что современное общество — «скопище, разрозненное семействами, которыя вредятъ другъ другу, теряютъ время и силу и обѣдняются въ бесполезныхъ трудахъ». Семья считалась помѣхою и для общественной дѣятельности. Такъ, напр., Дуровъ на собраніяхъ у Петрашевскаго доказывалъ, что «родственные связи опутываютъ человѣка». Соотвѣтственно этимъ воззрѣніямъ мы находимъ вылазки противъ брака въ современномъ цивилизованномъ обществѣ во второмъ выпускѣ «Словаря иностранныхъ словъ» Кириллова. Такъ какъ «установленіе формы брака», сказано здѣсь, «было болѣе результатомъ столкновенія случайностей общественныхъ, политическихъ и экономическихъ нуждъ извѣстныхъ народовъ и ихъ религіозныхъ предубѣжденій (какъ, напр., у римлянъ, грековъ, евреевъ и т. п.), нежели дѣломъ полнаго сознанія истинныхъ потребностей природы

человѣческой, то мы находимъ во всѣхъ формахъ брака безъ различія, установленныхъ положительно разными законодательствами, введеніе многихъ постороннихъ элементовъ, ни мало не вытекающихъ изъ сущности самаго брака и дѣлающихъ этотъ священный союзъ любви... тривиальнымъ орудіемъ достиженія разныхъ побочныхъ цѣлей. Такъ что *любовь* — высокое правило, провозглашенное христіанствомъ для междучеловѣческихъ отношеній, а тѣмъ уже болѣе для супружескихъ, является почти совершенно позабытымъ и изгнаннымъ въ настоящихъ брачныхъ отношеніяхъ... бракъ... въ жизни дѣйствительной есть договоръ болѣе соединенія хозяйствъ, чѣмъ святого единенія... Такъ что мы ни одну изъ положительно существующихъ формъ брака не можемъ почесть удовлетворяющей рациональнымъ требованіямъ природы человѣческой» (стр. 199—200).

Въ статьѣ «Мораль», въ томъ же словарѣ, авторъ говоритъ: «Отличительная черта всѣхъ положительныхъ правоученій, преимущественно основывающихся на религіозныхъ ученіяхъ, есть односторонность или исключительность и нетерпимость» (стр. 203). Вѣроятно, въ этомъ смыслѣ говорилъ, по свидѣтельству слѣдственной комиссіи, на собраніи у Кашкина Европеусъ-старшій «о ненужности морали, какъ науки, лишенной всякаго значенія въ настоящее время.

У многихъ петрашевцевъ, какъ то: самого Петрашевскаго, Стѣпнева, Ястржембскаго, Толля, Кашкина, Ханькова, Баласогло, Момбелли, Кузьмина, Тимковскаго и привлекавшихся по этому же дѣлу Катенева, Толстова и Утина — было замѣчено отрицательное отношеніе къ религіи; на противъ того, Достоевскій, а по свидѣтельству его, и Дуровъ были люди религіозные. Среди нерелигіозныхъ людей отрицательное отношеніе къ религіи нерѣдко объясняется изученіемъ сочиненій Фейербаха. Такъ, напр., учитель Ф. Г. Толль, впоследствии извѣстный педагогъ, посѣщавшій собранія Петрашевскаго около трехъ лѣтъ, по просьбѣ его читалъ на нѣкоторыхъ вечерахъ разсужденіе о происхожденіи религіи, основанное на изученіи произведеній Фейербаха, Бауера и др. Такъ, напр., 11 марта 1849 года онъ говорилъ на собраніи у Петрашевскаго рѣчь на тему: «Нужна ли религія въ социальномъ смыслѣ?» 25-го марта Толль также читалъ разсужденіе о религіи. Чтеніе Толля породило много жаркихъ преній. Отсутствие религіознаго чувства обнаружено было и въ найденномъ у Толля его сочиненіи подъ названіемъ «Историческое разсужденіе о началѣ и развитіи народовъ», въ которомъ онъ сравнивалъ Иисуса Христа съ основателями языческихъ религій. Стѣпневъ читалъ у Петрашевскаго трактатъ объ атеизмѣ; Ястржембскій очень рѣзко отзывался о богословіи. Кашкинъ на одномъ изъ своихъ собраній читалъ рѣчь, въ которой отрицалъ бытіе Бога на основаніи существованія страданій человѣчества. Въ заключеніе онъ сказалъ: «Но истина ни въ слѣпой вѣрѣ, ни въ невѣріи, ни въ томъ, ни въ другомъ метафизическомъ ученіи, — истина въ природѣ. Въ ней высшій разумъ начерталъ волю свою, и изъ природы челоуѣкъ долженъ перенести

ее въ свою жизнь, въ свое общественное устройство. Онъ научился открывать въ естественныхъ наукахъ законы природы, — остается применить ихъ къ наукѣ общественной. И когда онъ это сдѣлаетъ, человечество будетъ имѣть законъ, счастье и совершенство, пока же онъ не осуществитъ воли высшаго начала, Творца своего, ясно начертанной въ великой книгѣ Природы, будетъ борьба, будетъ мракъ, будетъ несчастіе, царство лжи и зла». Хаңиковъ въ рѣчи на обѣдѣ въ память Фурье, между прочимъ, сказалъ: «Преображеніе близко! но не въ вѣрѣ... а въ наукѣ чистой будемъ приобрѣтать мы бодрость нашихъ страстей на терпѣніе, на дѣло!» Агентъ добылъ отъ Катенева написанную этимъ послѣднимъ тетрадь, заключающую переводъ сочиненія Фейербаха «Религія будущности»¹⁾ и представилъ ее своему начальству. Катеневъ списалъ эту тетрадь съ экземпляра, даннаго ему Шапошниковымъ, отъ котораго онъ бралъ и сочиненіе Вольтера «Нравственный законъ». Въ бумагахъ Утина былъ найденъ переводъ этого сочиненія Фейербаха.

Студентъ Филипповъ написалъ объясненія 10 заповѣдей съ цѣлью провести нѣкоторые либеральные взгляды по крестьянскому вопросу, протестовать противъ войны и проч.²⁾ О. М. Достоевскій и нѣкоторые другіе, напр., Катеневъ, высказывали мысль о необходимости пропаганды среди раскольниковъ.

Петрашевскій въ своихъ письменныхъ показаніяхъ на допросахъ во время слѣдствія предлагалъ «предоставить старообрядцамъ и раскольникамъ свободное публичное отправленіе ихъ вѣроученія, чрезъ что волеется въ общежитіе русское 700 тыс. народа, отъ него отошедшаго».

Что касается политическихъ взглядовъ петрашевцевъ, то нѣкоторые изъ нихъ отрицательно относились къ конституціонализму, и такое мнѣніе поддерживалось, между прочимъ, тѣмъ, что при высокомъ избирательномъ цензѣ лишь сравнительно незначительное количество гражданъ пользуется политическими правами. Въ бесѣдахъ на собраніяхъ Петрашевскаго, Капкина и др. одни (напр. Момбелли) прямо высказывались за республику³⁾, другіе допускали, какъ

¹⁾ «Grundsätze der Philosophie der Zukunft» (1843).

²⁾ Слѣдственная комиссія обратила особенное вниманіе на толкованія шестой заповѣди, въ которомъ Филипповъ, между прочимъ, писалъ: «Всѣ вы идете смотрѣть, какъ наказываютъ мужиковъ, что посмѣли ослушаться господина или убили его. Развѣ вы не понимаете, что они исполнили волю Божию и что принимаютъ наказаніе, какъ мученики за своихъ ближнихъ. Развѣ не будете защищаться, коли нападутъ на васъ разбойники, а помѣщикъ, обижаящій крестьянъ своихъ, не хуже ли онъ разбойника? Не должно быть и войны, ибо всѣ люди, по слову евангельскому, должны жить какъ братья, и потому начинающій войну дать отвѣтъ на судѣ страшномъ, а кто защищается, тотъ не повиненъ въ крови братьевъ. Итакъ, если мы пойдемъ войною на чужой народъ, — согрѣшимъ. Но всѣхъ болѣе согрѣшитъ тотъ, кто начинаетъ войну и ведетъ народъ свой на убійство... Отвѣтитъ и народъ, который пустилъ своихъ братьевъ на убой».

³⁾ Точно такъ же Катеневъ, студентъ Толстовъ и Шапошниковъ въ бесѣдахъ между собою. Петрашевскій, какъ мы видѣли, высказался за республику въ своихъ замѣткахъ, набросанныхъ во время его пребыванія въ университетѣ.

переходную форму, конституціонное правленіе, но для фурьеристовъ конечнымъ идеаломъ было совершенное исчезновеніе европейскаго государственнаго строя съ его государями, министрами, войскомъ и столицами и замѣна его небольшими общинами по планамъ Фурье. Въ одной изъ рѣчей фурьериста Кашкина находимъ такое мѣсто: «Форма правленія не достаточна, чтобы привести человѣка къ осуществленію стремленія его къ счастью». Д. Д. Ахшарумовъ полагалъ, что осуществить планы Фурье возможно при конституціонномъ правленіи; въ своей записной книжкѣ онъ писалъ: для устройства фаланстеровъ по ученію Фурье «самое большое препятствіе... глупое, пустое, злое и сильное правительство. Вопросъ приводится къ тому, какимъ образомъ получить правительство, терпящее нововведенія». Монархическое неограниченное правленіе, по мнѣнію Ахшарумова, можетъ не препятствовать желательнымъ реформамъ лишь тогда, «когда будетъ на престолѣ человѣкъ любознательный, благонамѣренный, преданный благу всего человѣчества, но съ... негодными, недовѣрчивыми, всего опасющимися» государями, «съ невѣжествомъ министровъ и всего правительства рѣшительно нѣтъ надежды на такое нововведеніе. Потому намъ нельзя оставить это въ такомъ положеніи. Надо измѣнить правленіе, но осторожно, чтобы не произошелъ слишкомъ сильный беспорядокъ, который бы вовлекъ народъ опять въ старое». Если невозможна республика, то нужно, по крайней мѣрѣ, ограничить власть монарха. «Надо конституцію, которая дала бы свободу книгопечатанія, открытое судопроизводство, устроила бы особое министерство для разсмотрѣнія новыхъ проектовъ и улучшеній общественной жизни и чтобы не было никакихъ стѣсненій никакихъ вмѣшательствъ въ дѣла частныхъ людей, въ какомъ бы числѣ они ни сходились вмѣстѣ... Трудно говорить о томъ, какое правленіе въ Россіи скорѣе приведетъ къ цѣли... Стоять... и дожидаться упрямо республиканскаго правленія — значить терять время, потому что конституціонное лучше монархическаго неограниченнаго. Пока у насъ нѣтъ человѣка, извѣстнаго всѣмъ, у котораго былъ бы авторитетъ и популярность, то надобно имѣть» монарха, но «предоставить ему самыя ничтожныя преимущества» и объяснить народу, что государь «на все имѣетъ право только съ согласія его самого» (т.-е. народа); «такъ, на примѣръ, оставить ему титулъ, голосъ его въ народномъ собраніи считать за нѣсколько голосовъ..., и т. п., но чтобы у него не было права ни распускать, ни созывать собраніе, ни назначать время продолженія его, чтобы войско не было въ рукахъ его. Дѣла разсматриваются всё въ одной палатѣ, президентъ избирается на короткое время. Потомъ, когда собраніе получитъ довѣренность народа, то можно обойтись» и безъ государя.

Здѣсь же онъ разсматривалъ вопросъ, какъ вести пропаганду среди простаго народа, въ университетѣ, лицѣѣ, въ училищѣ правовѣдѣнія, кадетскихъ корпусахъ и другихъ учебныхъ заведеніяхъ. На собраніяхъ у Петрашевскаго въ мартѣ и 1 апрѣля 1849 года также

обсуждался вопросъ, какъ вооружать народъ, служащихъ и проч. противъ начальства.

Въ своемъ показаніи на слѣдствіи *Θ. М. Достоевскій* писалъ: «Реформы политической фурьеризмъ не полагаетъ» (т.-е. не требуетъ), «его реформа экономическая; она не посягаетъ ни на правительство ни на собственность, а въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій палаты Викторъ Консидеранъ, представитель фурьеристовъ, торжественно отказался отъ всякаго посягательства на фамилію» (т.-е. на семью). «Наконецъ, эта система — кабинетная и никогда не будетъ популярною» (т.-е. не распространится въ народъ?). «Фурьеристы во время всего февральскаго переворота ни разу не вышли на улицу, а остались въ редакціи своего журнала, гдѣ они проводятъ свое время уже слишкомъ двадцать лѣтъ въ мечтахъ о будущей красотѣ фаланстеры». Но Достоевскій не зналъ, или не нашелъ нужнымъ объ этомъ заявлять, что послѣ февральской революціи школа фурьеристовъ осудила прежнее равнодушное отношеніе своихъ единомышленниковъ къ политикѣ, и въ палатѣ депутатовъ Консидеранъ вмѣстѣ съ 20 лицами, раздѣлявшими его взгляды и примкнувшими къ крайней лѣвой, энергично защищаль социальныя идеи Фурье и интересы рабочихъ.

Въ откровенныхъ бесѣдахъ молодежи и найденныхъ при обыскахъ рукописяхъ не было недостатка въ рѣзкихъ выходкахъ противъ правительства; указывалось и на тяжелое положеніе народа. Такъ, напр., Момбелли въ одномъ разсужденіи писалъ: «О, Россіяне! Ради Бога опомнитесь, пока еще не всё средства истощены, пока еще можно поправить зло; займы у Гоппе и компаніи, сравнительно съ богатствами Россіи, еще не очень значительны, хотя огромны. И теперь еще пробѣгаетъ холодный трепетъ по жиламъ при воспоминаніи о видѣнномъ мною кусочкѣ хлѣба, которымъ питаются крестьяне Витебской губ.: мука вовсе не вошла въ его составъ; онъ состоитъ изъ мякины, соломы и еще какой-то травы, не тяжелой пуху, и видомъ похожъ на высушенный конскій навозъ, сильно перемѣшанный съ соломою». Въ другомъ найденномъ у него листкѣ Момбелли, между прочимъ, писалъ: «Въ Россіи десятки милліоновъ страдаютъ, тяготятся жизнью, лишены правъ человѣческихъ или ради плебейскаго происхожденія своего, или ради ничтожности общественнаго положенія, или по недостатку средствъ существованія; за то въ то же время небольшая часть привилегированныхъ счастливыхъ, нахально смѣясь надъ бѣдствіями ближнихъ, истощается въ изобрѣтеніи роскошныхъ проявленій мелочнаго тщеславія и низкаго разврата, прикрытаго утонченною роскошью».

Въ толкованіи 10 заповѣдей студ. Филиппова мы находимъ рѣзкій протестъ противъ войны; въ «Солдатской бесѣдѣ» Григорьева яркими красками описывается тяжелое положеніе солдатъ, а въ дневникѣ поручика Момбелли раздаются громкія проклятія военной службѣ, которая «въ самое короткое время разрушаетъ здоровье, останавли-

ваает и притупляетъ умственныя способности, — и все переносишь», продолжаетъ Момбелли, «съ совершеннымъ убѣжденіемъ, что тѣмъ не приносишь никому никакой пользы, — ни отечеству, ни человѣчеству, ни ближнимъ; напротивъ, видишь ясно, что службою вредишь себѣ прямо и отечеству — косвенно, потому что содержаніе военныхъ силъ требуетъ огромныхъ суммъ, часть которыхъ могла бы быть употреблена на общественныя пользы».

Въ кружкахъ, гдѣ было такъ много писателей, не могли не раздаваться безпрестанно жалобы на цензуру. О. М. Достоевскій въ своемъ «показаніи», между прочимъ, писалъ: «Я говорилъ о цензурѣ, объ ея непомѣрной строгости въ наше время.. Мнѣ грустно было, что званіе писателя унижено въ наше время какимъ-то темнымъ подозрѣніемъ, и что на писателя уже заранѣе, прежде чѣмъ онъ написалъ что-нибудь, цензура смотритъ какъ-будто на какого-то естественнаго врага правительству и принимается разбирать его рукопись уже съ очевиднымъ предубѣжденіемъ. Мнѣ грустно слышать, что запрещается иное произведеніе не потому, чтобы въ немъ нашли что-нибудь либеральное, вольнодумное, противное нравственности, а, напр., потому, что повѣсть или романъ слишкомъ печально кончается, что выставлена слишкомъ мрачная картина, хотя бы эта картина не обвиняла и не заподозрѣвала никого въ обществѣ». Въ подтвержденіе этого Достоевскій ссылаясь и на отношеніе цензуры къ его собственнымъ произведеніямъ. Слышалось и принципиальное отрицаніе существованія цензуры, которая, по словамъ студента Филиппова на собраніи у Петрашевскаго, «стѣсняетъ свободу и развитіе мысли для того, чтобы народъ не могъ сознательно относиться къ своему положенію». Филипповъ высказывалъ убѣжденіе, что этому надо противодѣйствовать энергическимъ «распространеніемъ идей, которыя могутъ сообщить публикѣ истинный взглядъ на вещи, пробудить въ ней сознаніе настоящаго и желаніе лучшаго въ будущемъ». Во время одного разговора у Петрашевскаго о цензурѣ Дуровъ сказалъ, что «литераторы должны писать такъ, какъ-будто бы не было никакой цензуры; тогда, если многое будетъ вымарано, то останется еще кое-что изъ идей автора».

Таковы были идеи, которыя объединяли участниковъ кружковъ Петрашевскаго, Кашкина, Дурова, Плещеева, Момбелли и др. Весьма естественно, что они вездѣ старались распространять свои убѣжденія.

Семевскій.

Теоретическія тенденціи, господствовавшія среди петрашевцевъ.

Съ петрашевцами мы вступаемъ уже въ полосу вліянія собственно такъ называемаго социализма западной Европы на болѣе или менѣе широкій слой русской интеллигенціи. Ибо если въ половинѣ 30-хъ годовъ существовалъ кружокъ Герцена и его друзей,

кружокъ, который имѣлъ сенъ-симонистское *profession de foi*, то онъ являлся черезчуръ небольшимъ очагомъ социалистической мысли въ Россіи. Между тѣмъ общество петрашевцевъ или, лучше сказать, кружки петрашевцевъ, объединенные не общимъ планомъ дѣйствій, какъ хотѣлось представить дѣло бдительнымъ властямъ, а общностью воззрѣній, настолько уже расширили свой кругъ вліянія, что, кромѣ четырехъ десятковъ арестованныхъ въ Петербургѣ «заговорщиковъ», въ дѣлѣ насчитывалось 232 лица, упоминавшихся въ шпіонскихъ донесеніяхъ или въ показаніяхъ самихъ обвиняемыхъ. Единично сочувствовавшіе встрѣчались даже и въ провинціи. Ядро петрашевцевъ стало формироваться съ середины 40-хъ годовъ. А финаломъ общества было въ концѣ 1849 года произнесеніе генераль-аудиторіатомъ смертнаго приговора 21 подсудимому, приговора, который, однако, не былъ приведенъ въ исполненіе, но по волѣ монарха, поставившаго на Семеновской площади 22 декабря 1849 года ужасающую сцену примѣрной казни, подвергся смягчительнымъ измѣненіямъ: назначенію виновнымъ ссылки въ каторжныя работы безъ срока и со срокомъ, сдачѣ ихъ въ рядовые и т. п.

За внѣшней стороной дѣла, фактическими подробностями, практическими планами заговорщиковъ, — если только можно говорить о «практическихъ планахъ» петрашевцевъ, — мы отсылаемъ, главнымъ образомъ, къ не большой, но обстоятельной работѣ г. Семенова, который не удовольствовался болѣе или менѣе подробнымъ изложеніемъ теоретическихъ взглядовъ петрашевцевъ, но сгруппировалъ все вообще мало-мальски интересные документы, касающіеся этого дѣла. На себя же мы беремъ задачу познакомить читателей исключительно съ теоретическимъ мировоззрѣніемъ выдающихся петрашевцевъ и опять-таки съ точки зрѣнія вліянія западно-европейскаго социализма на русскій.

Если московскій кружокъ Герцена и друзей состоялъ изъ сенъ-симонистовъ, то петрашевцы были, преимущественно, фурьеристами¹⁾. Преимущественно, но не исключительно. Ибо лица, вращавшіяся въ орбитѣ Петрашевскаго и его «пятницъ» или соприкасавшіяся съ петрашевцами, были знакомы не съ однимъ Фурье и его школой въ родѣ Консидерана, Кантагредя, Туссенеля, но и съ Сэнъ-Симономъ и сенъ-симонистами, съ Кабэ, Прудономъ и Луи-Бланомъ

¹⁾ Мы считаемъ болѣе остроумнымъ, чѣмъ основательнымъ, взглядъ Герцена, согласно которому если сенъ-симонисты появились въ Москвѣ, а фурьеристы въ Петербургѣ, то это потому, что болѣе мечтательные и расплывающіеся москвичи должны были тяготѣть къ «неопредѣленному и религіозному» сенъ-симонизму, а болѣе дисциплированные и положительные петербуржцы къ «арифметическимъ вычисленіямъ» и стремленіямъ «немедленнаго осуществленія» плановъ, характеризующихъ, моль, фурьеризмъ. См. Herzen, *Du développement des idées révolutionnaires en Russie*; Лондонъ, 853, 2-е изд., стран. 132—133. Конечно, ужъ не та яко бы практическая сторона фурьеризма привлекала петрашевцевъ, а гигантскій полетъ социальной фантазіи и яркая критика современныхъ порядковъ, — что чувствуется любимъ читателемъ Фурье.

и т. п. Одни изъ нихъ изучали европейскихъ социалистовъ по первоисточникамъ, другіе — по сочиненіямъ очень популярнаго въ то время Лоренца Штейна и мало теперь извѣстнаго Бидермана (автора «Лекцій о социализмѣ» и т. п.). Сильно читались ими и произведенія крайнихъ политическихъ радикаловъ, въ родѣ Ламеннэ, и крайнихъ философовъ, въ родѣ Фейербаха. Можно, во всякомъ случаѣ, сказать, не грѣша противъ истины, что петрашевцы были социалистами, преимущественно фурьеристскаго оттѣнка, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, — особенно, иные изъ нихъ и въ примѣненіи къ вопросамъ русской дѣйствительности, — питали и просто свободолюбивые, либеральные взгляды. Послѣднее и понятно: окружавшая ихъ русская дѣйствительность до такой степени была пропитана элементами крѣпостничества и деспотизма, что, какимъ бы ореоломъ ни были окружены для петрашевцевъ собственно социалистическіе идеалы, злободневные вопросы русской гражданственности часто всплывали на верхъ сознанія, а порою выступали на первый планъ. И можно лишь, наоборотъ, удивляться тому теоретическому, если можно такъ выразиться, самоотверженію, съ какимъ они старались, по возможности, слѣдовать Фурье, который, какъ извѣстно, упорно «отстранялъ» отъ себя, по своимъ же словамъ, всякое изслѣдованіе «трона и алтаря».

Наиболѣе выдающимсяъ чловѣкомъ среди «петрашевцевъ» не только по уму, но и по энергіи характера былъ самъ М. В. Буташевичъ-Петрашевскій¹⁾. И онъ же съ особымъ рвеніемъ держался за ученіе Фурье, что не мѣшало ему сочувственно относиться и пропагандировать взгляды другихъ извѣстныхъ ему социалистовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, по крайней мѣрѣ, отъ времени до времени, ступать на почву политическихъ и общественно-культурныхъ вопросовъ, которые онъ трактовалъ не только въ свободолюбивомъ, но и свойственномъ ему крайне рѣзкомъ, полусеріозномъ, полупуштивомъ фрондерскомъ тонѣ. Это можно прослѣдить даже въ появившемся тогда легально такъ называемомъ кирилловскомъ «Словарѣ», составленномъ Петрашевскимъ при участіи въ первомъ выпускѣ подавав-

¹⁾ См. его краткую, но интересную біографію, написанную Герценомъ осенью 1851 года на французскомъ языкѣ для задуманной Мишлэ книги о «Мученикахъ Россіи». Знаменитый историкъ рѣшилъ, однако, въ виду литературнаго и политическаго значенія этюда Герцена о Петрашевскомъ, помѣстить эту біографію, равно, какъ присланную ему Герценомъ въ это же время біографію Бакунина, въ какомъ-нибудь распространенномъ журналѣ или газетѣ. Декабрьскій переворотъ того же года, отдавшій Францію въ руки цезаристской реакціи, помѣшалъ осуществленію этого плана. И обѣ біографическія замѣтки Герцена оставались болѣе полѣвка въ бумагахъ Мишлэ, откуда ихъ совсѣмъ недавно извлекъ проф. Габріэль Моно. Русскій переводъ біографіи Бакунина появился въ іюльской книжкѣ «Былого» за 1907 годъ. Французскій оригиналъ подъ заглавіемъ *Deux révolutionnaires russes; Petrashevsky et Bakounine. Notice biographiques par Alexandre Herzen*, впервые напечатанъ въ «Revue politique et littéraire (Revue bleue)», за 1908. Номера отъ 26-го сентября и 3-го октября именно и заключаютъ еще не переведенную, если не ошибаюсь, на русскій языкъ біографію Петрашевскаго; номеръ отъ 17-го октября — біографію Бакунина.

шаго тогда большія надежды молодого критика, рано погибшаго (жертвою случайности) Валеріана Майкова¹⁾.

Гораздо менѣе интересный первый выпускъ отличается, особенно вначалѣ, еще значительной осторожностью и заключаетъ большіе пробѣлы, которые издатель старается пополнить, отсылая къ предполагававшемуся «Прибавленію къ Словарю». Такъ, въ статьѣ *Абсолютизмъ* нѣтъ ничего, кромѣ нѣсколькихъ малозначащихъ строкъ (стр. 1). Въ статьѣ *Авторитетъ* (стр. 2) высказывается меланхолическая увѣренность, что «царство его никогда не будетъ разрушено окончательно». Слово *Анархія* даетъ составителю лишь поводъ глухо замѣтить, что это состояніе можетъ «господствовать и въ такомъ государствѣ, гдѣ, *повидимому*, существуетъ и стройность и порядокъ въ управленіи» (стр. 11), — легкій намекъ на Россію Николая I. Въ статьѣ же *Аристократія*, очевидно, страха ради іудейска, высказывается даже, что русскіе могутъ «гордиться» передъ англичанами тѣмъ, что «по смыслу нашихъ законовъ, кровь и богатство ничего не значатъ на службѣ въ сравненіи съ познаніями и способностями» (стр. 13). Впрочемъ, въ этомъ можно видѣть и своеобразный приѣмъ Петрашевскаго, который любитъ, какъ мы уже сказали, порою разсуждать ироническими бутадами.

Уже болѣе серіозныя и, видимо, вполне искреннія возраженія противъ политическаго строя свободныхъ, но глубоко буржуазныхъ государствъ дѣлаются въ статьѣ *Конституція*: «Защитники его (конституціоннаго образа правленія. *Н. Р.*) доказываютъ, что онъ основанъ на правѣ каждаго члена общества участвовать въ управленіи того цѣлаго, котораго онъ часть, но на практикѣ это начало неосуществимо въ большихъ государствахъ: вездѣ необходимость заставляетъ ограничивать число лицъ, имѣющихъ право выбирать депутата отъ провинціи или отъ сословія. А такъ какъ единственная мѣра (масштабъ), которою вездѣ руководствуются, состоитъ въ количествѣ имущества гражданина, то на практикѣ до сихъ поръ это

¹⁾ Отмѣчаю это обстоятельство потому, что у насъ принято преувеличивать роль В. Майкова въ составленіи этого любопытнаго, хотя и не конченнаго литературнаго памятника. Вотъ его подлинное заглавіе: *Карманный словарь иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ составъ русскаго языка, издаваемый Н. Кирилловымъ*; С.-Пб. 1845—1846, два выпуска. Кстати сказать, стоящая на обложкѣ фамилія издателя не есть, какъ часто у насъ писали, псевдонимъ Петрашевскаго, а подлинное имя дѣйствительнаго лица, Николая Сергѣевича Кириллова, штабсъ-капитана въ Павловскомъ кадетскомъ корпусѣ по учебной части, за которымъ укрывался Петрашевскій, по цензурнымъ соображеніямъ «всепреданнѣйше посвящавшій» книгу великому князю Михаилу Павловичу, какъ «главному начальнику военно-учебныхъ заведеній». Первый выпускъ этой маленькаго формата книжки обрывается на страницѣ 176 и статьѣ «Маріоттова трубка». Второй выпускъ, съ продолжающейся пагинаціей, кончается на страницѣ 324 и статьѣ «Орденъ мальтійскій». Словарь, попавшій подъ бурю реакціи, былъ сначала изъятъ изъ обращенія, затѣмъ уничтоженъ, и составляетъ нынѣ большую библиографическую рѣдкость. Почему бы не переиздать его «общественную» часть, — конечно, съ объясняющимъ предисловіемъ и примѣчаніями? *Avis aux éditeurs!*...

хваленое правленіе есть не что иное, какъ аристократія богатства (стран. 133)... Защитники конституціи *забываютъ*, что человѣческой характеръ заключается не въ *собственности*, а въ *личности*, и что, признавъ политическую власть богатыхъ надъ бѣдными, они защищаютъ самую странную деспотію» (стран. 134). Впрочемъ, въ этой аргументаціи можно видѣть, пожалуй, не столько проявленія аполитического, напр., фурьеристскаго социализма западной Европы, сколько критику тогдашнихъ цензовыхъ конституцій, которыя выкидывали за борть политической жизни громадное большинство населенія. Спрашивается, напр., что сказалъ бы составитель статьи противъ «конституціи», основанной на всеобщей подачѣ голосовъ и, мало того, на прямомъ народномъ законодательствѣ въ формѣ референдума?

Во всякомъ случаѣ, во второмъ, гораздо болѣе яркомъ, выпускѣ «Словаря» есть статьи, которыя не только не свидѣтельствуютъ о принципиальномъ отрицаніи политики, а сочувственно относятся къ политической, мало того, ярко боевой, революціонной дѣятельности, особенно когда имѣетъ въ виду осуществленіе основныхъ интересовъ общества. Въ этомъ смыслѣ любопытна статья *Оппозиція*. Прежде всего авторъ рѣзко подчеркиваетъ тотъ взглядъ, что оппозиція есть *явленіе, необходимое при всякой формѣ быта общественнаго* (стран. 285), и что цѣлью оппозиціонной «борьбы» служить «прогрессъ», тогда какъ средства мѣняются въ зависимости и «по мѣрѣ улучшенія быта общественнаго». Косвенно, подъ видомъ высказыванія мнѣнія другихъ, авторъ даже является апологетомъ самой крайней революціонной борьбы, когда условія не позволяютъ мирной: «прежде оппозиція при неразвитости общественности (соціальности) и публичности (см. эти статьи) проявлялась у многихъ народовъ кроваво, и не безъ нѣкотораго величія, ибо для иныхъ безъ потоковъ крови нѣтъ величія и величества (*du sublime*); впослѣдствіи, при развитіи у иныхъ свободы выраженія мыслей и права общничества (*le droit d'association*) и установленій, обезпечивающихъ отъ насилія личную свободу человѣка, какъ гражданина, при развитіи установленій въ родѣ *суда присяжныхъ*, жюри (см. Приб. къ словарю или статью «Жюри»), *публичности судопроизводства* (см. эту статью), — оппозиція стала являться болѣе правильной и мирной и послужила залогомъ преобладанія разумности надъ силой животной и грубой и торжества *разумнаго самозаконія* (стран. 285)». Въ высокой степени любопытны слѣдующія за тѣмъ строки, въ которыхъ еще болѣе развивается этотъ либеральный символъ вѣры, параллельно съ указаніемъ на необходимость революціоннаго насилія. И — отчасти ради цензурныхъ соображеній, отчасти же, несомнѣнно, съ цѣлью злого подтруниванія, того, что французы называютъ *persiflage*, къ которому любилъ прибѣгать Петрашевскій — николаевская Россія причисляется къ ряду культурныхъ странъ, гдѣ возможна, гдѣ даже разрѣшена и чуть ли не поощряется правительствомъ мирная оппо-

зиція: «Если еще поныѣ въ обществахъ, подобныхъ Турціи, Персіи... такъ трудно и невозможно мирными путями сохраненіе человѣческихъ правъ, то, напротивъ того, въ странахъ образованныхъ, гдѣ обнародованы собранія положительныхъ законовъ (для воздаянія всѣмъ равной и безыскусственной справедливости), гдѣ поэтому, какъ, напримѣръ, въ Европѣ и въ *нашемъ дорогомъ отечествѣ*, относительно выраженія всякаго рода новыхъ и человѣческихъ идей — даже несогласныхъ съ мнѣніемъ большинства, но, безъ сомнѣнія, не разрушающихъ общихъ постановленій, признанныхъ однажды навѣки справедливыми, соблюдается полная и мудрая терпимость (см. томъ XV Св. Зак. Угол. отъ ст. 195—205 и др.)... однимъ словомъ, въ странахъ истинно-просвѣщенныхъ и образованныхъ новые интересы безъ мѣръ насильственныхъ снимаютъ тяжелый покровъ идей обветшалыхъ и предубѣжденій съ разумѣнія общественнаго и приобрѣтаютъ право гражданства въ экономіи быта общественнаго» (стран. 286). И статья заканчивается слѣдующимъ перломъ высоко-комической свирѣпой ироніи: «Нашимъ законодательствомъ (превосходящимъ своимъ благодушіемъ, кротостью и простотою европейскія законодательства) узаконяется оппозиція даже противу высшихъ присутственныхъ и правительственныхъ мѣстъ, наприм. Сената (см. Св. Зак. изд. 1842 г.). См. ст. «Сенатъ» и «Прокуроръ» (*ibid.*¹⁾).

Подобное же отнюдь не отрицательное отношеніе къ политикѣ замѣчается въ статьяхъ *Жиронда*, *Ораторская рѣчь* и т. д., со ссылками на предполагавшіяся въ словарѣ или прибавленія къ нему многозначительныя статьи: *Революція 1789 года*, *Дантонисты*, *Гебертисты*, *Якобинцы*, а пока съ выраженіемъ восторга передъ «общественными двигателями, которые силою безсмертной своей рѣчи пробудили милліоны дремавшихъ и подавленныхъ умовъ... неутомимо ратовали и стояли за свои убѣжденія, смѣло шли на смерть и горделиво умирая за общее дѣло равенства и свободы, явивъ собою примѣръ страшной энергіи, огнедышащихъ страстей или суровой пуританской добродѣтели» (стран. 305).

Но все-таки центръ тяжести словаря лежитъ въ статьяхъ по социализму, для изложенія котораго составитель пользуется всякимъ, порою довольно неожиданнымъ случаемъ, то резюмируя ученія социалистовъ въ краткихъ положеніяхъ и безъ упоминанія собственныхъ именъ, то цитируя со смѣлостью, поистинѣ удивительной для тогдашнихъ политическихъ условій, прямо сочиненія полу- и чисто-социалистическихъ мыслителей, а между ними съ наибольшей симпатіей Фурье. Такъ, въ статьѣ *Корпорация* упоминается Сисмонди, и цитируется «превосходное сочиненіе Бюре — *De la misère des classes*

¹⁾ Составитель словаря доводитъ порою свое издѣвательство надъ официальной Россіей до того, что въ статьѣ «Орденъ рыцарскій» (стран. 322), въ доказательство того, что у насъ истинныя заслуги предъ отечествомъ всегда награждаются, пресеріозно приводитъ мнѣніе — капитана Копейкина, важно цитируя главу и страницу «Мертвыхъ душъ»!

laborieuses en Angleterre et en France» (стр. 143—144). Въ статьѣ *Монагамія* косвенно рекомендуется, — очевидно, подъ вліяніемъ Фурье, — «другая форма брака», — «болѣе соотвѣтствующая природѣ», форма, которая «должна необходимо показаться несогласной съ общепринятыми нынѣ понятіями (официально въ Европѣ)» (стр. 200). Въ статьѣ *Натуральное право* признается «несовершенной и преходящей формой быта», обреченной на замѣну болѣе совершенною, «всякое общество, не доставляющее положительно всѣхъ нужныхъ средствъ для всесторонняго развитія его членовъ» (стр. 217), — критерій, несомнѣнно, сдѣланный съ социалистической точки зрѣнія. А въ статьѣ *Натуральное состояніе* утверждается, — какъ то часто дѣлалось социалистами Запада со времени Сень-Симона, — что «золотой вѣкъ» лежитъ не позади, а впереди насъ, и что осуществленіе его будетъ состоять въ «полномъ благоденствіи и счастіи всякаго человѣка», при чемъ дѣлается указаніе на «различныя новѣйшія сочиненія, особенно социальныя, напр. Charles Fourier, *Traité de l'association domestique et agricole* или *Théorie de l'unité universelle*, изд. въ Парижѣ въ 1841 году», (стр. 219).

Статья «Нео-христианизмъ» самое заглавіе которой есть очевидный переводъ французскаго (сень-симоновскаго) «*Nouveau christianisme*», даетъ поводъ автору замѣтить, что «основная идея» Христа относительно любви ближнихъ, какъ самого себя, «подобно всякой другой идеѣ», подлежить развитію, пока не будетъ дополнена и замѣнена «новой и болѣе разумной идеей», которую «неологи» называютъ «нео-христианизмомъ», и сейчасъ же дѣлается ссылка на статью «Сень-Симонизмъ» (стр. 249). Въ статьѣ «Нивеллеры» говорится о Мюнцерѣ и крестьянской войнѣ, и эта историческая справка заканчивается рѣзко-революціоннымъ соображеніемъ: «нѣкоторыя изъ ихъ (крестьянскихъ Н. Р.) требованій, — въ теченіе времени были исполнены въ Германіи, но не безъ кровопролитія, ибо нѣтъ примѣра возстановленія утраченныхъ правъ безъ жертвъ кровавыхъ и гоненія!...» (стр. 244). Но статья «Нормальное состояніе» снова возвращаетъ насъ къ мирному социализму великихъ утопистовъ. Авторъ опредѣляетъ, какъ нормальное, лишь такое состояніе, при которомъ «всякій изъ членовъ общества» будетъ получать отъ него *средства для удовлетворенія нуждъ пропорціонально потребностямъ; и всѣ люди въ совокупности явятся полными властелинами живыхъ и дѣйствующихъ силъ земли*; наконецъ, «все, что считается трудомъ удручающимъ, отвратительнымъ, обратится въ источникъ непосредственнаго наслажденія жизнью». При этомъ дѣлаются ссылки на *овенизмъ, социализмъ, фурьеризмъ* и въ прибавленіи къ слову *коммунизмъ*.

Въ статьяхъ «Новаторство и новаторы» упоминаются слова «Овенъ, Сень-Симонъ, Фурье», а вмѣстѣ съ ними «Христосъ», который «сталъ божествомъ, Спасителемъ (для вѣрующаго человѣчества)» и на примѣрѣ котораго авторъ настойчиво показываетъ, что «неуспѣхъ,

страданія, гоненія были доселѣ удѣломъ всякаго новатора» (стр. 257). Замѣтимъ по поводу послѣдняго, что это причисленіе Христа къ социалистамъ повторяется съ еще большей энергіей въ статьѣ «Оракуль» гдѣ «цѣлю» первоначальнаго «Ученія Христова» признается «водвореніе свободы и уничтоженіе частной собственности»¹⁾.

Послѣднія статьи второго выпуска, приблизительно начиная съ буквы О, въ особенности проникнуты социализмомъ, которому посвящены тамъ цѣлыя маленькія монографіи. Напр., въ статьѣ «Овеннизмъ» изложены въ связной формѣ взгляды Роберта Оуэна, съ которыми составитель словаря знакомъ довольно хорошо, хотя, повидимому, изъ вторыхъ рукъ, по французскимъ источникамъ, какъ на то указываетъ самое названіе, которое авторъ статьи даетъ ученію Оуэна: «Система взаимнаго содѣйствія и общей собственности», представляющее переводъ тутъ же подставленнаго въ скобкахъ французскаго «*Système de la coopération mutuelle et de la communauté des biens*». Словарь вѣрно, между прочимъ, подчеркиваетъ значеніе, которое въ системѣ Оуэна имѣютъ его воззрѣнія на образованіе человѣческаго характера въ «полной зависимости отъ обстоятельствъ» и на пагубную роль «частной собственности», монополизировавшей, молъ, счастье въ рукахъ немногихъ (стр. 265).

Слово «органическая эпоха» вводитъ читателей въ кругъ идей, связанныхъ съ различеніемъ въ исторіи человѣчества «эпохъ органическихъ» и «эпохъ критическихъ», по терминологіи Сень-Симона. Такъ какъ въ то время этому пункту придавалось больше значеніе самими сень-симонистами, словарь довольно подробно разбираетъ и противопоставляетъ однѣ другимъ особенности періодовъ, когда общество болѣе или менѣе согласованно развиваетъ послѣдствія извѣстнаго господствующаго принципа, и періодовъ, когда въ обществѣ происходитъ, наоборотъ, разложеніе стараго единства и борьба враждебныхъ началъ. Въ статьѣ дается очень подробное указаніе, вплоть до обозначенія формата, на важную теоретическую работу

¹⁾ Это мѣсто вызвало сугубое негодованіе «дѣйствительнаго статскаго совѣтника» Липранди, организовавшаго, по порученію министра внутреннихъ дѣлъ Перовскаго, шпіонскій надзоръ за петрашевцами. Липранди въ «мнѣніи», поданномъ въ комиссію, называетъ эти строки «небывальными на рускомъ языкѣ». См. (довольно плохо и съ пропусками изданное за границей) «собраніе секретныхъ бумагъ и высочайшихъ конфирмацій» по дѣлу петрашевцевъ подъ заглавіемъ: «Общество пропаганды въ 1849»; Лейпцигъ, 1875, стр. 32. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что цитированіе Христа, какъ социалиста, бывшее въ то время довольно обычнымъ и въ социалистическихъ сочиненіяхъ Европы, нисколько не мѣшаетъ составителю Словаря стоять если не прямо на матеріалистической точкѣ зрѣнія, — да это было бы при тогдашней цензурѣ и невозможно (ст. «Матеріализмъ», 178—179, говоритъ даже о «грубости» этой системы), — то на точкѣ зрѣнія косвеннаго отрицанія всѣхъ положительныхъ религій и выдвиганія «антропотейзма, или полнаго самосознанія (человѣчества) и сознанія жизненныхъ законовъ природы» (ст. «Натурализмъ», стр. 215, а также ст. «Ландшафтная живопись» стр. 156—157; «Мистицизмъ», стр. 191; «Мораль», стр. 203). Въ частныхъ же и кружковыхъ разговорахъ петрашевцы часто обнаруживаютъ себя «невѣрующими», атеистами, фейербахіанцами и т. д.

сень-симонистовъ: «*Exposition de la doctrine de St.-Simon par M. Bazard et Infantin; Paris, 1829, IV. 8°*» (стр. 312).

Но самой капитальной статьей словаря является «Организація «производства или произведенія» (*Organisation de la production*), въ которой фурьеризмъ служить центральнымъ пунктомъ изложенія, хотя въ ней съ похвалою цитируются мнѣнія и нѣкоторыхъ другихъ социалистовъ и указываются и не фурьеристскія сочиненія. Уже въ маленькой статьѣ «Организаторъ, организовать,» предшествующей только что упомянутой сравнительно большой статьѣ, высказывается чисто фурьеристское требованіе «не подавлять страсти... но развивать ихъ гармонически» (стр. 316), при чемъ для вящей убѣдительности это правило повторяется по-французски (во формулировкѣ, если я не ошибаюсь, принадлежащей не самому Фурье, а одному изъ учениковъ его, вѣроятно, Консидерану, а можетъ быть, и Ипполиту Рено). А статья «Организація производства» прямо начинается съ характеризующаго весь фурьеризмъ тройственнаго раздѣленія производительныхъ силъ на талантъ, капиталъ и трудъ (или «работъ», какъ предпочитаетъ говорить авторъ статьи). Всевозможныя злословія современныхъ обществъ, «лихорадочныя пароксизмы» (кризисы?) угнетеніе (англійскаго) пролетарія побѣдоноснымъ соперничествомъ машины» и т. д., должны объясняться, по мнѣнію составителя словаря, «оказаніемъ особеннаго предпочтенія капиталу или его представителямъ, въ ущербъ прочимъ производительнымъ элементамъ, таланту и производительному труду человѣка». Капиталъ, «овеществившійся трудъ», становится господиномъ надъ «личностью и правами человѣка». И «если бы не было разныхъ обстоятельствъ, ослабляющихъ эту поглотительную способность капитала»,—продолжаетъ авторъ, съ похвалою отзываясь о «знаменитомъ сочиненіи Прудона «*Qu'est ce que la propriété*»,—«тогда бы все человѣчество, по истеченіи извѣстнаго времени, явилось бы обращеннымъ въ рабство не личности другого человѣка, но своему собственному труду и труду овеществленному!!!» (этотъ рядъ восклицательныхъ знаковъ находится въ самомъ подлинникѣ. Н. Р.). Такимъ-то образомъ, изъ сознанія этого зла и возникъ «жизненный вопросъ современнаго общества», вопросъ объ «организаціи промышленности, производства», а вмѣстѣ съ нимъ родилась «цѣлая литература, которая должна составить эпоху въ исторіи человѣчества, по тому благотворному вліянію, которое она способна оказать на будущее развитіе человѣчества и устройство его благосостоянія». Авторъ указываетъ читателямъ на сочиненіе Villegardelle: «*Histoire des idées sociales avant la révolution française, ou les socialistes modernes devancés et débassés par les anciens penseurs*» въ доказательство того, что упомянутый вопросъ привлекалъ издавна «вниманіе мыслителей». Но изъ современныхъ писателей онъ считаетъ нужнымъ остановиться лишь на Charles Fourier,—изъ сочиненій котораго словарь цитируетъ *Nouveau monde industriel* и *La fausse industrie*,—говоря, что система Фурье «дѣлаетъ безусловно воз-

возможнымъ установленіе солидарности интересовъ, ни мало не оскорбляя уже установившихся общественныхъ отношеній» (стран. 319). Слѣдуетъ дальше изложеніе трехчленнаго распредѣленія продукта по Фурье и дѣлаются ссылки на слова: *серія, солидарность, социализмъ, группа* и т. д., которыя составитель обѣщаетъ трактовать въ самомъ словарѣ или прибавленіи, и одно перечисленіе которыхъ уже ясно показываетъ, что дѣло будетъ главнымъ образомъ итти объ изложеніи фурьеризма.

Мы остановились сравнительно долго на «Словарѣ» Петрашевскаго потому, что онъ былъ наиболѣе удачнымъ и при томъ легальнымъ, свободно распространявшимся, — по крайней мѣрѣ, въ теченіе нѣкотораго времени, — выраженіемъ теоретическихъ мнѣній, которыя господствовали среди петрашевцевъ. Но между послѣдними были, и помимо Петрашевскаго, люди, несмотря на свою молодость, обнаруживавшіе довольно близкое знакомство съ источниками западноевропейскаго социализма, чаще всего въ его фурьеристской формѣ. — Ибо эти русскіе социалисты 40-хъ годовъ если и не были всеѣ учениками Фурье, то все же преимущественно тяготѣли къ фаланстеріанской системѣ. Ихъ взгляды, высказывавшіеся на знаменитыхъ «пятницахъ» Петрашевскаго, подчасъ же и на болѣе интимныхъ собраніяхъ, не могли, конечно, по своей ограниченной распространенности, имѣть значенія «Словаря». Но они представляютъ свой интересъ, такъ какъ позволяютъ устанавливать связь между міровоззрѣніемъ труда на Западѣ и русскими отраженіями или преломленіями его.

Къ числу рельефныхъ проявленій этой социалистической мысли въ Россіи, вдохновляемой великими учителями Запада, слѣдуетъ отнести сохранившіяся въ матеріалахъ дознанія рѣчи, которыя были произнесены нѣсколькими самыми пламенными фурьеристами на интимномъ обѣдѣ, организованномъ десяткомъ лицъ въ день рожденія Фурье, 7-го апрѣля (1849 года)¹⁾. Довольно любопытную сторону этихъ рѣчей составляетъ та ихъ особенность, что, отражая въ общемъ фурьеристскія начала, онѣ вмѣстѣ съ тѣмъ то скрыто, то совсѣмъ явно звучатъ порою злобами дня тогдашней русской дѣйствительности и исполнены политической страсти, которой былъ чуждъ самъ основатель ученія. Въ особенности это можно сказать о рѣчи студента Ханькова, который не удержался на высотахъ фурьеристской, аполитической истины, а въ срединѣ своего госта самымъ опредѣленнымъ образомъ заговорилъ объ ужасающемъ деспотизмѣ официальной Россіи.

Ораторъ началъ свою рѣчь съ указанія на значеніе дня рожденія Фурье, какъ такого генія, ученіе котораго вызоветъ «преобра-

¹⁾ Замѣтимъ мимоходомъ, что, насколько видно изъ документовъ, банкетъ былъ устроенъ 7-го апрѣля стараго стиля, тогда какъ Фурье родился 7-го апрѣля новаго стиля.

зование всей планеты и человечества, живущаго на ней» («Записка», стран. 78 писанной копіи). «Но, — предоставимъ теперь слово самому говорившему, — но лишь только я хотѣлъ говорить о принципѣ и законѣ нашего ученія, какъ рѣчь моя прерывается, пораженное чувство изъ свѣтлаго, яснаго превратилось въ тягостное, томительное, но просится наружу, просить высказаться... Въ чемъ же дѣло? Передъ Ханьковымъ ярко обрисовывается русская дѣйствительность, и съ устъ его срываются далеко не мирныя, приличествующія фаланстеріанцу слова: «Отечество мое — это оригинальное, своеобразное выраженіе страстей... отечество мое въ цѣпяхъ, отечество мое въ рабствѣ; религія, невѣжество — спутники деспотизма... заглушили свои натуральныя влеченія... Отечество мое, думалъ я про себя, прислушиваясь къ толкамъ современныхъ славянъ, гдѣ твое общинное устройство, гдѣ ты народная вольница, великій государь Новгородъ и ты, раздольная, широкая жизнь удѣльныхъ временъ?» (стран. 79)... И ораторъ лишь подъ конецъ своей рѣчи могъ перейти къ «изумительному величію нашей системы», «новому міру, открытому нашимъ учителемъ», для торжества котораго надъ «дѣйствительнымъ порядкомъ вещей» должно, однако, вести «борьбу упорную, сильную», черпая «бодрость нашихъ страстей» не въ «молитвѣ, какъ дѣлають это христіане», а въ «наукѣ чистой» (стран. 80).

Въ болѣе выдержанномъ фурьеристскомъ духѣ, хотя съ меньшимъ одушевленіемъ говорилъ Ахшарумовъ, идя по стопамъ учителя въ жестокой критикѣ современной цивилизаціи, основанной на существованіи гигантскихъ городовъ, разрозненныхъ, конкурирующихъ между собою хозяйствъ и т. п. «Мы живемъ», — восклицалъ онъ, — «въ столицѣ безобразной, громадной, въ чудовищномъ скопищѣ людей, томящихся въ однообразныхъ работахъ, испачканныхъ грязнымъ трудомъ, пораженныхъ болѣзнями, развратомъ, — скопищѣ, разрозненномъ все семействами, которыя вредятъ другъ другу, теряють время и силу, и обѣдняются въ бесполезныхъ трудахъ. И тамъ, за столицей, ползуть города; единственная цѣль, высочайшее счастье для нихъ — сдѣлаться многолюднымъ, развратнымъ, больнымъ, чудовищнымъ, какъ столица» (стран. 81). Пылкій юноша въ заключеніе ставилъ цѣлью русскихъ фурьеристовъ «разрушить столицы, города и всѣ матеріалы ихъ употребить для другихъ зданій, и всю эту жизнь мученій, бѣдствій, нищеты... превратить въ жизнь роскошную, стройную, веселья, богатства, счастья», выражая при этомъ довольно интересное по тогдашнимъ русскимъ обстоятельствамъ оптимистическое убѣжденіе, что «мы здѣсь, въ нашей странѣ, начнемъ преобразование, а кончить его вся земля» (стран. 82).

Но если на обѣдѣ Ахшарумовъ говорилъ въ духѣ, близкомъ къ мирному характеру фурьеризма, хотя въ глазахъ или, лучше сказать, ухахъ николаевскихъ судей аллегорическое приглашеніе оратора «разрушить столицы, города» превратилось въ намѣреніе заговорщиковъ камня на камнѣ не оставить отъ Петербурга, его

официальныхъ зданій и т. п., если, говоримъ мы, Ахшарумовъ на банкетѣ фурьеристовъ держался на почвѣ типичнаго фаланстеріанства, то вообще въ міросозерцаніи этого русскаго ученика доктрина Фурье не исключала радикальнаго, мы бы сказали теперь, даже рѣзко анархическаго элемента. Такъ, въ его «Записной тетради 1848 года», на первой же страницѣ набросаны далеко не проникнутыя равнодушіемъ къ политическимъ порядкамъ мысли объ «уничтоженіи» не только «семейной жизни, труда, собственности», но и «государства, никуда негоднаго, съ его министрами и царями и ихъ вѣчной бесполезной политикой» (стран. 83). А въ другой тетради того же Ахшарумова, найденной у одного изъ петрашевцевъ, уже совсѣмъ энергично и въ духѣ анархическаго социализма говорится о томъ, что «государства нельзя устроить, государство должно погибнуть съ его министрами и царями, съ его войскомъ, съ его столицами, законами и храмами». Мало того, разсматривая средства, пригодныя для конечной цѣли замѣны существующаго строя желаннымъ «фаланстеромъ Фурье», авторъ мыслей уже не ограничивается исповѣданіемъ анархически-разрушительнаго идеала, но ставитъ политическій *rag excellence*, конституціонный вопросъ, «какимъ образомъ получить правительство, терпящее нововведенія» (стран. 84). Ставитъ и рѣшаетъ на замѣчательный для тогдашней эпохи ладь, примѣшивая къ соображеніямъ юношески-наивнаго макіавелизма мысли, которыя лишь много лѣтъ впослѣдствіи получаютъ право гражданства среди русскихъ социалистовъ.

Крайне скептически относящійся къ перспективѣ добиться цѣли, разсматривая на исключительнаго по своимъ достоинствамъ неограниченнаго монарха, этотъ оригинальный фульеристъ заявляетъ: «Надо конституцію, которая дала бы свободу книгопечатанія, открытое судопроизводство, устроила бы особое министерство для разсмотрѣнія новыхъ проектовъ и улучшеній общественной жизни, чтобы не было никакихъ вмѣшательствъ въ дѣла частныхъ людей, въ какомъ бы числѣ они ни сходились вмѣстѣ» (стран. 85). Авторъ даже обезпокоенъ соображеніями насчетъ возможности реакціи въ случаѣ, если черезчуръ быстрое измѣненіе политическаго режима вызоветъ въ народѣ сильныя беспорядки. Онъ развертываетъ поэтому цѣлый планъ, какъ не «дожидаясь упрямо республиканскаго правленія», а памятуя о томъ, что «конституціонное лучше монархическаго, неограниченнаго», постепенно перейти отъ номинальнаго монарха, остающагося только въ виду традиціонныхъ привычекъ массъ, къ «президенту, избираемому на короткое время», при дѣйствительномъ правленіи «одной палаты», которая, получивъ «довѣренность народа», окончательно осуществить республиканскій строй. Наконецъ, любопытно въ этихъ планахъ кореннаго политическаго преобразованія, развиваемыхъ юнымъ фурьеристомъ, то обстоятельство, что ихъ авторъ, полагая временно во главу угла конституціонныя задачи, тѣмъ не менѣе, считаетъ необходимымъ для начальнаго толчка стать на революціон-

ный путь. Рядомъ съ указаніемъ на то, что надо «распространять» свои мнѣнія въ «своемъ кругу» (интеллигенціи) и во всѣхъ высшихъ и низшихъ «учебныхъ заведеніяхъ», равно какъ «пріобрѣтать» себѣ приверженцевъ среди «людей различныхъ состояній, званій и половъ», онъ задается прямымъ вопросомъ: «Какимъ образомъ слѣдуетъ возбуждать простой народъ къ возстанію» (стр. 85)...

Но здѣсь мы можемъ остановиться, такъ какъ въ задачу этой статьи не входитъ изученіе практическихъ пріемовъ партій. Наше дѣло — излагать ихъ теоретическія идеи. И мы распространились нѣсколько о планахъ Ахшарумова потому, что на ихъ примѣрѣ мы хотѣли обратить вниманіе читателя на то интересное обстоятельство въ развитіи западно-европейскихъ социалистическихъ идей въ Россіи, что перенесенныя на русскую почву, онѣ начинаютъ звучать нѣсколько иначе, мѣняя свой тембръ въ томъ или другомъ направленіи. Такъ въ изучаемую нами эпоху аполитическій мирный фурьеризмъ окрашивается въ Россіи болѣе или менѣе политическими, подчасъ революціонными цвѣтами. Напримѣръ, кромѣ Ахшарумова, о возстаніи говоритъ энергичный и по природѣ тяготящій къ конституціи Спѣшневъ. О возстаніи, и преимущественно въ формѣ широкаго народнаго движенія (среди раскольниковъ, горнозаводскаго населенія на Уралѣ и въ Сибири), много говоритъ Черносвитовъ, этотъ любопытный ех-исправникъ-революціонеръ. Очевидно, въ цѣляхъ революціоннаго воздѣйствія на широкія массы и на солдатъ пишетъ свои «десять заповѣдей» студентъ Филипповъ. Въ этихъ же цѣляхъ сочиняетъ, преимущественно для войскъ, но также и для народа, свою «Солдатскую Бесѣду» гвардейскій поручикъ Григорьевъ¹⁾. А вообще объ измѣненіи политическаго строя говорится часто и оживленно на «пятницахъ» Петрашевскаго, говорится многими посетителями ихъ то болѣе социалистическаго, то скорѣе просто либеральнаго направленія мыслей.

Даже самъ Петрашевскій, который, несмотря на свой живой, революціонный темпераментъ и энергичный характеръ, повидимому, болѣе другихъ старался быть вѣрнымъ фурьеристомъ; который дѣлалъ практическія попытки и предложенія завести фаланстеріи (хотя бы при помощи правительства); который отрицательно относился къ бунту и вообще насильственнымъ средствамъ рѣшить социальный вопросъ, — даже и этотъ въ извѣстномъ смыслѣ мученикъ фурьеристскаго аполитизма платилъ дань, и дань обильную, гонимой его учителемъ «политикѣ». На своихъ вечерахъ Петрашевскій принималъ самое дѣятельное участіе въ обсужденіи трехъ главнѣйшихъ тогда вопросовъ русскаго общества: отмѣны крѣпостного права, свободы печати, реформы судопроизводства. Между тѣмъ, это были не только «политическіе», но «либеральные» вопросы. Такимъ образомъ, тотъ самый

¹⁾ Напечатана въ «Быломъ» 1906 г., № 5, стр. 188—191 подъ заглавіемъ: «Нѣ исторіи Петрашевцевъ» (Сочиненіе Григорьева «Солдатская Бесѣда.»).

человѣкъ, который при допросѣ отнюдь не изъ-за страха іудейска, но по убѣжденію, рѣзко различалъ въ Европѣ между «соціализмомъ» и «либерализмомъ» и ставилъ въ счетъ послѣднему «законами позволяемые по сіе время разбои, которые могутъ производить, въ настоящее время, въ обществѣ, Ротшильды и другіе владѣльцы капиталовъ, чрезъ скупы и биржевую игру» («Записка», стран. 64), этотъ самый человѣкъ въ Россіи, изнывавшей подъ игомъ крѣпостничества и бюродержанія, къ своему утопическому, но горячему, но искреннему соціализму примѣшивалъ сильную дозу политическихъ и либеральныхъ тенденцій.

О другихъ петрашевцахъ и говорить нечего. Оставляя уже въ сторонѣ тѣхъ болѣе или менѣе «периферическихъ» посѣтителей пятницъ, которые, въ сущности, искали на нихъ лишь интересныхъ впечатлѣній и по своему неопредѣленному міровоззрѣнію были далеки отъ ядра руководителей и выдающихся членовъ кружка (лучше сказать, кружковъ); мы должны, тѣмъ не менѣе, признать, что русская дѣйствительность не давала покою даже наиболѣе убѣжденнымъ соціалистамъ «Общества 1849 года» и заставляла ихъ живо отзываться на политическія и обще-культурныя, широко-оппозиціонныя злобы дня. Оказывалось, что самое торжество идей фурьеризма было связано въ значительной степени съ политическими реформами, свободой печати, союзовъ и т. д. Или, какъ выразился одинъ изъ подсудимыхъ, что хотя онъ и «фурьеристъ» и не «считаетъ ни во что конституціи въ ихъ чисто юридической и бездушной формѣ, онъ признаетъ, однако жъ, необходимость для всякаго, хотя нѣсколько развившагося народонаселенія, въ извѣстныхъ какихъ бы то ни было ручательствахъ и обезпеченіяхъ между правительствомъ и обществомъ, которыя, по его разумѣнію, должны бы состоять въ правѣ каждому въ государствѣ лицу возвышать свой голосъ въ открытомъ судопроизводствѣ и въ участіи въ дѣлахъ правленія выборныхъ людей отъ народа, какъ свидѣтелей и соисполнителей, съ законною и природною властью всѣхъ мѣръ и дѣйствій правительства» (стран. 20).

Изъ чего не слѣдуетъ, — и мы еще и еще подчеркиваемъ это обстоятельство, — что петрашевцы, по крайней мѣрѣ, наиболѣе выдающіеся изъ нихъ, были простыми либералами или даже либералами съ красной, соціальной прожилкой. Нѣтъ, мы видимъ, что для нихъ соціализмъ, утопическій соціализмъ западной Европы, былъ высшею религіею, высшимъ убѣжденіемъ жизни. Но сама русская дѣйствительность и историческіе запросы ея отводили часть ихъ новаторскаго энтузіазма по руслу «политики» то революціонной, то просто либеральной, то той и другой вмѣстѣ, смотря по темпераменту лицъ, увлеченныхъ великой проповѣдью новаго ученія, шедшаго изъ культурныхъ странъ. При чемъ возникало одно очень любопытное явленіе. А именно эти піонеры русскаго соціализма бессознательно, и во всякомъ случаѣ не желая прямо этого, забѣ-

гали порою за предѣлы вдохновлявшаго ихъ западно-европейскаго, тогда, преимущественно, аполитическаго міровоззрѣнія труда и ступали, по крайней мѣрѣ, въ мечтаніяхъ и разговорахъ на «политическую» почву, на ту самую почву, отъ которой уже сознательно и принципиально, жертвуя своими кровными интересами интеллигенціи, окажется гораздо болѣе многочисленная армія социалистовъ 60-хъ и особенно начала 70-хъ годовъ.

Въ заключеніе, для того, чтобы показать, въ какой степени стали распространяться въ Россіи 40-хъ годовъ социалистическія идеи Запада, и чтобы подчеркнуть, что онѣ увлекали тогда несомнѣнно выдающихся людей, мы приведемъ нѣсколько мѣстъ изъ сочиненій Щедрина-Салтыкова. Самъ Салтыковъ находился подъ влияніемъ тогдашняго западно-европейскаго социализма и, если не былъ исключительнымъ фюреристомъ, то все же, какъ кажется, получилъ наиболѣе сильныя впечатлѣнія отъ доктрины Фурье. При дознаніи о петрашевцахъ власти рѣшили было привлечь къ дѣлу и Салтыкова, который спасся лишь тѣмъ, что еще раньше, въ самомъ началѣ реакціи 1848 года, былъ сосланъ въ Вятку за свою зловредную литературную дѣятельность, въ частности же, за напечатаніе въ «От. Зап.» повѣсти «Запутанное дѣло». Есть свидѣтельство, что случайное пріобрѣтеніе Салтыковымъ у букиниста сочиненій Фурье возбудило въ немъ живую симпатію къ фюреризму еще до знакомства съ Петрашевскимъ.

Извѣстно знаменитое, столько разъ уже цитировавшееся мѣсто изъ Щедрина, имѣющее, дѣйствительно, многозначительный смыслъ. Это воспоминаніе о томъ, какъ авторъ, въ то время еще юноша, примкнулъ «къ тому безвѣстному кружку, который инстинктивно прилѣпился къ Франціи. Разумѣется, не къ Франціи Луи-Филиппа и Гизо, а къ Франціи Сенъ-Симона, Кабѣ, Фурье, Луи Блана и въ особенности Жоржъ-Занда. Оттуда лилась на насъ вѣра въ человечество, оттуда возсіяла, намъ увѣренность, что «золотой вѣкъ» находится не позади, а впереди насъ... Словомъ сказать, все доброе, все желанное и любвеобильное — все шло отсюда... Въ Россіи... мы существовали лишь фактически... Но духовно мы жили во Франціи... ..Въ особенности эти симпатіи обострились около 1848 года. Мы съ неподдѣльнымъ волненіемъ слѣдили за перипетіями драмы послѣднихъ лѣтъ царствованія Луи-Филиппа и съ упоеніемъ зачитывались «Исторіей десятилѣтія Луи Блана»¹⁾.

Авторъ другое мѣсто, указывающее, что въ этомъ общемъ увлеченіи великими апостолами труда Щедринъ не зналъ, кому отдать преимущество, но, вслѣдствіе тогдашняго господства фюреризма, тяготѣлъ къ этой системѣ. Его alter ego, герой разсказа «Имя рекъ» такъ изображаетъ свое состояніе въ эту пору: «Еще

¹⁾ «За рубежомъ», гл. IV. Я цитирую по отдѣльному изд. 1881 г., стран. 163—165, passim.

въ ранней молодости онъ уже былъ идеалистомъ; но это было скорѣе сонное мечтаніе, нежели сознательное служеніе идеаламъ. Глядя на вожаконъ, онъ называлъ себя фурьеристомъ, но, въ сущности, смѣшивалъ въ кучу и сенъ-симонизмъ, и икаризмъ, и фурьеризмъ, и скорѣе всего примыкалъ къ сенъ-симонизму. Въ особенности его плѣняла Жоржъ-Зандъ въ своихъ романахъ¹⁾.

Но фурьеризмъ, видимо, остался болѣе глубокимъ элементомъ міровоззрѣнія Щедрина, чѣмъ то казалось самому сатирику, перебивавшему свои воспоминанія объ этой ранней порѣ. Неоднократно, то положительно, то отрицательно, то движимый простой ассоціаціей идей, то растроганный величіемъ его общественнаго идеала, несмотря на всѣ обнаружившіяся въ старой системѣ изъяны, Щедринъ говоритъ о «гармонической игрѣ страстей», о «привлекательности труда», о «храмѣ труда». Я позволю привести себѣ лишь одно мѣсто изъ тѣхъ же «Мелочей жизни», гдѣ выражается, можетъ быть, наиболѣе глубокое сочувствіе Щедрина къ великому утописту, да, пожалуй, и наиболѣе серьезная критика недостатковъ ученія: «Ошибка утопистовъ заключалась въ томъ, что они, такъ сказать, усчитывали будущее, уснащая его мельчайшими подробностями. Стоя почти исключительно на почвѣ психологической, они думали, что человѣкъ самъ собой, независимо отъ виѣшней природы и ея тайнъ, при помощи одной доброй воли, можетъ создать свое конечное благополучіе. Между тѣмъ, человѣчество искони связано съ природой неразрывной связью и, сверхъ того, обладаетъ прикладной наукой, которая съ каждымъ днемъ приноситъ новыя открытія. Фурье провидѣлъ ненужныхъ анти-львовъ и анти-акулъ и не провидѣлъ ни желѣзныхъ дорогъ, ни телеграфа, ни телефона, которые несравненно радикальнѣе вліяютъ на ходъ человѣческаго развитія, нежели анти-львы. Его смущалъ вопросъ объ удаленіи нечистотъ изъ помѣщеній фаланстеровъ, и для разрѣшенія его онъ прибѣгнулъ къ когортамъ самоотверженныхъ, тогда какъ въ недалекомъ будущемъ дѣло устроилось проще—при помощи ватерклозетовъ, дренажа, сточныхъ трубъ и, наконецъ, цѣлаго подземнаго города, образецъ котораго мы видимъ въ катакомбахъ Парижа. Въ заключеніе онъ думалъ, что комбинированная имъ форма общежитія можетъ существовать во всякой средѣ, не только не рискуя быть подавленною, но и подготавливая своимъ примѣромъ къ воспріятію новой жизни самыхъ закоренѣлыхъ профановъ—и тоже ошибся въ расчетахъ... Въ результатѣ... великія основныя идеи о привлекательности труда, о гармоніи страстей, объ общедоступности жизненныхъ благъ и проч., были заслонены провидѣніями, регламентаціей и, въ концѣ концовъ, забыты или, по крайней мѣрѣ, рассыпались по мелочамъ. Тѣмъ не менѣе, идея новыхъ основаній для новой жизни...

¹⁾ «Мелочи жизни», С.-П., 1895 г., т. V. «Полнаго собранія сочиненій М. Е. Салтыкова», третье изд., стран. 361.

остается пока во всей своей силѣ и продолжаетъ волновать мыслящія умы» (Ibid., стран. 38).

Эта симпатія и эта одновременная критика фурьеризма исходятъ здѣсь изъ такихъ вѣрныхъ положеній, что читателю остается только одно: избѣгать невольно приходящей въ голову попытки истолковать эти взгляды гениальнаго сатирика, какъ правовѣрнаго выразителя идей современнаго социализма. Ибо тутъ есть и указаніе на общую вѣрность принциповъ, положенныхъ въ основаніе системы Фурье, но и признаніе великаго значенія производительныхъ силъ, но и критика мелочныхъ предвидѣній, но и еще болѣе пронизательная критика того индиферентизма къ «средѣ» (напр., прежде всего, къ политическимъ формамъ), который былъ кореннымъ недостаткомъ социальнаго утопизма. Какъ бы то ни было, всякій убѣжденный социалистъ съ гордостью отмѣтитъ, какихъ замѣчательныхъ учениковъ грандіозная система Фурье нашла на русской почвѣ въ 40-хъ годахъ.

Не мѣшаетъ прибавить, что, вѣроятно, уже въ это время фурьеризмъ впервые воздѣйствовалъ и на крупнѣйшаго социалистическаго мыслителя Россіи, Чернышевскаго *), въ міровоззрѣніе котораго Фурье вошелъ неистребимымъ элементомъ, вошелъ наравнѣ съ другими важными элементами социальной мысли, сложившимися въ головѣ «великаго русскаго ученаго», — какъ его называлъ Марксъ, — въ стройную систему, оставившую глубокой слѣдъ на развитіи русскаго социализма.

Русановъ.

Плещевъ въ ссылкѣ.

I.

Извѣстно, что одинъ изъ выдающихся поэтовъ нашихъ, Алексѣй Николаевичъ Плещевъ въ пятидесятыхъ годахъ находился въ Оренбургскомъ краѣ, гдѣ въ солдатской шинели долженъ былъ испытывать всю тягость несродной и даже ненавистной ему казарменной обстановки, особенно суровой въ былое время.

«По высочайшей конфирмаціи въ 19-й день декабря 1849 года, за участіе въ преступныхъ замыслахъ, происходившихъ на собраніяхъ у преступника Буташевича-Петрашевскаго, и другіе противозаконные поступки, во вниманіе къ молодымъ его лѣтамъ²⁾, онъ лишенъ былъ

*) Студентомъ петербургскаго университета будущій авторъ «Примѣчаній къ Миллю» и «Что дѣлать» посѣщалъ вечера А. Миллюнова и знаменитаго переводчика Диккенса, Ирнарха Введенскаго. Эти лица находились въ сношеніяхъ съ петрашевцами. Здѣсь, очень возможно, и были положены основанія той симпатіи къ основнымъ принципамъ фурьеризма, которая замѣчается у Чернышевскаго.

²⁾ А. Н. Плещевъ родился 22 ноября 1825 года. Слѣдовательно въ это время ему было 24 года.

всѣхъ правъ состоянія и отданъ на службу въ отдѣльный Оренбургскій корпусъ рядовымъ»¹⁾).

Сначала поэтъ былъ сосланъ въ гор. Уральскъ, и 6 января 1850 года зачисленъ въ № 1-й Оренбургскій линейный батальонъ, а потомъ 25 марта 1852 года переведенъ въ Оренбургъ въ № 3-й батальонъ, подъ начальство майора Сушкова.

Но какъ жилось ему въ первое время ссылки въ Уральскъ, и какъ шла здѣсь его служба, о томъ въ мѣстныхъ архивахъ не имѣется почти никакихъ свѣдѣній.

А. Н. въ средствахъ не нуждался, къ тому же уральцы — народъ гостепріимный и особенно для ссыльныхъ сердобольный, такъ что, можно съ нѣкоторой увѣренностью сказать, А. Н. жилось въ Уральскѣ если не особенно весело, какъ въ захолустномъ городѣ, то врядъ ли онъ могъ пожаловаться на равнодушіе къ нему общества. Но въ Оренбургѣ на первыхъ же порахъ ссылки поэту не посчастливилось. Мѣстное «интеллигентное» общество приняло его особенно враждебно.

Переведенный изъ Уральска въ № 3-й батальонъ, Алексѣй Николаевичъ былъ отданъ подъ надзоръ особаго дядьки — унтеръ-офицера, изъ тѣхъ закаленныхъ дядекъ-усачей, для которыхъ «воинскіе артикулы» съ строгой субординаціей составляли всю цѣль жизни. Поэту первое время пришлось особенно много перенести горя и лишения въ чуждой его характеру суровой обстановкѣ. Наравнѣ съ другими онъ долженъ былъ отбывать всѣ обязанности солдата, какъ-то: хожденіе въ карауль, на дневальство, наряды на казарменные работы, посылку «на вѣсти» (вѣстовымъ) къ ротному и батальонному командиру и т. п. Но особенно тягостно для него было сидѣть въ четырехъ стѣнахъ душныхъ казармъ: не съ кѣмъ было поговорить, обмѣняться мыслями. Съ солдатами какой же можетъ быть разговоръ, да и за этимъ строго слѣдило батальонное начальство. Затѣмъ и сами солдаты сторонились «поднадзорныхъ баричей». Батальонные же офицеры избѣгали вступать въ бесѣды «съ такими личностями», — во-первыхъ, изъ боязни навлечь на себя подозрѣніе старшаго начальства, а во-вторыхъ, и это, кажется, самое главное, большинство изъ нихъ происходило изъ тѣхъ же рядовыхъ солдатъ, которые, кромѣ службы и уставовъ, не имѣли ни малѣйшаго представленія о чемъ-либо иномъ, особенно въ области поэзіи и литературы. Наконецъ, при чрезмѣрно-строгой въ то время дисциплинѣ, невозможно было и подумать, чтобы офицеръ-начальникъ могъ снизойти до степени обыкновеннаго человѣка, могъ сочувственно относиться къ положенію хотя бы образованнаго солдата, а тѣмъ болѣе вести съ нимъ какіе-либо частные разговоры, кромѣ служебныхъ.

¹⁾ Изъ аттестата Пшечеева, отъ 10 февраля 1857 года, хранящагося въ Тургайскомъ областномъ архивѣ, въ дѣлѣ за № 35663, которое мною отыскано въ числѣ приговоренныхъ къ уничтоженію.

Въ отпуски А. Н. не ходилъ, да, вѣрнѣе сказать, и не могъ ходить, прежде всего потому, что это было ему запрещено¹⁾, а затѣмъ и потому, что у него не было въ Оренбургѣ ни одной души знакомыхъ. Такимъ образомъ ни сочувствія, ни ласки, ни привѣта. Это была убійственная жизнь, отъ которой легко можно было сойти съ ума! Долго и терпѣливо сносилъ А. Н. выпавшія на его долю невзгоды и никому не жаловался на свою судьбу, но, наконецъ, не выдержалъ и въ одномъ изъ своихъ писемъ написалъ о своемъ тяжеломъ положеніи матери. Получивъ такую грустную повѣсть, она тотчасъ же пріѣхала въ Оренбургъ, и скоро обстоятельства приняли другой оборотъ.

Мать Плещеева подарила дядкѣ его золотые часы съ цѣпочкой — важный въ то время для простого солдата подарокъ, такъ какъ часы были чрезвычайно дороги и рѣдко встрѣчались даже у людей чиновныхъ, — и дядька изъ суроваго начальника сдѣлался чуть не слугою молодому ссыльному «баричу». Потомъ она побывала и у батальоннаго командира, майора Сушкова, еще кое у кого изъ вліятельныхъ лицъ мѣстнаго военнаго управленія и, наконецъ, сдѣлала визитъ самому начальнику края, генераль-адъютанту Василию Алексѣевичу Перовскому²⁾, съ которымъ была, кажется, знакома по Петербургу; и этотъ суровый и строгій оренбургскій генераль-губернаторъ, но отзывчивый на все доброе и особенно покровительствовавшій ученымъ и литераторомъ, очень любезно принялъ Плещееву и охотно согласился взять ея сына подъ свое покровительство³⁾.

Вскорѣ послѣ того было сдѣлано распоряженіе, чтобы майоръ Сушковъ, вмѣсто мѣсячныхъ рапортовъ о состояніи и поведеніи рядового Плещеева, представлялъ «таковые каждаго недѣльно»⁴⁾. Для Алексѣя Николаевича снова возсіяла счастливая звѣзда, и съ этого времени служба его пошла легче. Батальонное начальство уже пе-

¹⁾ Какъ строго слѣдило за нимъ начальство, видно по перепискѣ штаба 23-й пѣхотной дивизіи за 1852 годъ, № 331: даже для свиданія Плещеева съ его матерью, въ періодъ съ 26-го іюня по 27-е іюля, батальонный командиръ испрашивалъ разрѣшеніе дивизионнаго начальника, а послѣдній корпуснаго командира.

²⁾ Генераль-адъютантъ, генераль-отъ-кавалеріи (впослѣдствіи графъ) В. А. Перовскій, управлялъ Оренбургскимъ краемъ съ 1851 по 1857 годъ.

³⁾ У многихъ, навѣрно, явится вопросъ: почему раньше В. А. не взялъ его подъ свое покровительство, зная, что А. Н. сосланъ былъ во вѣранный ему край? Мнѣ кажется, отвѣтъ на это очень не замысловатъ. Общественное мнѣніе города Оренбурга было настроено враждебно противъ ссыльныхъ, и Василій Алексѣевичъ выжидалъ поэтому только удобнаго случая, «не дравня гусей», избавить Плещеева отъ тяжелой доли. Перовскій былъ слишкомъ уменъ, чтобы не понимать, какую онъ бралъ на себя тяжелую и отвѣтственную задачу; бороться же съ заскоружливыми взглядами общества не всегда было легко.

⁴⁾ Въ то время былъ введенъ порядокъ — всѣмъ сосланнымъ въ Оренбургскій край политическимъ преступникамъ ежемѣсячно составлялись такъ называемые «кондуктные» списки, которые сначала представлялись командиру корпуса, а этимъ послѣднимъ, чрезъ шефа жандармовъ, государю.

рестало «наряжать» его на работы и въ вѣстовые, за исключеніемъ посылки на ротныя и батальонныя ученія. Но еще больше было предоставлено ему свободы, когда генераль-адъютантъ Перовскій, получая все болѣе и болѣе благопріятныя о немъ отзывы батальоннаго начальства, сталъ запросто приглашать его къ себѣ чуть не каждый день въ три часа на обѣдъ, а иногда даже посылалъ за нимъ свою карету. Само собою разумѣется, батальонное начальство, отъ мала до велика, въ виду такихъ знаковъ вниманія начальника края къ ссыльному рядовому (такой чести рѣдко удостоивались даже немногіе изъ видныхъ представителей мѣстной администраціи), не смѣло уже заикнуться о какихъ-либо строгостяхъ, и безпрепятственно разрѣшало ему выходить изъ казармъ, когда угодно и куда вздумается.

Къ большому еще благополучію Алексѣя Николаевича, вскорѣ, весной 1853 года, начались наступательныя движенія нашихъ отрядовъ въ глубь киргизской степи для обузданія волновавшихся киргизовъ Чиклинскаго рода малой орды, подъ предводительствомъ мятежнаго батыря Исетки Кутебарова, и противъ коканцевъ, оказывавшихъ намъ неповиновеніе, грабившихъ нашихъ подданныхъ киргизовъ и покровительствовавшихъ дѣйствіямъ этого степного разбойника. Для усмиренія бунтовщиковъ было назначено 2 тысячи пѣхоты и 4 тысячи конницы (казаки и башкиры) при девяти орудіяхъ. Главное начальствованіе надъ отрядомъ этимъ, по высочайшему повелѣнію, принялъ самъ начальникъ края, генераль Перовскій.

Чтобы дать возможность Плещееву выслужиться изъ простыхъ рядовыхъ и выйти изъ тягостнаго положенія поднадзорнаго, Василій Алексѣевичъ 2 марта 1853 года перевелъ его изъ № 3-го въ № 4-й батальонъ, который назначался въ этотъ походъ.

Войска и обозы, назначенныя въ отрядъ, собирались въ Оренбургѣ, Орскѣ и станицѣ Верхнеозерной, откуда, выступая тремя колоннами, должны были соединиться у форта Карабутака и подъ начальствомъ наказнаго атамана Оренбургскаго казачьяго войска, генераль-майора Падурова, слѣдовать далѣе на Сырь-Дарью и коканскую крѣпость Акъ-Мечеть, главный предметъ похода.

Отряды выступали съ линіи между 10-мъ и 15-мъ мая и, несмотря на сильныя жары, 23-го мая соединились въ укрѣпленіи Уральскомъ, пройдя 605 верстъ труднаго степного пути отъ Оренбурга. Отсюда выступили далѣе уже двумя колоннами: одна подъ начальствомъ генерала Падурова, другая — подполковника Іоннея. Батальонъ № 4-й, гдѣ былъ Плещеевъ, шелъ въ колоннѣ Падурова и все время, до взятія 28-го іюля Акъ-Мечети, находился въ ней.

Въ шестнадцать дней войска дошли до укрѣпленія Аральскаго (Раимъ) на Сырь-Дарьѣ, куда прибыли 8-го іюня, а 3-го іюля были уже подъ стѣнами Акъ-Мечети. Здѣсь Алексѣй Николаевичъ принималъ участіе въ осадѣ и штурмѣ крѣпости, и «за отличіе въ дѣлѣ при взятіи ея всемилостивѣйше былъ произведенъ въ унтеръ-офицеры

(приказомъ 27 декабря 1853 года) и награжденъ, не въ зачетъ, годовымъ окладомъ жалованія».

Послѣ возведенія по Сыръ-Дарьѣ укрѣпленій: № 1-го на истокѣ рѣки Казалы (нынѣ городъ Казалинскъ), № 2-й — на урочищѣ Кармакчи, № 3-го — на Куванъ-Дарьѣ (впослѣдствіи въ 1855 году уничтоженнаго) и форта «Перовскаго», переименованнаго, по высочайшему повелѣнію, въ честь виновника побѣды изъ Акъ-Мечети, начальникъ края съ частью войскъ отправился въ Оренбургъ, оставивъ для охраненія вновь заведенной сторожевой и оборонительной линіи три роты 4-го линейнаго батальона, двѣ сотни казаковъ и сотню башкиръ при 7 орудіяхъ. Такимъ образомъ на долю нашего поэта выпало остаться въ Акъ-Мечети и влечить въ ней самое жалкое существованіе.

Одинъ изъ оренбургскихъ старожиловъ, нѣкто Ціолковскій, сынъ извѣстнаго въ свое время сподвижника Перовскаго, пишетъ на страницахъ «Турганской Газеты» (№ 1-й за 1896 годъ), что, «живя въ фортѣ Перовскомъ, Алексѣй Николаевичъ велъ постоянную переписку съ своими друзьями, оставшимися въ городѣ Оренбургѣ. Письма его были полны задушевности и глубокой грусти». Въ одномъ изъ нихъ, адресованномъ автору воспоминаній, даже было приложено слѣдующее стихотвореніе:

Я молодъ былъ, я увлекался...
Я жилъ несбыточной мечтой,
Я время вѣянью поддался,
И сталъ солдатъ совсѣмъ простой...
Мечты прошли, зачали упованья,
И изъ тюрьмы я въ степь попалъ;
Не слышны здѣсь мои страданья,
Но какъ страдаю я, страдалъ!

Мы сомнѣваемся, чтобы это стихотвореніе принадлежало перу даровитаго Плещеева, но безспорно, что въ фортѣ Перовскомъ, отдаленномъ и оторванномъ отъ остальной Россіи дикими первобытными киргизскими степями, Алексѣю Николаевичу жилось куда хуже, чѣмъ въ Оренбургѣ, гдѣ онъ уже, съ помощію Перовскаго, успѣлъ найти друзей. Кругомъ одна безбрежная степь, унылая и однообразная, съ скудной растительностью, земляныя стѣны укрѣпленія, суровыя лица солдатъ, киргизы и верблюды — вотъ все, что могъ видѣть его глазъ. Для развлеченія ни одной книги ни одной газеты. До Оренбурга было слишкомъ 1000 верстъ, и оказіи ходили туда въ мѣсяць или въ два мѣсяца разъ и лишь для того, чтобы отвезти нужныя бумаги или привезти провіантъ.

Почти три года провелъ поэтъ въ этой мрачной обстановкѣ, безъ всякой дѣятельности. Много воды утекло за это время, и много на Руси перемѣнилось событій. Въ 1855 году скончался императоръ Николай Павловичъ, и съ восшествіемъ на престолъ Александра Николаевича наступили новыя времена, болѣе просвѣщенныя, болѣе гуманныя. Графъ Перовскій воспользовался этимъ случаемъ и

сталъ ходатайствовать предъ молодымъ императоромъ о смягченіи участи поэта Плещеева. Государь внялъ просьбѣ «старога слуги августѣйшаго родителя» своего, и «высочайшимъ приказомъ, послѣдовавшимъ въ одиннадцатый день мая тысяча восемьсотъ пятьдесятъ шестого года», Плещеевъ былъ «произведенъ въ прапорщики съ переводомъ въ оренбургскій линейный № 3 батальонъ», стоявшій въ Оренбургѣ. 15-го іюня А. Н. навсегда распрощался съ Акъ-Мечетью, гдѣ провелъ такъ много томительныхъ дней, и 25-го іюня прибылъ въ Оренбургъ.

Теперь, какъ офицеръ, онъ имѣлъ полный доступъ повсюду, былъ свободенъ, надъ нимъ не висѣлъ, какъ Дамокловъ мечъ, строгій надзоръ; но душа его не мирилась съ военнымъ режимомъ: онъ всѣми силами старался избавиться отъ тягостной ему военной службы, въ которой онъ потерялъ свои лучшіе годы, и которая взамѣнъ всего дала ему столько неприятностей. Въ концѣ года онъ просилъ графа Перовскаго ходатайствовать объ увольненіи его отъ военной службы. В. А. снесся по этому поводу съ военнымъ министромъ. Просьба Плещеева была доложена государю, и на нее послѣдовало милостивое разрѣшеніе: «По высочайшему повелѣнію, Плещеевъ уволенъ отъ военной службы, съ переименованіемъ въ коллежскіе регистраторы и съ дозволеніемъ вступить въ гражданскую службу, кромѣ столицъ». Кончилась первая эпопея плещеевской ссылки, началась другая.

Средства у А. Н. были не настолько хороши, чтобы онъ могъ прожить безъ службы или какихъ-либо опредѣленныхъ занятій, такъ какъ «имѣнія родового и благопріобрѣтеннаго» у него не было, литературный же заработокъ (да врядъ ли былъ онъ у него въ это время) не могъ дать ему возможность прожить безбѣдно. Такимъ образомъ, въ силу необходимости, ему нужно было искать должности. Зимѣ 1856 — 1857 года, однако, за неимѣніемъ, вѣроятно, подходящихъ вакансій онъ прожилъ въ Оренбургѣ безъ дѣла, и только въ мартѣ (5-го) подалъ прошеніе въ оренбургскую пограничную комиссію «объ опредѣленіи его на службу въ штатъ этой комиссіи»¹⁾, при чемъ представилъ и аттестатъ, выданный ему 10-го феврала 1857 года отъ командира оренбургскаго корпуса, за подписью самого Перовскаго, изъ коего, между прочимъ, видно, что онъ «воспитывался *въ частномъ учебномъ заведеніи*»²⁾, знаетъ читать, писать, законъ Божій,

¹⁾ Дѣло тургайскаго областного архива за 1857 г., № 35.663, листъ 1. Необходимо для ясности замѣтить, что бывшая оренбургская пограничная комиссія, вѣдавшая дѣла зауральныхъ киргизовъ и Внутренней Букеевской орды, въ 1868 году, при образованіи новой области Тургайской, переименована въ тургайское областное правленіе, гдѣ и остался весь архивъ прежней пограничной комиссіи.

²⁾ Во всѣхъ почти некрологахъ Плещеева указывается, что онъ 15 лѣтъ былъ отданъ въ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ, но потомъ вышелъ изъ военной школы и поступилъ въ Петербургскій университетъ. Это обстоятельство не внесено въ аттестатъ Плещеева, вѣроятно, потому, что онъ пробылъ въ школѣ недолгое время,

исторію всеобщую и русскую, географію, логику, статистику и языки нѣмецкій и французскій». «По служеніи въ отдѣльномъ оренбургскомъ корпусѣ, въ домовыхъ отпускахъ, штрафахъ по суду и безъ суда и подѣ слѣдствіемъ не былъ. Къ повышенію чиновъ аттестовался достойнымъ; а къ награжденію знакомъ отличія безпорочной службы, хотя не выслужилъ срока, но случаямъ, препятствующимъ къ награжденію онымъ, во время службы не подвергался».

По сношеніи объ этомъ съ инспекторскимъ департаментомъ гражданскаго вѣдомства, высочайшимъ приказомъ 21 апрѣля 1875 года, за № 84, Плещеевъ былъ зачисленъ въ штатъ комиссіи, а потомъ, по журналу 20-го мая, опредѣленъ на должность столоначальника во «временный столъ по управленію внутренней киргизской ордой». А. Н. принялъ присягу на вѣрность службы и далъ подписку «о непринадлежности къ масонскимъ и другимъ тайнымъ обществамъ». Вскорѣ затѣмъ, высочайшимъ указомъ, даннымъ за собственноручнымъ его величества подписаніемъ, 17-го апрѣля того же года, было повелѣно: «лишенному правъ состоянія рѣшеніемъ генераль-аудиторіата 19-го декабря 1849 года, и уволенному отъ службы прапорщику Алексѣю Плещееву, съ прочими, равно законнымъ ихъ дѣтямъ, прижитымъ послѣ произнесенія надъ ихъ отцами ихъ приговора даровать прежнія права по происхожденію, то-есть пользовавшимся до приговора потомственнымъ дворянствомъ всѣ права дворянства потомственнаго, а принадлежащимъ къ другимъ состояніямъ права прежнихъ состояній, но всѣмъ безъ права на прежнія имущества».

На службѣ Плещееву повезло. Въ лицѣ предсѣдателя пограничной комиссіи, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Василія Васильевича Григорьева (1854—1862), извѣстнаго нашего ориенталиста и изслѣдователя Туркестанскаго края, А. Н. нашель себѣ новаго покровителя, который впослѣдствіи, когда Плещеевъ женился на дочери чиновника Руднева, былъ у него даже посаженымъ отцомъ.

Вырвавшись такимъ образомъ, послѣ шестилѣтняго заточенія въ душныхъ стѣнахъ батальонныхъ казармъ, на свѣтъ Божій, тридцатидвулѣтній поэтъ, конечно, не прочь былъ веселиться и пользоваться тѣми удовольствіями, какія могъ дать тогда Оренбургъ, тѣмъ болѣе, что Плещеевъ былъ не дурень собой, уменъ, хорошо воспитанъ и образованъ. Всюду его принимали какъ желаннаго гостя. Мнѣнія круто переменялись, и даже тѣ, которые прежде недовѣрчиво смотрѣли на «политическаго ссыльнаго», открыли ему свои двери и радушно принимали его, особенно у кого были взрослые дочери, такъ какъ А. Н. во всѣхъ отношеніяхъ являлся завиднымъ женихомъ.

Случайно, на какомъ-то вечерѣ, онъ познакомился съ своей будущей женой. Еликонида Александровна въ то время было только 17 лѣтъ. Стройная, миловидная брюнетка, считавшаяся красавицей по всему Оренбургу, отъ которой, казалось, вѣяло счастьемъ и здоровьемъ, произвела такое сильное впечатлѣніе на Алексѣя Николаевича, что онъ рѣшилъ связать свою судьбу съ ея судьбой; къ

тому же, хорошо воспитанная и образованная, Еликониде Александровна имѣла за собой 50 тысячъ рублей приданого. Не мѣшаетъ добавить, что отецъ ея, титулярный совѣтникъ Александръ Михайловичъ Рудневъ, служившій надзирателемъ при илецкомъ соляномъ промыслѣ, въ 62 верстахъ отъ гор. Оренбурга, въ Илецкой заштѣтѣ, и мать Татьяна Евграфовна были прекраснѣйшіе люди, типа старо-свѣтскихъ помѣщиковъ, и воспитали единственную дочь свою въ духѣ патриархальности и строгой религіозности.

Въ концѣ октября 1857 года состоялось сватовство. Плещеевъ, вмѣстѣ съ своимъ пріятелемъ, капитаномъ артиллеріи Д. П. Пр-вымъ, для этой цѣли отправились въ Илецкую заштиту.

По пріѣздѣ «въ столицу степей», Плещеевъ поселился съ женой въ домъ купца Хохлова, обставивъ квартиру насколько возможно комфортабельнѣе, но прожилъ здѣсь очень недолго. Надоѣла ему служба, надоѣлъ и Оренбургъ, онъ рвался на волю. Къ тому же мать, которую онъ сильно любилъ, писала ему, что послѣднее время часто прихварываетъ, и вызывала его къ себѣ. Общими усилиями стали хлопотать о дозволеніи жить Плещееву въ столицѣ, и ходатайство ихъ увѣнчалось успѣхомъ.

9 февраля 1858 года (за № 33) оренбургскій и самарскій генераль-губернаторъ, генераль-адъютантъ Александръ Андреевичъ Катенинъ¹⁾, увѣдомилъ предсѣдателя пограничной комиссіи, что «государь императоръ, по всеподданнѣйшему докладѣ ходатайства его, генераль-губернатора, всемилостивѣйше соизволилъ на увольненіе служащаго въ комиссіи коллежскаго регистратора Плещеева въ четырехмѣсячный отпускъ въ обѣ столицы».

А. Н. не воспользовался сейчасъ же этимъ позволеніемъ и только 26-го мая подалъ въ комиссію прошеніе о разрѣшеніи ему отпуска въ С.-Петербургъ и Москву и съ тѣмъ вмѣстѣ, «намѣреваясь пріискать себѣ другой родъ службы», просилъ о выдачѣ ему коніи съ его «формуляра».

Задержки отъ комиссіи, конечно, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ не было, и 29 мая 1858 года, съ четырехмѣсячнымъ паспортомъ въ карманѣ, Плещеевъ выѣхалъ изъ Оренбурга, вмѣстѣ съ женой, и больше туда не возвращался.

Съ отъѣздомъ въ Москву Алексѣя Николаевича переписка о немъ не прекратилась. Но удивительно, ради чего онъ передъ отъѣздомъ своимъ послалъ въ городъ Уфу, оренбургскому гражданскому губернатору²⁾, съ приложеніемъ своего послужнаго списка, прошеніе о зачисленіи его въ штатъ губернскаго правленія, когда совсѣмъ

¹⁾ Напомнимъ здѣсь, что Катенинъ смѣнилъ Перовскаго по высочайшему приказу 7 апрѣля 1857 года.

²⁾ Необходимо добавить, что центръ гражданского управленія Оренбургской губерніи въ то время (до 1865 года) сосредоточивался въ Уфѣ; гдѣ жилъ гражданскій губернаторъ. Въ Оренбургѣ же было военное управленіе краемъ и пограничной полосой его.

«не хотѣлъ жить» въ Оренбургскомъ краѣ. По прошенію этому, исправляющій должность губернатора, дѣйствительный статскій совѣтникъ Барановскій, основываясь «на удостовѣрительной надписи Оренбургской пограничной комиссіи на формулярѣ Плещеева о немѣннѣи препятствій къ его перемѣщенію», предложилъ губернскому правленію опредѣлить его въ штатъ «губернаторской канцеляріи», и въ то же время (10-го іюня, № 2845) увѣдомилъ о томъ пограничную комиссію. Последняя, въ свою очередь, о такой перемѣнѣ донесла генераль-губернатору и въ инспекторскій департаментъ гражданскаго вѣдомства, исключила Плещеева изъ списковъ своихъ чиновниковъ и, закончивъ тѣмъ переписку о немъ, сдала ее въ архивъ. Между тѣмъ, по сдѣланной гражданскимъ губернаторомъ резолюціи, оренбургское губернское правленіе не торопилось зачислять Плещеева въ штатъ. И только черезъ три мѣсяца (9-го сентября) исполнило распоряженіе губернатора, еще разъ увѣдомивъ объ этомъ пограничную комиссію. Произошла путаница. Пограничной комиссіи пришлось выкапывать переписку изъ архива, опять подшивать къ ней «бумаги» и снова составлять и «заслушивать» журналъ. Виновику же всей этой кутерьмы, ничего не подозрѣвая, хотя комиссія уже два раза «опредѣляла» объявить ему о томъ «по принадлежности», — спокойно разгуливалъ по улицамъ Петербурга и, какъ видно, не имѣлъ ни малѣйшаго желанія возвращаться въ Оренбургъ или Уфу и не подавалъ о себѣ никакого извѣстія, а между тѣмъ срокъ отпуска близился къ концу, и пограничное начальство терялось въ догадкахъ о причинѣ подобнаго замедленія, намѣреваясь уже произвести розыски «безъ вѣсти пропавшаго», такъ какъ оренбургское губернское правленіе «неукоснительно» требовало «явки къ мѣсту новаго служенія чиновника Плещеева».

Прошло такимъ образомъ около мѣсяца въ неизвѣстности, и вдругъ пограничная комиссія получаетъ изъ министерства иностранныхъ дѣлъ (отъ 4 октября 1858 года, № 3551) слѣдующее «отношеніе»¹⁾:

«Служащій въ Оренбургской пограничной комиссіи коллежскій регистраторъ Плещеевъ, уволенный на основаніи высочайшаго повелѣнія въ четырехмѣсячный отпускъ въ обѣ столицы, для свиданія съ матерью и устройства домашнихъ дѣлъ, обратился въ III отдѣленіе собственной его императорскаго величества канцеляріи съ просьбою, въ коей объяснилъ, что срокъ его отпуска истекаетъ 29-го сентября, между тѣмъ его дѣла, вопреки ожиданія его, не приведены еще до сихъ поръ къ окончанію, а положеніе прибывшей съ нимъ беременной жены таково, что дальній путь для нея рѣшительно невозможенъ, а потому онъ просилъ объ исходатай-

¹⁾ Оренбургская пограничная комиссія, какъ вѣдавшая, помимо киргизовъ, еще сношенія съ средне-азиатскими ханствами, подчинялась министерству иностранныхъ дѣлъ до 1859 года, когда была переименована въ «Область оренбургскихъ киргизовъ» и подчинена министерству внутреннихъ дѣлъ.

ствованіи высочайшаго соизволенія на продолженіе его отпуска до окончательнаго выздоровленія жены». По всеподданнѣйшему докладу о томъ государю императору, его величество высочайше повелѣтъ соизволилъ: «Срокъ отпуска коллежскаго регистратора Плещеева продолжить до поправленія здоровья жены его, послѣ разрѣшенія отъ бремени».

Такимъ образомъ. Алексѣй Николаевичъ остался въ Петербургѣ еще надолго, если не навсегда; по крайней мѣрѣ, изъ дальнѣйшей переписки не видно, чтобы онъ пріѣзжалъ «къ новому мѣсту своего назначенія», то-есть въ гор. Уфу. Юдинъ.

Мотивы поэзіи Плещеева по возвращеніи изъ ссылки.

Грустная, а нѣкоторое время и совсѣмъ безотрадная жизнь въ ссылкѣ заставляла молчать глубоко симпатичную музу поэта-изгнанника. Писалъ онъ очень мало и лишь изрѣдка, ничего не отдавая въ печать. Но едва только улучшилось его положеніе, «душа поэта встрепенулась, какъ пробудившійся орелъ». Уже съ 1856 года А. Н. Плещеевъ возобновилъ прерванную литературную дѣятельность, появившись въ «Русскомъ Вѣстникѣ» и, какъ выразился Добролюбовъ, «съ робостью новичка» печатая свои стихотворенія подъ неполною фамиліей А. П — ва. Многіе читатели узнали знакомый голосъ и радушно приняли «Старыя пѣсни на новый ладъ», какъ назвалъ Плещеевъ свои стихи. Да и какъ было не узнать этотъ милый, чуткій голосъ, эту плавную, пѣвучую рѣчь, вызванную искреннимъ, глубокимъ чувствомъ и полную задушевности, чарующей мягкости и нѣжной грусти. Годы изгнанія и одиночества среди непривлекательной природы пустыннаго края и не покидавшія поэта горькія думы хотя и наложили на душу его печаль нѣкоторой усталости, унынія, какого-то страха за будущее и довольно сильнаго разочарованія, но поэтъ остался неизмѣнно вѣренъ чистымъ помысламъ, святымъ идеаламъ, благородному стремленію честно служить обществу, если бы даже для этого пришлось итти знакомымъ путемъ — «путемъ заботъ, печалей и лишенія»... Въ стихотвореніи «Молитва» поэтъ говорить:

О, Боже мой, возстанови
Мой падшій духъ, мой духъ унылый!
Я жажду вѣры и любви,
Для новыхъ битвъ я жажду силы...
Въ изнеможенъ скорбный часъ
Простри спасательныя руки,

Да упадетъ завѣса съ глазъ,
Да прочь идуť сомнѣнья муки...
Услышь, о Боже, голосъ мой!
Да, возлюбивъ всѣмъ сердцемъ брата,
Во тѣмъ затерянной тропѣ
Пойду я вновь — и безъ возврата!..

Порою поэтъ скорбитъ за свою слабость, малодушіе, его терзаютъ мучительные укоры совѣсти, ему припоминаются долгіе годы, «что шли средь волненій бесплодныхъ и мукъ, безъ счастья, любви

и свободы»... Обращаясь къ друзьямъ своей юности, онъ словно кается передъ ними:

Былое предо мной, какъ призракъ, возстаетъ,
И тайный голосъ мнѣ твердитъ укоръ правдивый;
Чего убить не могъ суровой жизни гнеть,
Зарылъ я въ землю самъ, — зарылъ, какъ рабъ лѣнливый...
Я заключалъ не разъ со зломъ постыдный миръ,
И пренебрегъ труда спасительной дорогой,
Не простиралъ руки тому, кто нагъ и сирь,
И оставался глухъ къ призывамъ правды строгой.
О, больно, больно мнѣ!... Скорбить душа моя,
Казнить меня палачъ неумолимый — совѣсть,
И въ книгѣ прошлаго съ стыдомъ читаю я
Погибшей безъ слѣда, безплодной жизни повѣсть...

Злополучный, изстрадавшійся поэтъ жалуется, что жизнь сыграла съ нимъ «много злыхъ и глухихъ шутокъ»:

Подстрекнула ты лукаво	Только людямъ на потѣху
На неравный бой меня,	Скоро выбился изъ силъ;
И въ бою томъ я потратилъ	И осталось мнѣ сознанье,
Много страсти и огня.	Что я немощень и хиль...

И все же, несмотря на всю скорбь наболѣвшей души, онъ не можетъ отрѣшиться отъ старыхъ, юношескихъ воззрѣній на задачи жизни, отъ тѣхъ убѣжденій, съ которыми онъ столь смѣло, съ такимъ восторженнымъ подъемомъ духа, выступалъ на литературное поприще. Привѣтствуя одного изъ своихъ друзей, передъ которымъ лежалъ широкой новый путь, поэтъ напутствуетъ его такими словами:

Да будетъ, какъ была, твоя согрѣта грудь
Любовью къ ближнему, любовью въ правдѣ вѣчной...
Да не утратишь ты, въ борьбѣ со зломъ упорной,
Всего, чѣмъ нынѣ такъ душа твоя полна,
И вѣры и любви свѣтильникъ животворный
Да не залѣть въ тебѣ житейская волна.
Подъявъ чело, иди безтрепетной стопой,
Иди, храня въ душѣ свой чистый идеаль,
На слезы страждущихъ отвѣтствуя слезою
И ободряя тѣхъ, въ борьбѣ кто духомъ палъ...

До переселенія своего въ Москву, А. Н. Плещеевъ напечаталъ цѣлый рядъ стихотвореній, оригинальныхъ и переводныхъ, а также и нѣсколько повѣстей и рассказовъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ», «Современникѣ», «Библиотекѣ для чтенія» и другихъ изданіяхъ: «Наслѣдство», «Житейскія сцены. Отецъ и дочь», «Будневы», «Ломбардный билетъ». Въ отсутствіе поэта вышла, весной 1858 года, и книжка его стихотвореній, изданная А. А. Смирдинымъ (сыномъ) въ крошечномъ форматѣ и встрѣченная очень сочувственно и въ публикѣ и въ печати. На заглавномъ листѣ ея помѣщенъ эпиграфъ изъ Гейне, любимаго поэта Алексѣя Николаевича.

Gesanglos war ich und beklommen. Wie Thränen die uns plötzlich kommen,
So lange Zeit; nun dicht'ich wieder. So kommen plötzlich auch die Lieder...

Книжка начинается стихотвореніемъ въ видѣ посвященія:

Домчатся ль къ вамъ знакомыхъ пѣ- сенъ звуки,	Уже давно забыли обо мнѣ...
Друзья моихъ погибшихъ юныхъ лѣтъ? И братскій вашъ услышу ль я привѣтъ?	И некому на пѣсни отозваться!...
Все тѣ же ль, вы, что были до разлуки? Быть-можетъ, мнѣ иныхъ не досчитать- ся!...	Но я — среди бурь, въ дни горя и пе- чали, Быль вѣренъ вамъ, весны моей друзей, И снова къ вамъ несется пѣснь моя, Когда, какъ сонъ, невзгоды миновали.
А тѣ — въ чужой, далекой сторонѣ,	

Добролюбовъ посвятилъ этому сборничку стихотвореній очень теплый отзывъ, мѣтко и правдиво охарактеризовавъ безхитростную, но глубоко искреннюю, скорбную музу нашего поэта. «Какое-то внутреннее, тяжелое горе, грустное утомленіе жизнью, печаль о несбывшихся надеждахъ — вотъ характеръ большей части изданныхъ нынѣ стихотвореній г. Плещеева, — говоритъ Добролюбовъ. — Съ перваго взгляда тутъ не представляется ничего необыкновеннаго: кто не былъ разочарованъ горькимъ опытомъ жизни, кто не сожалѣлъ о пылкихъ мечтахъ юности?... Но, присматриваясь ближе къ содержанию стихотвореній г. Плещеева, мы найдемъ, что характеръ его сожалѣній не совсѣмъ одинаковъ съ жалобными стонами плаксивыхъ пѣнъ прежняго времени... Со стороны, разумѣется, смѣшно и скучно было слушать ихъ... Нельзя сказать того же о сожалѣніяхъ, которымъ предается г. Плещеевъ. Его надежды также были, можетъ-быть, безразсудны, но все-таки онѣ относились уже не къ розѣ, дѣвѣ и лунѣ, — онѣ касались жизни общества и имѣли право на его вниманіе. Поэтому и грусть поэта о неисполненіи его надеждъ не лишена, по нашему мнѣнію, общаго значенія и даетъ стихотвореніямъ г. Плещеева право на упоминаніе въ будущей исторіи русской литературы, даже совершенно независимо отъ степени таланта, съ которымъ въ нихъ выражается эта грусть и эти надежды... Въ этой книжкѣ уже нѣтъ тѣхъ мощныхъ призывовъ, тѣхъ гордыхъ увлеченій, тѣхъ отчасти безразсудныхъ надеждъ, съ которыми такъ смѣло выступалъ онъ на свое литературное поприще». Выписавъ нѣсколько строкъ изъ пьесы «Раздумье», критикъ продолжаетъ: «Въ этихъ стихахъ читатель можетъ видѣть выраженіе того настроенія, которое господствуетъ во всей книжкѣ стихотвореній г. Плещеева. Оно проявляется въ разныхъ видахъ: то въ горькомъ укорѣ враждебному року, то въ грустномъ воспоминаніи о прошедшемъ, то въ глухомъ стонѣ настоящаго, внутренняго горя, то, наконецъ, въ печальной ироніи надъ своими погибшими мечтами. Изъ сорока стихотвореній, напечатанныхъ въ книжкѣ, въ тридцати навѣрное найдется скорбь больной души, усталой и убитой тревогами жизни, желаніе пріобрѣсти новыя силы, чтобы освободиться отъ гнета судьбы и отъ мрака, покрывавшаго умъ поэта... Воспоминанія прошлаго служатъ для автора постояннымъ источникомъ грустныхъ сожалѣній. Сравненіе прежней свѣжести и энергіи, прежняго огня

и самоувѣренности съ наступившимъ потомъ равнодушiемъ и покорнымъ отчаянiемъ — служить для г. Плещеева мотивомъ многихъ грустныхъ стихотворенiй... Нельзя не пожалѣть о томъ, что сила обстоятельствъ не дала развиться въ г. Плещеевѣ убѣжденiямъ вполне опредѣленнымъ и ровнымъ, «цѣльнымъ», какъ говорятъ. Со вниманiемъ перечитывая его стихотворенiя, нельзя въ нихъ не замѣтить слѣдовъ какого-то раздумья, какой-то внутренней борьбы, слѣдствiя потрясенной и еще не успѣвшей снова установиться мысли. Поэтъ постоянно жалуется на то, что его надежды разбиты, мечты обмануты, что онъ самъ сталъ немощенъ и хилъ. Но въ то же время онъ не можетъ уберечь себя отъ новыхъ обольщенiй, и все какъ будто предается мечтѣ, что для него настанетъ вторая юность, а для человѣчества — новый золотой вѣкъ. Эти странныя мечты и надежды парализуютъ ту сторону таланта, которая у г. Плещеева наиболѣе сильна, потому что наиболѣе искренна. Въ своемъ прошедшемъ г. Плещеевъ можетъ найти много страстныхъ и мощныхъ мотивовъ, способныхъ увлечь человѣка съ душою. Въ своихъ воспоминанiяхъ, въ своей тоскѣ, въ самой боли раздраженнаго сердца, поэтъ найдетъ предметы для многихъ пѣсней. И если къ этимъ пѣснямъ не примѣшается фальшивый звукъ ребяческихъ смѣшныхъ надеждъ и увлеченiй, то пѣсни его польются звонкимъ, стремительнымъ, широкимъ потокомъ. Мы говоримъ это въ полномъ убѣжденiи, что г. Плещеевъ не утратилъ той силы мысли и стиха, которая проявлялась въ нѣкоторыхъ изъ его первыхъ стихотворенiй, между тѣмъ какъ безпечность золотыхъ сновъ юности онъ ужъ потерялъ невозвратно... *Вызовъ.*

Послѣднiе годы жизни Плещеева.

Алексѣй Николаевичъ стоялъ на рубежѣ тридцатипятилѣтняго возраста, когда переѣхалъ въ Москву; тѣмъ не менѣе онъ съ чисто-юношеской энергiей весь отдался литературной дѣятельности.

Въ 1872 году Алексѣй Николаевичъ переселился въ Петербургъ, гдѣ числился на службѣ въ государственномъ контролѣ, съ 8 октября 1865 года по 1 января 1875 года. Здѣсь, въ столицѣ, несмотря на свои очень почтенные годы, поэтъ продолжалъ съ прежнимъ рвенiемъ подвизаться на литературномъ поприщѣ и чуть ли не въ первый годъ приѣзда вошелъ въ составъ редакцiи «Отечественныхъ Записокъ», гдѣ до самаго закрытiя этого журнала былъ его ближайшимъ сотрудникомъ, секретаремъ редакцiи и завѣдывалъ стихотворнымъ отдѣломъ; позже нѣкоторое время онъ завѣдывалъ, на правахъ редактора, литературнымъ отдѣломъ «Сѣвернаго Вѣстника», когда онъ издавался докторомъ правъ А. М. Евреиновой; здѣсь также помѣщено нѣсколько его статей, переводовъ и стихотворенiй.

Кромѣ того, онъ участвовалъ въ «Вѣстникѣ Европы», «Словѣ», «Русской Мысли», «Молвѣ» В. А. Полетики, «Устояхъ», «Изящной Литературѣ» П. И. Вейнберга, «Заграничномъ Вѣстникѣ» В. О. Корша, «Русскихъ Вѣдомостяхъ», «Пчелѣ», «Живописномъ Обзорѣннн», «Театральномъ Мирѣ» А. А. Плещеева, въ лучшихъ дѣтскихъ журналахъ и другихъ изданіяхъ.

Жизнь Алексѣя Николаевича въ Петербургѣ, гдѣ онъ впослѣдствіи вторично женился на вдовѣ отставнаго губернскаго секретаря Екатеринѣ Михайловнѣ Даниловой, урожденной Успенской, проходила среди непрерывнаго труда, далеко не такъ вознаграждавшагося, какъ этого заслуживалъ убѣленный сѣдинами, заслуженный писатель, столько переиспытавшій на своемъ вѣку и выпившій чашу страданій до дна. Глубокія симпатіи къ прекраснодушному поэту, къ его незлобивой, искренней и оздоравливающей музѣ особенно ярко сказались въ памятный день 15 января 1886 года, когда огромный кругъ его почитателей и друзей чествовалъ сорокалѣтіе литературной дѣятельности Алексѣя Николаевича и когда маститый поэтъ получилъ столько привѣтствій, поздравленій, пожеланій, и устныхъ и письменныхъ. На склонѣ дней судьба совершенно неожиданно улыбнулась поэту. Его матеріальныя обстоятельства — разумѣется, только не при помощи литературы — сложились настолько благоприятно, что, наконецъ, дали ему возможность отдохнуть и физически, и нравственно, избавиться отъ безконечныхъ тревогъ, выйти изъ-подъ гнета суровой нужды. Чувствуя упадокъ силъ, порядкомъ истощенныхъ тяжелою, особенно въ его годы, работой, по совѣту доктора Л. Б. Бертенсона, уѣхалъ за границу и проводилъ время частью въ Ниццѣ и Парижѣ, частью въ Россіи, навѣдываясь лѣтомъ въ Петергофъ и Ораніенбаумъ. Давно страдая болѣзнью сердца, онъ, совершенно неожиданно для друзей и близкихъ его, скончался въ Парижѣ, въ ночь на 26 сентября 1893 года отъ апоплексическаго удара.

Быковъ.

Памяти А. Н. Плещеева.

Когда узнаешь о смерти людей, которые были почему-нибудь очень близки — въ первую минуту, прежде всякой мысли, прежде скорби, испытываешь странное чувство недоумѣнія, какого-то тяжелаго и вѣчнаго удивленія передъ смертью, какъ будто недовѣрія къ ней. Переспрашиваешь и перечитываешь вѣсть, и все не можешь покориться, все надѣнешся на какую-то невозможную ошибку. Потомъ привыкаешь медленно, и тогда только возникаетъ въ сердцѣ чувство новой пустоты и горечи, и мало-по-малу начинаешь понимать значеніе утраты...

Съ такимъ страшнымъ и тяжелымъ недоумѣніемъ я смотрѣлъ на обычную толпу петербургскихъ литераторовъ, которые въ послѣдніе годы все чаще и чаще, собираются на похороны кого-нибудь изъ братьевъ. Какая безнадежная грусть и унылая покорность въ этой толпѣ! Вотъ еще одинъ...

Тихо все — одно кладбище

Не пугать, не молчить.

Зажглись тонкія восковыя свѣчи. Прозвучали торжественныя слова панихиды. Холодомъ вѣяло отъ пышнаго и пустыннаго храма, отъ привыкшей къ смерти толпы; холодный свѣтъ унылаго дня падалъ на гранитныя колонны, на тяжелыя мѣдныя капители, и въ этомъ безнадежномъ свѣтѣ, снизу озаренныя отблескомъ похоронныхъ свѣчей, лица живыхъ казались мертвенно-блѣдными.

Я видѣлъ передъ собою кроткое старческое лицо скончавшагося поэта, его грустную и нѣжную улыбку. Достоевскій гдѣ-то говорить о необычайно-глубокомъ и трогательномъ значеніи, какое русскій народъ на своемъ чудномъ языкѣ придаетъ самому, повидимому, обыденному выраженію: «милый человѣкъ». Это выраженіе, съ особеннымъ народнымъ оттѣнкомъ, какъ нельзя болѣе подходитъ къ А. Н. Плещееву. О, какой это былъ милый, и простой и добрый человѣкъ! Не думайте, что этимъ я умаляю его значеніе, какъ поэта! Нѣтъ! Но человѣкъ и поэтъ связаны въ немъ такъ неразрывно, такъ нераздѣлимо, что, право, кажется иногда, что жизнь Плещеева — одна изъ его лучшихъ, самыхъ высокихъ поэмъ. Да, такъ должны жить люди, безгранично полюбившіе поэзію...

Правда, это невеселая жизнь, но что же дѣлать? У грустнаго вѣка должны быть грустные пѣвцы.

Я познакомился съ нимъ лѣтъ двѣнадцать тому назадъ. Помню, я заходилъ тогда къ нему на бѣдную и тѣсную квартиру, въ Троицкомъ переулкѣ, потомъ на Спасскую. Такимъ я и буду помнить его всегда, въ скромной литературной кельѣ — это милое, задумчивое лицо, за рабочей лампой, надъ столомъ, покрытымъ книгами и бумагами, съ пакетами рукописей, присланными провинціальными начинающими поэтами на просмотръ, съ маленькимъ стекляннымъ шкапомъ, въ которомъ хранились книги съ автографами сороковыхъ годовъ. Вся эта обстановка дышала гостепримной простотой именно лучшихъ временъ. Каждому становилось здѣсь теплѣе. Слово приходило не къ чужому, а къ почитаемому и родному другу. Я никогда не забуду его безсознательной, невольной и тонкой внимательности, его доброты съ молодыми писателями. Я никогда не забуду этого мягкаго голоса, этихъ печальныхъ и добрыхъ глазъ! Я ничего не знаю прелестнѣе и благороднѣе этой дѣтской въ самомъ высокомъ смыслѣ слова, очаровательной истинно-русской простоты въ обращеніи равно со всѣми людьми. Въ немъ не было и слѣда литературнаго тщеславія, соперничества — нашихъ обычныхъ пороковъ.

Такимъ онъ былъ до конца дней своихъ: онъ былъ «чистый сердцемъ» этотъ кроткій и печальный поэтъ. Онъ былъ похожъ на свою родину:

Не пойметъ и не замѣтитъ
Чуждый взоръ иноплемennyй,
Что сквозить и тайно свѣтитъ
Въ красотѣ твоей смиренной!

Онъ позналъ всю тяжесть, все безконечное утомленіе нашей современной жизни. Суровая русская дѣйствительность мститъ неутомимо тѣмъ, кто слишкомъ страстно любитъ русскую поэзію. Горе неумѣющимъ любить ее практически, умѣренной и раздѣленной любовью, такъ, чтобы, отдавая свои досуги музамъ, устраивать, помимо нихъ, болѣе или менѣе выгодно, свои житейскія дѣла! Горе тѣмъ, кого случай не спасаетъ отъ самаго прозаическаго и уродливаго изъ несчастій, — отъ вѣчной литературной бѣдности! Данте говорить, что «горекъ хлѣбъ чужихъ людей». За три, за четыре года до смерти, Плещеевъ могъ сказать по опыту, что въ мірѣ нѣтъ горше русскаго литературнаго хлѣба.

Я помню, какъ иногда, въ его безнадежно устремленныхъ въ сумрачную даль, потупившихся глазахъ, въ его добрыхъ и мягкихъ морщинахъ выступало унылое выраженіе безконечной усталости. Но была усталость сорокалѣтней работы, безкорыстной и безплодной, которая слишкомъ часто приводитъ русскаго писателя къ тому, что на краю могилы онъ не знаетъ, куда преклонить свою бездомную голову.

Въ эти минуты усталости, граничившей съ отчаяніемъ, поэтъ говорилъ иногда со вздохомъ: «Только бы мнѣ передъ смертью уѣхать за границу, увидѣть солнце и море, подышать вольнымъ воздухомъ!»

Но онъ уже не смѣлъ надѣяться... Судьба бываетъ прихотливой. Надежда исполнилась: онъ увидѣлъ солнце и море. Я помню эту старую русскую, прекрасную голову въ серебристыхъ сѣдинахъ — подъ блескомъ южнаго солнца, на фонѣ теплаго голубого моря. Но, должно быть, было поздно. Ни солнце ни море не могли его утѣшить. Жизнь не могла дать отдохновенія этому сердцу отъ своей страшной усталости. Тамъ, въ далекой землѣ, смотря на тихое и глубокое уныніе въ лицѣ поэта, я невольно вспоминалъ слова друга Плещеева, Некрасова:

Какъ ни тепло чужое море,
Какъ ни красна чужая даль,
Не ей понравится гаше горе,
Размыкать русскую печаль!

Онъ умеръ, какъ жилъ, печальнымъ и кроткимъ, и до конца сохранилъ милую чистоту и невинность сердца, которыя такъ очаровательны въ старыхъ людяхъ. Онъ былъ поэтъ, это значить, что онъ не былъ счастливъ на землѣ. Горькая жизнь! Горькая и благо-

родная жизнь! Такой жизни можно позавидовать больше, чѣмъ самому полному счастью.

Онъ умеръ на чужбинѣ, но завѣщалъ похоронить себя въ родной землѣ. Да, онъ принадлежитъ ей.

Здѣсь, надъ открытой могилой, не время и не мѣсто говорить о его литературномъ значеніи. Но тѣ, которые скорбятъ о паденіи и порчѣ нашего современнаго языка, сразу поймутъ, на что я намекаю, когда скажу, что нельзя достаточно оцѣнить безукоризненную чистоту истинно-русскаго языка въ произведеніяхъ Плещеева. Онъ безсознательно и непогрѣшимо хранилъ святыню народной рѣчи. Мы, люди иныхъ поколѣній, все больше утрачивая ее, все меньше ее цѣнимъ. Отъ народнаго склада плещеевскаго стиха такъ и вѣетъ иногда хорошей благородной стариной. Негромкая и унылая пѣснь его исходитъ изъ той же родной глубины, изъ которой изливаются и пѣсни его старшихъ, болѣе могущественныхъ братьевъ. Я, можетъ-быть, предпочту каплю этой родниковой воды, «чистой, какъ слеза», цѣлымъ бурнымъ и мутнымъ потокамъ.

Намъ, молодымъ писателямъ болѣе сложнаго и страстнаго вѣка, можно поучиться у Плещеева этой благородной простотѣ языка.

Такъ я думалъ, прислушиваясь къ великимъ словамъ панихиды. Теперь свѣчи были потушены, и унылый свѣтъ петербургскаго дня, съ его мертвою свинцовою тяжестью, казался еще болѣе зловѣщимъ.

Я повторялъ слова молитвъ объ усопшихъ. Да, этотъ усталый и, наконецъ, успокоившійся братъ достоинъ великаго покоя смерти, послѣдняго отдохновенія. Не надо суетныхъ жалобъ! Повторимъ вмѣстѣ съ народомъ вѣчныя и мудрыя слова: «Царство ему небесное!»

Я вспомнилъ еще разъ глубокую невинность этого сердца, предавагося поэзи съ такой беспредѣльной любовью, вспомнилъ это лицо простого, добраго и милаго русскаго человѣка, и съ почти радостной улыбкой прошепталъ слова Спасителя: «Блаженны чистые сердцемъ, ибо они Бога увидятъ».

Д. Мережковский.

Настроенія поэта въ первые годы творчества.

Всемнадцатилѣтнимъ юношей выступилъ Плещеевъ на литературное поприще. Это былъ еще неопытный, незнакомый съ жизнью пѣвецъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ его стихотвореніяхъ чувствовалось страстное чувство молодого бойца, и было ясно выражено благородное направленіе поэта. Было видно, что добро отъ зла поэтъ отличаетъ вполне точно и со свойственнымъ молодости жаромъ зоветъ общество и стремится самъ на битву со зломъ. Поэтъ видѣлъ зло, господствующее въ обществѣ, и всѣ другія явленія для него отступали на второй планъ. Искусство онъ затрогиваетъ только чуть-чуть, любви, которая обыкновенно играетъ такую важную роль въ творе-

няхъ молодыхъ поэтовъ, онъ отводитъ не многимъ болѣе мѣста. Но, воспѣвая любовь, онъ часто напоминаетъ, что есть нѣчто высшее, чему должно уступать личное чувство; онъ часто говоритъ о разлукѣ, какъ о необходимости, а иногда совершенно отталкиваетъ любовь во имя высшаго начала:

Не въ силахъ я лгать предъ тобою, Въ кумирахъ мнѣ Бога не видѣть;
А правда страшна для тебя... Предъ ними чела не склонить!
Къ чему же бесплодной борьбою Мнѣ все суждено ненавидѣть,
Всечасно терзать намъ себя? Что рабаки привыкла ты чтить!

Такимъ образомъ, въ первые годы своей дѣятельности молодой поэтъ является передъ нами выразителемъ только двухъ настроеній: призыва и разочарованія. Эти два настроенія и должны главенствовать надъ всеми другими, потому что въ нихъ выражаются главнѣйшія стороны душевной работы каждаго мыслящаго человѣка: — недовольство настоящимъ и стремленіе къ лучшему будущему, изслѣдованіе и выводъ, анализъ и синтезъ. Юность Плещеева какъ разъ совпала съ эпохой сороковыхъ годовъ, съ эпохой пробужденія въ русскомъ обществѣ умственныхъ интересовъ. Это было время ученья, и лучшіе представители общества принялись съ жаромъ новичковъ знакомиться съ результатами, съ плодами, которые давала имъ Западная Европа. Рѣдкая дисгармонія, происходившая отъ столкновенія европейской науки и нашей доморощенной некультурности, въ ту отдаленную эпоху не могла остаться незамѣченной и не могла не вызвать отклика со стороны чуткой и отзывчивой души поэта. Такъ птица, посаженная въ клѣтку, не хочетъ мириться съ неволей, въ отчаяннѣ бьется о крѣпкіе прутья, видя вдали просторъ полей и лѣсовъ, которыхъ она лишена, изливаетъ въ звонкихъ пѣсняхъ муки своего маленькаго сердца: такъ и поэтъ, видя, какъ несоответствуетъ его дѣйствительность тѣмъ идеаламъ, которые онъ выработалъ или воспринялъ, выражаетъ въ звукахъ и недовольство и отчаяннѣ, и гнѣвъ, и надежду. А такъ какъ «святое недовольство» настоящимъ и стремленіе къ лучшему будущему принадлежать къ такимъ чувствамъ, которыя будутъ постоянно волновать человѣческія сердца, то и поэзія порыва и скорби настолько безсмертна, насколько можетъ что-либо избѣжать смерти въ этомъ мірѣ. А потому и лирическія стихотворенія Плещеева родственно-близки каждой живой душѣ и стяжали усоншему поэту вѣчную память, если только можетъ быть что-нибудь вѣчное въ этомъ мірѣ.

Таковъ былъ главнѣйшій мотивъ поэзіи Плещеева «въ тѣ дни, когда такъ были новы все впечатлѣнныя бытія»... Природа мало интересовала поэта, такъ какъ онъ самъ еще былъ близокъ къ природѣ. Онъ не обращалъ вниманія на дѣтей, потому что самъ онъ еще дитя. Въ его стихахъ, какъ и въ сердцахъ, еще не было мѣста сатирѣ и даже, обѣщая карать глаголомъ истины жрецовъ грѣха и лжи, врядъ ли онъ достаточно ясно представлялъ себѣ, что за господа эти жрецы.

Жизнь современнаго поэту общества такъ же не рисуется намъ въ его первыхъ стихотвореніяхъ, потому что онъ еще не зналъ жизни. И пѣсня порыва и скорби являлись результатами ясновидѣнія чуткаго сердца, или внушались вдохновенными голосами западныхъ борцовъ любви и разума. А эти голоса внушали:

Сильнѣе стучи и тревогой
Ты спящихъ отъ сна пробуди!
Вотъ смыслъ глубочайшій искусства,
А самъ маршируй впереди!

Но скоро поэтъ узналъ, что спящихъ можно будить только тогда, когда въ нихъ назрѣла потребность проснуться. Это знаніе досталось поэту нелегко, — онъ долженъ былъ на нѣсколько лѣтъ прервать свою поэтическую дѣятельность. *Хирьяковъ.*

Поэзія Плещеева, какъ возбудительница благороднѣйшихъ свойствъ человѣческой души.

Алексеѣй Николаевичъ Плещеевъ не обладалъ крупнымъ поэтическимъ талантомъ, однако его поэзія займетъ видное мѣсто среди произведеній нашихъ *poetae minores*. Если стихотворенія Плещеева не блещутъ искусствомъ отдѣлки, зато матеріалъ ихъ — чистѣйшее поэтическое золото, и недостатки ихъ формы вполнѣ искупаются благородствомъ содержанія. Въ самомъ дѣлѣ, въ то время какъ большинство нашихъ второстепенныхъ поэтовъ изображаютъ въ своихъ произведеніяхъ настроенія личной, частной жизни, иногда даже настроенія не особенно возвышеннаго свойства, — Плещеевъ избралъ своей спеціальностью изображеніе настроеній соціальнаго характера, возникающихъ подъ вліяніемъ любви къ ближнему и увлеченія общественными идеалами.

Ближе всѣхъ по характеру и по роду своей поэтической дѣятельности подходитъ къ Плещееву Огаревъ. Нѣкоторыя изъ стихотвореній перваго кажутся порою подражаніемъ Огареву. Какъ напоминаетъ, напримѣръ, стихотвореніе Плещеева «Раздумье» («Дни скорби и тревогъ, дни горькаго сомнѣнья») огаревское — «Мы въ жизнь вошли съ прекраснымъ упованьемъ». Самая судьба обоихъ поэтовъ имѣетъ много общаго: оба подвергались политическимъ невзгодамъ; одинъ былъ несчастливъ въ семейной жизни, на другого сильно подѣйствовала утрата любимой жены. Но есть и существенное различіе въ условіяхъ развитія поэтическихъ талантовъ обоихъ. Огаревъ жилъ подъ гнетомъ общественныхъ условій своей эпохи. Его пѣсня была подавлена окружающимъ мракомъ, въ которомъ не предвидѣлось никакого просвѣта. За то Огаревъ былъ сильная личность, смѣло ратовавшая противъ современныхъ ему общественныхъ условій. Напротивъ, Плещеевъ началъ свою поэтическую дѣятельность, когда заря осво-

божденія уже занималась; онъ видѣлъ и воспѣлъ восходъ солнца свободы, разгонявшій мракъ до-реформенной эпохи. Но какъ личность, Плещеевъ былъ слабѣе Огарева. Оттого въ уныломъ тонѣ поэзіи Огарева слышатся болѣе мрачныя ноты: это стоны души, задыхающей въ атмосферѣ окружающей ее жизни, и если въ стихахъ Огарева мелькаютъ порой ноты добрыя, онѣ свидѣлствуютъ лишь о стойкости и живучести его натуры. Напротивъ, поэзія Плещеева жизне-радостнѣе, бодрѣе: это скорѣе поэзія праздничная, торжествующая, чѣмъ унылая, и если въ ней есть грустные элементы, то источникъ ихъ заключается въ самой личности поэта, не вынесшей тяжкихъ испытаній и неравныхъ битвъ. Хотя поэтъ и увидѣлъ побѣду, но онъ слишкомъ усталъ отъ трудности ея достиженія, чтобы воспѣть ее полнымъ голосомъ. Эта усталость, надорванность, звучащая въ плещеевской поэзіи иногда посреди самыхъ торжественныхъ гимновъ, подала извѣстной части критиковъ поводъ даже къ обзыванію всей поэзіи Плещеева «либеральнымъ нытьемъ», кличкой, столь не подходящей къ бодрымъ стихамъ Алексѣя Николаевича.

Лучшими стихотвореніями Плещеева слѣдуетъ признать тѣ, въ которыхъ отразилось его общественное настроеніе. Плещеева нельзя считать политическимъ поэтомъ въ общепринятомъ смыслѣ этого слова, какими были, напримѣръ, Дантъ, Гюго, Барбье... Въ стихахъ Плещеева нельзя найти его политическихъ идеаловъ; изъ нихъ не видно, съ чѣмъ бороться онъ приглашаетъ, какой строй кажется ему наиболѣе справедливымъ, кто его друзья, кто враги. Въ лучшемъ своемъ политическомъ гимнѣ: «Впередъ! безъ страха и сомнѣнья» Плещеевъ такъ рисуетъ будущую программу своей дѣятельности:

Жрецовъ грѣха и лжи мы будемъ
Глаголомъ истины карать,
И спящихъ мы отъ сна разбудимъ
И поведемъ на битву рать!
Не сотворимъ себѣ кумира
Ни на землѣ ни въ небесахъ;
За всѣ дары и блага міра
Мы не падемъ предъ нимъ во прахъ!...
Провозглашать любви ученье
Мы будемъ нищимъ, богачамъ,
И за него снесемъ гоненье,

Простивъ озлобленнымъ врагамъ.

Пусть намъ звѣздою путеводной
Святая истина горитъ;
И вѣрьте, голосъ благородный
Не даромъ въ мірѣ прозвучитъ!
Внемлите жъ, братья, слову брата,
Пока вы полны юныхъ силъ:
Впередъ, впередъ и безъ возврата,
Что бъ рокъ вдали намъ ни сулилъ!

Подъ такой программой, не задумываясь, можетъ подписаться всякій искренній общественный дѣятель, безъ различія направленій и взглядовъ. Но если общественнымъ гимнамъ Плещеева недостаетъ опредѣленности политическихъ симпатій, зато они отличаются необыкновенной цѣльностью и вѣрностью настроенія. При чтеніи такихъ стиховъ, какъ только что приведенный гимнъ, «Сонъ», «Поэту» («Кто не страдалъ святымъ страданьемъ»), «Страдалъ онъ въ жизни много, много», и другихъ, въ душѣ звучатъ лучшія ея струны — безкорыстная любовь къ ближнему, самоотверженная готовность бороться во имя лучшихъ идеаловъ, стремленіе къ правдѣ и справедливости,

бодрое ожиданіе предстоящихъ трудовъ, — словомъ, все, за что мы любимъ молодость, во имя чего мы такъ охотно прощаемъ ей ошибки и заблужденія. При чтеніи такихъ стиховъ Плещеева загорается сердце, и мысль переносится въ прежнее молодое время, всегда кажущееся лучшимъ оттого, что его уже нѣтъ. И въ томъ, что Плещеевъ умѣлъ отразить въ своихъ стихахъ это молодое чувство, умѣлъ задѣть именно эти благородныя свойства человѣческой души, слѣдуетъ видѣть его главнѣйшую поэтическую заслугу.

Въ стихотвореніяхъ позднѣйшаго періода у Плещеева къ бодрому настроенію примѣшивается чувство личной усталости и надорванности. Но даже въ самыя тяжкія минуты скорби онъ не теряетъ надежды на лучшее будущее. Такъ, даже въ тѣ минуты, когда ему казалось, что его «молодыя лѣта исчезли безъ слѣда» и что взамѣнъ нихъ душа обрѣла

лишь жалкое въ себѣ разувѣренье,
Да убѣжденіе въ бесплодности борьбы,
Да мысль, что ни одно правдивое стремленіе
Ждать не должно себѣ пощады отъ судьбы, —

онъ все-таки заключаетъ свою элегію словами:

И хоть не вижу я отраднаго разсвѣта, —
Еще неволью взоръ съ надеждой смотреть вдаль.

Плещеевъ въ такіе «дни скорби и тревогъ» не думалъ объ измѣнѣ своему знамени, не находилъ, что «убѣжденіе въ бесплодности борьбы» даетъ ему самому право все бросить и зарыть талантъ «какъ рабъ лѣнивый и лукавый», но горячо молился:

О Боже мой, возстанови
Мой падшій духъ, мой духъ унылый!
И жажду вѣры и любви,
Для новыхъ битвъ я жажду силы...

И то впадая въ уныніе, то снова воскресая духомъ, Плещеевъ, какъ жаворонокъ, воспѣвшій зарю освободительной эпохи, увидѣлъ и восходъ солнца и слилъ свой голосъ съ «всемирнымъ благовѣстомъ побѣдныхъ солнечныхъ лучей». Эти побѣдные гимны Плещеева: «Трудились, бѣдные, вы, отдыха не зная», «Была пора: своихъ сыновъ» и «Передъ ветхою избенкой», несмотря на свою торжественность, несмотря на увѣренность, что

Не страшень намъ и новый врагъ, И съ нимъ отчизна совладеетъ... Смотри — ужъ рѣдѣетъ мракъ,	Ужъ свѣтъ повсюду проникаетъ, И содрогаясь, чуеъ зло, Что торжество его прошло, —
---	---

дышать какой-то усталостью. Такъ, впрочемъ, всегда бываетъ съ нервными людьми, когда, послѣ долгаго ожиданія и долгой борьбы, они, наконецъ, получаютъ желаемое. Не столько чувствуется радость, сколько усталость отъ вынесенныхъ трудовъ и испытаній, прежде не замѣчавшаяся вслѣдствіе подъема нервовъ.

Въ первые годы освободительной эпохи Плещеевъ принялъ живое участіе въ обличительной дѣятельности тогдашней литературы. Этой дѣятельности посвящены его прозаическія произведенія, выходившія въ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ, и нѣкоторыя изъ стихотвореній. Впрочемъ, въ этихъ своихъ произведеніяхъ Плещеевъ не выказалъ достаточнаго таланта. Къ нему самому можно было примѣнить его стихи, что «не всякому дано святое право обличенья». Добролюбовъ въ одной изъ своихъ критическихъ статей вполне справедливо осмѣялъ плещеевскихъ героевъ, заѣданныхъ средой: какіе же они герои, если ихъ могла заѣсть среда? Сверхъ того, обличенія Плещеева были направлены противъ такихъ почти стихійныхъ условій общественной жизни, что самое орудіе обличенія — небольшая повѣсть или хорошенькое стихотвореніе — не въ силахъ будучи пошатнуть общественной несправедливости, производило впечатлѣніе ничтожнаго и смѣшного. Примѣромъ можетъ служить небольшое стихотвореніе (на него впослѣдствіи Добролюбовъ написалъ въ «Свисткѣ» остроумную пародію), въ которомъ описывается покинутый владѣльцемъ дворецъ. Стихотвореніе это кончается такой строфой:

Стоить уныло домъ; а на крылечныхъ плитахъ,
Подъ рубищемъ дрожа, бѣднякъ заснуть прилежъ
И думаетъ: «Когда бъ въ палатахъ позабытыхъ
Отъ стужи дали мнѣ хоть тѣсный уголокъ!»

Впрочемъ, всѣ эти обличенія, кажушіяся намъ бесплодными и скучными, въ свое время нравились и имѣли успѣхъ: каждая эпоха имѣетъ свои странности, и хотя теперь, конечно, никто не вспоминаетъ прозаическихъ разсказовъ Плещеева и не читаетъ его обличительныхъ стиховъ, перепечатанныхъ въ «Собраніи стихотвореній», однако въ исторіи поэтической дѣятельности Плещеева необходимо упомянуть и о нихъ.

Общественное настроеніе поэзіи Плещеева особенно украсило его стихи, посвященные описаніямъ любви и природы. Мы такъ избалованы роскошными описаніями женской красоты у Майкова и Полонскаго, картинъ природы у Тютчева и Фета и, наконецъ, самыхъ возвышенныхъ настроеній любви у Фета, что, конечно, не стали бы читать всего этого въ стихахъ Плещеева, у котораго нѣтъ ни удачныхъ эпитетовъ ни музыкальныхъ размѣровъ и рѣзмы, если бы любовь и природа не являлись въ стихахъ Плещеева въ совершенно особомъ, благородномъ освѣщеніи. Въ самомъ дѣлѣ, какъ ни возвышенна, какъ ни отвлеченна и безкорыстна порою любовь въ стихотвореніяхъ Фета, все же у него женщина всегда разсматривается какъ возможный источникъ наслажденій, хотя бы исключительно эстетическаго и нравственнаго свойства. Быть можетъ, Плещееву были бы недоступны такія чувствованія Фета, но зато онъ смотрѣлъ на женщину преимущественно какъ на друга, на жену, какъ на вѣрную спутницу трудовой жизни, которая поможетъ, ободритъ поэта, пой-

детъ съ нимъ рука объ руку въ теченіе всей жизни, а не ограничится только тѣмъ, что будетъ украшать его поэтической досугъ. Въ стихотвореніи: «Ты помнишь поникшія ивы», любимая женщина такъ рассказываетъ исторію своей любви поэту:

...Мы много любили съ тобой,
Но свѣтлыхъ часовъ было мало
Дано намъ суровой судьбой.

Узнали мы иго неволи,
Всю тяжесть житейскихъ цѣпей,
Изныло въ насъ сердце отъ боли—

Но скрыли мы боль отъ людей.
Въ святилище нашихъ страданій
Не дали вломиться толпѣ,
И, молча, безъ слезъ и рыданій,
Мы шли по тернистой тропѣ.

Вполнѣ естественно, что если отъ любимой женщины ждешь такихъ жертвъ, считаешь ее способною на такую жизнь, то жаждаешь и самъ стать лучше и чище. Потому, когда у Плещеева «духа дремлющая сила на зовъ откликнулась любви», онъ заботился прежде всего,

Чтобы душа моя была
Твоей души достойна ясной,
Чтобъ сердца преданности страстной
Ты постыдиться не могла!

Не слѣдуетъ, впрочемъ, думать, чтобы преобладаніе отвлеченныхъ интересовъ въ любви Плещеева сдѣлало его неспособнымъ понимать грацію женственности и ту шутиливую ласковость, которая всего лучше скрашиваетъ будничную жизнь. Его стихотворенія: «Доброй ночи! — ты сказала», «Да, я люблю тебя, прелестное созданье» и «Зимнее катанье» доказываютъ весьма нагляднымъ образомъ, какъ поэтъ умѣлъ понимать и цѣнить женскую ласку.

Какъ въ любви Плещеевъ привилъ къ женщинѣ общественный элементъ и сдѣлалъ подругу своей жизни участницею своихъ политическихъ стремленій, такъ и въ природѣ поэтъ находилъ только истолкованіе и отраженіе тѣхъ же общественныхъ стремленій. Солнце, пробившееся чрезъ непорочныя облака, чтобы ласкать «грѣшную землю», является у поэта символомъ любви и всепрощенія; птичка прилетаетъ изъ чужихъ краевъ, чтобы своей пѣсней утѣшить горемыку-бѣдняка; ночь въ темно-лазоревои ризѣ пролетаетъ надъ міромъ, кротко улыбаясь и навѣвая усталымъ людямъ сны; сосновый лѣсъ, кивая, простираетъ вѣтви, какъ бы благословляя на трудъ суровый, на путь святой молодого борца за правду; наконецъ самъ поэтъ приходилъ къ природѣ затѣмъ, чтобы, какъ сказочный Микула Селяниновичъ или греческій Антей, набраться новыхъ силъ,

...чтобы съ себя страхнуть
И лжи и лѣности оковы,
И съ сердцемъ чистымъ, съ силой новой
Опять пуститься бодро въ путь...

Уже изъ предыдущаго обзора поэтической дѣятельности Плещеева можно было убѣдиться, что, несмотря на свою постоянную готовность итти на бой съ неправдой, поэтъ отнюдь не похожъ на

суроваго воина въ косматомъ шлемѣ: онъ появляется сначала восторженнымъ, мечтательнымъ юношей, затѣмъ усталымъ, кроткимъ мужемъ и, наконецъ, добродушнымъ, незловивымъ дѣдушкой. Особенно ясно сказалась эта мягкость характера Плещеева въ его стихотвореніяхъ для дѣтскаго возраста. Очень немногіе поэты умѣютъ писать для дѣтей, и къ этимъ немногимъ слѣдуетъ причислить Плещеева. Стихотворенія его для дѣтей не только занимательны, просты, проникнуты самыми гуманными чувствами и притомъ чужды всякаго нравоученія, что особенно важно для дѣтей, но сверхъ всего этого дѣйствительно поэтичны и трогательны. Какъ граціозно, на примѣръ, его стихотвореніе «Завтра», въ которомъ рассказывается исторія шалуна, отложившаго уроки назавтра, чтобы набѣгаться въ саду среди природы. Когда онъ, наконецъ, вернулся къ матери,

Замеръ выговоръ невольно
На устахъ ея. Она
Говорить себѣ: «Ужъ завтра
Распеку я шалуна!

А сегодня распѣлю...»
И цѣлуетъ безъ конца
И свести не можетъ взора
Съ загорѣлаго лица...

Изъ лирическихъ дѣтскихъ стихотвореній Плещеева отмѣтимъ какъ болѣе удачныя: «Какъ мой садикъ свѣжъ и зеленъ» и «Огни погасли въ домѣ». Нѣсколько портитъ стихотворенія Плещеева для дѣтскаго возраста небрежность стиха и, главное, бѣдность рифмы: очень часто въ этихъ стихахъ даже четырехстопный ямб рифмуется только чрезъ строчку. Плохо соблюдается и цезура; порой предложеніе не заканчивается въ одной строфѣ, но переходитъ въ первыя строки слѣдующей. Это дѣлаетъ стихъ Плещеева тяжелымъ, что особенно слѣдуетъ избѣгать въ стихотвореніяхъ для дѣтей. Тѣмъ не менѣе дѣтскія стихотворенія Плещеева охотно читаются, преимущественно, дѣвочками.

Въ заключеніе необходимо сказать нѣсколько словъ о переводныхъ стихотвореніяхъ Плещеева. Плещеевъ много черпалъ изъ иностранныхъ литературъ. Его обличительные стихи въ значительной степени заимствованы у современныхъ нѣмецкихъ поэтовъ, которые почти одновременно съ русскими переживали вліяніе реакціи. Въ нѣкоторыхъ оригинальныхъ стихотвореніяхъ Плещеева можно прослѣдить вліяніе Гервега, Липса, Прутца, Шульца. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что Плещеевъ также весьма охотно переводилъ стихотворенія названныхъ поэтовъ. При этомъ нужно сказать, что онъ обладалъ необыкновеннымъ талантомъ выбирать для своихъ переводовъ все лучшее и наиболѣе цѣнное, и переводы Плещеева изъ иностранныхъ поэтовъ представляютъ собою прекрасную хрестоматію нѣмецкой и англійской поэзіи нынѣшняго вѣка. Изъ болѣе крупныхъ переводовъ Плещеева отмѣтимъ какъ особенно удачныя — переводы «Ратклифа» Гейне (переводъ сдѣланъ такими мелодичными стихами, что Кюи на его текстъ написалъ свою оперу) и «Струэнзе» Бэра.

Красновъ.

Поэзія Плещеева — поэзія мира, любви и братства.

Книга эта¹⁾ составляет очень дорогой подарокъ для русской публики, и лучше этого новый 1887 годъ не могъ и начать по части изданія новыхъ книгъ. Теперь мы имѣемъ полное собраніе всѣхъ стихотвореній А. Н. Плещеева, которыя до настоящей минуты были разбросаны въ различныхъ сборникахъ, выходившихъ въ разное время и давно распроданныхъ и по безчисленнымъ періодическимъ изданіямъ на разстояніи сорока лѣтъ литературной дѣятельности А. Н. Плещеева.

Теперь передъ нами развертывается полная картина этой сорокалѣтней дѣятельности, и, не говоря уже о томъ эстетическомъ наслажденіи, которое вы можете вынести, читая эту книгу, въ ней найдется для насъ не мало весьма поучительнаго и для грядущихъ поколѣній очень цѣннаго въ смыслѣ раскрытія передъ ними, какъ на ладони, души современнаго интеллигентнаго человѣка, со всѣми ея внутренними, интимными волненіями, движеніями, радостями и печалями.

Поэзія А. Н. Плещеева не отличается какими-либо особенно яркими и блестящими образами, чарующими васъ, хотя бы, напримѣръ, въ произведеніяхъ Пушкина и Лермонтова, ни глубиною философскихъ думъ и рефлексій нѣмецкихъ поэтовъ, ни саркастическою ироніею Гейне, ни хватающими васъ за сердце рыданіями Некрасова. Но взамѣнъ всего этого у А. Н. Плещеева есть своя неотъемлемая особенность: онъ болѣе, чѣмъ кто-либо изъ русскихъ поэтовъ представляется намъ въ своихъ стихотвореніяхъ типическимъ выразителемъ, еще разъ повторяемъ, думъ и чувствъ и вмѣстѣ съ тѣмъ основныхъ чертъ характера современнаго интеллигентнаго русскаго человѣка.

Современный интеллигентный русскій человѣкъ не отличается, какъ извѣстно, никакими рѣзкими, суровыми, мужественными чертами въ своемъ характерѣ, ни британскою гордостью и упрямствомъ, ни кельтическою страстностью, ни германскою черствостью: онъ нерѣшителенъ въ своихъ поступкахъ, голубино кротокъ и нѣженъ, болѣе способенъ къ пассивной созерцательности и грустному раздумью, чѣмъ къ кипучей дѣятельности и энергическому сопротивленію. Не даромъ проповѣдь гр. Л. Толстого съ его теоріей незлобія и всепрощенія имѣетъ среди нашей интеллигенціи много сторонниковъ: снисходить, прощать и пассивно уклоняться — лежитъ въ крови современнаго интеллигентнаго русскаго человѣка, и поэзія А. Плещеева какъ нельзя болѣе осуществляетъ собою всѣ эти качества современной интеллигенціи.

Это — поэзія исключительно гуманно кроткихъ, женственныхъ чувствъ, поэзія мира, любви, братства. Вы не найдете въ ней и тѣни

¹⁾ По поводу изданія стихотвореній 1887 года.

какихъ-нибудь гордыхъ думъ и проклятій, сатирическихъ бичей, воинственныхъ кличей и т. п. Вся она преисполнена скорбнаго, но тихаго раздумья. На первый взглядъ могутъ показаться исключеніями два-три стихотворенія, относящіяся къ 1846 году, хотя и въ нихъ поэтъ призываетъ своихъ друзей, прежде всего, подъ знаменемъ науки «провозглашать любви ученье».

Но и эти стихотворенія 1846 года, въ которыхъ преобладаетъ бравурный и воинственный тонъ, въ сущности вовсе не составляютъ исключеній и въ свою очередь характеризуютъ современнаго русскаго интеллигентнаго человѣка какъ нельзя болѣе. Всѣмъ отлично извѣстно, что въ жизни каждаго интеллигентнаго человѣка непремѣнно бываютъ два періода: весьма короткій періодъ бравурно-патетическаго настроенія, обыкновенно въ годы самой зеленой юности, и затѣмъ интеллигентный человѣкъ быстро входитъ въ свои принципы и размышляетъ, вздыхая о своемъ прошломъ:

Разстался я съ обманчивыми снами
Моей давно исчезнувшей весны;
Казалось, жизни мутными волнами
Уже навѣкъ они унесены.
Казалось мнѣ, что нѣтъ ужъ къ нимъ возврата,
Смирился я предъ силой роковой;
За что страдалъ, боролся я когда-то —
Все я призналъ несбыточной мечтой.

Да не подумаетъ читатель, чтобы во всѣхъ этихъ моихъ словахъ скрывалась хотя бы тѣнь какой-либо ироніи. Напротивъ того, еще разъ повторяю, А. Н. Плещеевъ тѣмъ именно особенно дорогъ намъ, что въ каждомъ стихѣ его мы непремѣнно найдемъ что-либо такое, что сами мы переживали, чѣмъ мы болѣли, печалились, радовались. Это поэтъ собирательный, живое эхо всѣхъ тѣхъ тысячъ вздоховъ и стоновъ, которые раздаются въ средѣ интеллигентнаго русскаго общества. Онъ воплощаетъ въ себѣ всѣхъ насъ вмѣстѣ, и какъ достоинства его, такъ и недостатки суть наши общіе достоинства и недостатки, — и поэтъ во всемъ этомъ нисколько не виноватъ.

Второе качество современнаго интеллигентнаго русскаго человѣка, наклонность къ пассивной созерцательности, выражается А. Н. Плещеева въ обиліи стихотвореній описательнаго характера, исполненныхъ тихаго раздумья передъ различными картинами природы, или при воспоминаніяхъ изъ отдаленнаго прошлаго своей юности и золотого дѣтства. Всѣ подобныя стихотворенія отличаются особенною прелестью. Подобно всѣмъ поэтамъ и беллетристамъ 40-хъ годовъ, А. Н. Плещеевъ — большой мастеръ въ ландшафтной поэзій, но это мастерство не есть одно только праздное филистерство, рисованіе картинокъ ради самоуслажденія ихъ красотою. Въ природѣ, подобно всѣмъ намъ, поэтъ ищетъ успокоенія отъ своихъ тревогъ, сомнѣній, тяжкихъ душевныхъ мукъ, унынія и отчаянія, разрѣшенія томитель-

ной загадки жизни и примиренія, какъ это видно, напримѣръ, хотя бы изъ слѣдующаго стихотворенія, относящагося къ 60-мъ годамъ:

Природа мать! къ тебѣ иду
Съ своей глубокою тоскою,
Къ тебѣ усталой головою
На лоно съ плачемъ припаду.
Твоихъ лѣсовъ немолчный шумъ
И нивъ златистыхъ колыханье,
Лазурь небесъ и водъ журчанье
Разгоняютъ мракъ гнетущихъ думъ.
Пусть говорятъ, что ты къ людекой
Тоскѣ и скорби безучастна,
Что исцѣленія напрасно
Ждать отъ тебя душѣ больной.
Нѣтъ, я не вѣрю! Съ нами ты
Живешь одною жизнью полной;
Или зачѣмъ же ропщутъ волны,
И грустно шепчутся листья?
Зачѣмъ же съ неба хоръ свѣтилъ
Землѣ такъ радостно сияеть,

И слезы чистыя роняетъ
Роса на свѣжій дернъ могиль?
На все отвѣтъ въ тебѣ найдеть
Тотъ, кто съ любовью безконечной
Къ тебѣ и гнетъ тоски сердечной
И радость свѣтлую несетъ.
О, не отринь, природа-мать,
Борьбой измученнаго сына,
Чтобы хотя на мигъ единый
Сошла мнѣ въ душу благодать!
Чтобы съ себя я могъ стряхнуть
И лжи и лѣности оковы
И съ сердцемъ чистымъ, съ силой новой
Опять пуститься бодро въ путь...
Да окрылитъ духъ надшій мой
Восторгъ могучими крылами!
Да буду мыслью и дѣлами
Я вѣренъ истинѣ одной!

До сихъ поръ мы говорили о содержаніи и духѣ поэзіи А. Н. Плещеева. Что же касается формы ея, достаточно сказать лишь одно: не даромъ молодые поэты смотрятъ на А. Н. Плещеева какъ на своего учителя и учатся у него болѣе всего техникѣ его стиха. Стихъ А. Н. Плещеева отличается не столько силою, звучностью или какою-либо виртуозностью, сколько необыкновенною граціозностью, легкостью и мягкостью: онъ нѣжитъ ваше ухо, и въ то же время вы совсѣмъ его какъ бы не замѣчаете: вамъ кажется, что и прозою поэтъ сказалъ бы то же самое, въ такихъ же выраженіяхъ и въ такомъ же порядкѣ словорасположенія. Вмѣстѣ съ этимъ и въ постройкѣ стихотвореній, въ ихъ ансамблѣ, поражаетъ васъ изящная гармоничность и художественная мѣра, и ни одного стихотворенія не найдете вы, которое показалось бы вамъ растянутымъ, загроможденнымъ излишними метафорами и всякаго рода риторическими украшениями.

Изъ *Свернаго Вѣстника*.

Плещеевъ — поэтъ права и человѣчности вообще.

Нѣтъ ничего легче, какъ быть стихотворцемъ — оттого стихотворцевъ всегда такъ много — и нѣтъ ничего труднѣе, какъ быть поэтомъ — оттого поэтовъ всегда такъ мало. Къ одному изъ юношескихъ стихотвореній Плещеева взяты эпиграфомъ слѣдующія слова Барбье: «Le poète doit être un protestant sublime du droit et de l'humanité» — поэтъ долженъ быть высшимъ глашатаемъ и защитникомъ права и человѣчности. Прекрасная роль, высокое призваніе! Но вотъ въ чемъ бѣда: право и человѣчность, точно такъ же какъ истина, добро, любовь, справедливость, — все это лучезарные идеалы;

къ которымъ челоѡчество стремится тысячами путей и безъ которыхъ не можетъ быть разумной жизни, и въ то же время, какъ понятія и, еще того болѣе, какъ термины — это истрепанныя общія мѣста, которыми успѣшно жонглируютъ теперь даже люди, нисколько не озабоченные судьбами права и челоѡчности. Чѣмъ общѣе и шире идея, тѣмъ труднѣе говорить о ней въ ея отвлеченномъ видѣ, не соотнося ея содержания къ какимъ-нибудь конкретнымъ явленіямъ. Вы хотите защищать право и челоѡчность? Такъ вотъ вамъ программа дѣйствія:

Иди къ униженнымъ,
Иди къ обиженнымъ —
По ихъ стопамъ,

Гдѣ трудно дышится,
Гдѣ горе слышится,
Будь первый тамъ!

Униженныхъ и обиженныхъ въ каждомъ обществѣ и въ каждую эпоху обрѣтается даже слишкомъ достаточно, и характеръ ихъ униженій и обидъ бываетъ очень различенъ — отъ средневѣковыхъ религіозныхъ гоненій до новѣйшаго экономическаго порабощенія — такъ что, разъ рѣшенъ вопросъ, куда итти, на чью сторону встать, содержание вашей пропаганды подскажется самую жизнью. Такой способъ дѣйствія не только проще и удобнѣе, но и несравненно дѣйствительнѣе, нежели гимны истинѣ и справедливости *вообще*, элегическія воздыханія о какихъ-то отвлеченныхъ униженныхъ и обиженныхъ. Вспомнимъ Некрасова: онъ рѣдко (говорю *редко* только на всякій случай, а въ сущности не могу припомнить ни *одного* стихотворенія его, которое бы не имѣло непосредственнаго отношенія къ живой дѣйствительности) говорилъ *вообще*, потому что выбралъ себѣ опредѣленную цѣль, достиженіе которой было въ то же время и служеніемъ общему идеалу:

Я призванъ былъ воспѣть твои страданья,
Терпѣнъ емъ изумляющій народъ!
И бросить хотъ единый лучъ сознанья
На путь, которымъ Богъ тебя ведетъ.

Такъ и надо было. Если бы Некрасовъ, не ставя никакихъ точекъ надъ *и*, оплакивалъ *какихъ-то* обиженныхъ и униженныхъ, его знаменитый «Послѣдышъ», напр., могъ бы счесть его *своимъ* поэтомъ, *своимъ* защитникомъ, потому что преискренно считалъ себя и униженнымъ и обиженнымъ крестьянскою реформою. Вѣдь сколько страшныхъ злодѣяній было совершено *ad majorem Dei gloriam*, т.-е. во имя такого идеала, въ которомъ истина, справедливость, челоѡчность и проч. являются только отдѣльными лучами одного ослѣпительнаго цѣлаго! А развѣ іезуиты были палачи, а не фанатики? Плещеевъ былъ рыцаремъ права и челоѡчности *вообще*... Когда дѣло идетъ о характеристикѣ какого-нибудь поэта, нѣтъ лучшаго средства для этого, какъ ознакомиться со взглядомъ самого поэта на свои челоѡческія и общественныя обязанности. У Плещеева есть стихотвореніе «Поэту», очень для него характерное, кото-

рое мы и выпишемъ цѣликомъ, хотя оно, къ сожалѣнію, довольно длинно:

Кто не страдалъ святымъ страданьемъ,
 Кто горькихъ слезъ не проливалъ,
 Томимый тщетнымъ ожиданьемъ
 Увидѣть вѣчный идеаль;
 Кто на покой и наслажденья
 Души тревоги промѣнялъ;
 Въ пророковъ истины каменья
 Въ угодность черни кто бросалъ;
 Кто равнодушно видѣлъ муки,
 Стонъ слышалъ брата своего,
 И въ комъ цѣпей тяжелыхъ звуки
 Не пробуждали ничего;
 Кто, самъ преданья рабъ послушный,
 Готовъ оковы былъ носить
 И вопли сердца малодушно
 Въ забавахъ свѣта заглушить:
 Тотъ не пойметъ твоихъ созданій,
 Любовью дышавшихъ святой,
 И въ жизнь иную упованій,
 Не раздѣлить ему съ тобой!
 И много ихъ въ толпѣ найдется,
 Злыхъ, фарисеевъ и глупцовъ,
 Живущихъ мыслями отцовъ,

Въ комъ рѣчь твоя не отзовется.
 Но ты иди прямой дорогой
 Привычной, смѣлою стопой!
 Когда въ душѣ сокровищъ много,
 Не расточай ихъ предъ толпой!
 Но будь гонимыхъ утѣшитель,
 Врагамъ озлобленнымъ прости,
 И вѣрь, что встрѣтишь, какъ Спаси-
 тель,

Учениковъ ты на пути.
 Но будетъ время... Пронесутся
 Дни бѣдствій, горя и тревогъ;
 Жрецы Ваала ужаснутся,
 Когда возстанетъ правды Богъ!
 Навѣки въ мірѣ водворится
 Священной истины законъ,
 И гордыхъ власть предъ нимъ сми-
 рится,
 И смолкнетъ ненависть племень.
 Да, вѣрь: любви и примиренья
 Пора желанная придетъ,
 И міръ, прозрѣвъ, твое ученье
 Тогда великимъ назоветъ.

Я не знаю, хорошо ли это стихотвореніе въ эстетическомъ отноше-
 шеніи и можетъ ли оно доставить удовольствіе этого рода, но знаю
 навѣрное, что неудовольствія оно *никому* не принесетъ, никого
 не встревожитъ и не разгнѣваетъ. Ничего безобиднѣе и представить
 себѣ нельзя. Намѣреніе поэта покарать насъ «глаголомъ истины»
 очевидно и всѣ обычные аксессуары («фарисеи», «жрецы Ваала»,
 «священный истины законъ» и проч., и проч.) такихъ іереміадъ налицо,
 а впечатлѣнія никакого. Искренность поэта не подлежитъ на малѣй-
 шему сомнѣнію, но онъ обращается куда-то въ пространство, через
 наши головы, и является, такимъ образомъ, буквально гласомъ,
 въ пустынѣ вошющимъ. Русскій, французъ, англичанинъ, китаецъ —
 всѣ они одинаково могутъ принять или не принять на свой счетъ
 укоризны поэта, равно какъ и его обнадеживанія — до такой степени
 они неопредѣленны и туманны. Этого мало. Вглядываясь ближе
 въ *profession de foi* плещеевскаго поэта, не трудно раскрыть такую
 его тенденцію, которой мудрено симпатизировать. У поэта «въ душѣ
 сокровищъ много», и потому онъ не хочетъ «расточать ихъ передъ
 толпой»: развѣ это не то же самое почти, что и знаменитое: «подите
 прочь! какое дѣло поэту мирному до васъ?» Давно ли поэтъ вос-
 клицалъ: «блаженъ, кто жизнь въ заботахъ тяжкихъ истощилъ,
 талантъ свой въ землю не зарылъ», а теперь мы слышимъ совѣтъ
 «не расточать». Да, конечно, не мечите бисера передъ свиньями,
 въ особенности передъ «торжествующими»; но толпа состоитъ не
 изъ свиней, а изъ тѣхъ людей, которые не вѣдаютъ, что творять,

и которые по тому самому болѣе другихъ нуждаются въ «тяжкихъ заботахъ» объ ихъ просвѣщеніи. А толпа плещеевскаго поэта даже совсѣмъ какая-то особенная толпа: въ ея составъ входятъ, напримѣръ, люди, которые не страдали святымъ страданьемъ и не проливали слезъ въ тщетномъ ожиданіи увидѣть вѣчный идеаль. Въ эту категорию могутъ войти всѣ разсудительные люди, которые, быть можетъ, очень недурны, какъ люди, и очень хороши, какъ терпѣливые и способные работники, но которые не проливаютъ слезъ потому, что у нихъ глаза не на мокромъ мѣстѣ, и еще потому, что, какъ они хорошо понимаютъ, скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается. Исключая даже такихъ людей изъ круга своихъ читателей, поэтъ рискуетъ остаться вовсе безъ читателей или въ небольшой компаніи тѣхъ нервно-разстроенныхъ субъектовъ, которые считаютъ важнымъ дѣломъ плачь на рѣкахъ вавилонскихъ и любятъ въ богато убранной палатѣ поговорить о меньшемъ братѣ, погорячиться о добрѣ.

Amicus Plao, sed magis amica veritas. Мы не хотимъ ни преувеличивать ни умалять значеніе поэзіи Плещеева, и послѣ только что прочтенной читателемъ *нашей* страницы, ему полезно будетъ выслушать замѣчанія о Плещеевѣ другого критика. Чернышевскій, указавши на пренебрежительное отношеніе тогдашней журналистики къ только что появившейся книжкѣ стихотвореній Плещеева, говорилъ: «Неужто благородныя чувства, благородныя мысли, которыми вѣяло отъ каждой страницы небольшой книжки г. Плещеева, были такимъ ежедневнымъ явленіемъ въ тогдашней русской поэзіи, чтобы можно было съ пренебреженіемъ отвернуться отъ нихъ? Да и когда же бываетъ это можно и позволительно? Если у Плещеева не было той поэтической силы, которая невольно покоряетъ себѣ чужую мысль и чувства, то нельзя же было видѣть въ стихахъ его фразы, справедливости которыхъ не вѣрить онъ самъ. Что все въ этихъ стихотвореніяхъ было вполне искренно и сказалось отъ души—едва ли кто-нибудь могъ усомниться въ этомъ и тогда. Или не понравилось юношеское увлеченіе поэта, неопредѣленность его стремленій и надеждъ? Но была ли возможность выражать эти надежды, эти стремленія точнѣе и опредѣленнѣе—объ этомъ никто не хотѣлъ вспомнить. Кажется, особенной точности и ясности въ выраженіи желаній не было въ то время и нигдѣ въ литературѣ. Разумѣется, говорить прямо, высказывать все ясно—не только проще, но и полезнѣе; но дѣйствительно ли всѣ мы такъ высоко и безукоризненно развиты, что намъ не нужно слышать искренняго голоса, заступающагося, хотя бы и въ общихъ чертахъ, за лучшую сторону нашей природы, до сихъ поръ мало торжествовавшую». За исключеніемъ одного пункта, мы подписываемся подъ этой защитой обѣими руками. А спорный, чрезвычайно существенный, пунктъ состоитъ въ объясненіи причинъ неопредѣленности мотивовъ поэзіи Плещеева. Нѣтъ, причины этой неопредѣленности не во внѣшнихъ условіяхъ, а въ самой сущности

таланта Плещеева. Въ 1846 году, къ которому относятся наиболѣе пылкія стихотворенія Плещеева, появились стихотворенія Некрасова: «Въ дорогѣ» («Скучно! скучно! ямщикъ удалой» и пр.) и «Тройка» («Что ты жадно глядишь на дорогу») — стихотворенія, кажется, съ достаточно опредѣленной тенденціей, не вполне устарѣвшей даже и въ наши дни. Ясно, что дѣло заключалось не во внѣшнихъ, а во внутреннихъ условіяхъ, и этотъ выводъ для насъ нуженъ и важенъ потому, что, только обладая имъ, можно объяснить себѣ быстрый переходъ Плещеева съ мажорнаго тона въ минорный. Мы видѣли, какъ гордо призывалъ насъ поэтъ: «Впередъ — безъ страха и сомнѣнья на подвигъ доблестный, друзья!» Немного, очень немного времени прошло послѣ этого призыва, и вотъ какъ заговорилъ, точнѣе — застоналъ нашъ поэтъ:

Не веселитъ меня разгульное похмелье,
И не кипитъ во мнѣ отвагой прежней кровь;
Исчезло дней былыхъ безумное веселье,
Исчезла дней былыхъ безумная любовь!
А, кажется, давно ль, исполненъ упованья,
Въ грядущее я взоръ довѣрчиво вперялъ,
И чужды были мнѣ сомнѣнья и страданья,
И, простодушный, я — о счастья помышлялъ.
Въ ужасной наготѣ еще не представляли
Мнѣ бѣдствія тогда страны моей родной,
И муки братьевъ духъ еще не волновали...
Но нынѣ онъ прозрѣлъ, и чуждъ ему покой!
И стыдно, стыдно мнѣ... Отъ мѣста ликованья,
Взволнованъ, я бѣгу поды мой смиренный кровь;
Но тамъ гнететъ меня ничтожества сознанье,
И душу всю тогда я выплакать готовъ!
Блаженъ, кто прожилъ вѣкъ безъ горя и сомнѣнья,
Кто взоры устремлялъ съ надеждой къ небесамъ!
Но я о счастья томъ не знаю сожалѣнья,
И за него моихъ страданій не отдамъ!

Это очень любопытно и характерно. Оказывается, что Плещеевъ только потому «зарю святаго искупленія завидѣлъ въ небесахъ», что «бѣдствія страны родной» ему еще «не представляли въ ужасной наготѣ». Приглашеніе поэта на «подвигъ доблестный» было такимъ образомъ результатомъ печальнаго, но въ то же время и очень обыкновеннаго недоразумѣнія. Опытные люди, слыша такія приглашенія, думаютъ про себя: «молода, въ Саксоніи не была», и «жгуча кропива да уварится». Они, эти опытные люди, къ сожалѣнію, рѣдко ошибаются: благородныя чувства, не просвѣтленныя сознаніемъ, не провѣренныя критикою, не искушенныя опытомъ, въ большинствѣ слунаевъ, оказываются фальшфейерами, отъ которыхъ много треска и дыма и мало свѣта. Это исторія не только старая, но и надобъшпая: «мало ли людей, говорилъ еще Лермонтовъ, которые, начиная жизнь, думаютъ кончить ее какъ Александръ Великій или лордъ Байронъ, а между тѣмъ цѣлый вѣкъ остаются титулярными совѣтниками».

Въ титулярные совѣтники Плещеевъ не пошелъ, но и отъ мечтаній о доблестныхъ подвигахъ отказался. Это совѣтъ не было измѣной, это было, какъ и говорить самъ поэтъ, именно только *прозрѣнемъ духа*, немножко запоздавшимъ возмужаніемъ мысли, пришедшей, наконецъ, къ сомнѣнію относительно значенія благихъ порывовъ, добрыхъ намѣреній и т. п. Эти сомнѣнія придавили, но не раздавили нашего поэта, внесли въ его поэзію ту струю унынія, которая уже и не покидала ее до конца, но до апатической безнадежности онъ не опустился, и въ этомъ его огромное преимущество надъ многими и многими изъ его сверстниковъ, о которыхъ Некрасовъ говорилъ:

Если жъ возьмется за дѣло — бѣда!
 Міръ виноватъ въ неудачѣ тогда;
 Чуть поослабнуть нетвердыя крылья,
 Бѣдный кричить: «безполезны усилія!»
 И ужъ куда какъ становится золь,
 Крылья свои опалившій орелъ...

Жестокая и ироническая судьба, какъ извѣстно, вскорѣ подвергла нашего идеалиста такому испытанію, подъ тяжестью котораго простительно было бы сломиться человѣку средняго уровня. Плещеевъ вышелъ изъ этого испытанія съ честью. Десять лѣтъ, десять долгихъ и тяжкихъ лѣтъ прошло, прежде чѣмъ, метафорически говоря, муза Плещеева могла снова расправить свои крылья. Въ стихотвореніяхъ, изданныхъ въ 1858 году, мы находимъ пьесу «Раздумье», въ которой поэтъ, уже умудренный опытомъ, такимъ образомъ обрисовываетъ свое настроеніе:

Дни скорби и тревогъ, дни горькаго сомнѣнья,
 Тоски болѣзненной и безотрадныхъ думъ,
 Когда жъ минуете? Иль тщетно возрожденья
 Такъ страстно сердце ждетъ, такъ сильно жаждетъ умъ?
 Не вижу я вокругъ отраднаго разсвѣта:
 Повсюду ночь да ночь, куда ни бросишь взоръ,
 Исчезли безъ слѣда мои младыя лѣта,
 Какъ въ зимнихъ небесахъ сверкнувшій метеоръ.
 Какъ мало радостей они мнѣ подарили,
 Какъ скоро свѣтлыя разсѣялись мечты!
 Морозы ранніе безжалостно побили
 Безпечной юности любимые цвѣты.
 И чистыхъ помысловъ и жаркихъ упованій
 На жизненномъ пути растратилъ много я;
 Но средь неравныхъ битвъ, средь тяжкихъ испытаній
 Что жъ обрѣла взамѣнъ всѣхъ грѣзъ душа моя?
 Увы! лишь жалкое въ себѣ разувѣренье,
 Да убѣжденіе въ бесплодности борьбы,
 Да мысль, что ни одно правдивое стремленье
 Ждать не должно себѣ пощады отъ судьбы.

Было бы очень грустно за поэта, если бы дѣло на этомъ и остановилось. Уныніе, развитое въ этихъ строфахъ, доходитъ до той черты, за которою уже начинается отчаяніе, лишающее жизнь вся-

каго смысла и всякой привлекательности. Нравственная природа Плещеева, къ счастью, была слишкомъ жизнеспособна, чтобы оцѣнить въ этомъ мертвящемъ убѣжденіи въ бесплодности борьбы, и «Раздумье» поэта заключается аккордомъ, въ которомъ слышатся иные звуки:

Но пусть ничѣмъ душа больная не согрѣта,
А съ жизнью все-таки разтаться было бѣ жаль,
И хоть не вижу я отраднаго разсвѣта,
Еще невольно взоръ съ надеждой смотреть вдалѣ.

Надежда поэта была не напрасна: наступало время, когда не отдѣльныя единицы, а все общество заговорило о «зарѣ святого искупленія». Эта памятная эпоха ничѣмъ не отразилась на поэзіи Плещеева. На первый взглядъ это обстоятельство представляется довольно страннымъ, но мы найдемъ ему надлежащее объясненіе у другого нашего поэта, талантъ котораго хотя и очень отличается отъ таланта Плещеева по своимъ основнымъ стихіямъ, но близокъ ему по духу, по направленію. Вотъ что говоритъ сверстникъ Плещеева, Жемчужниковъ, въ своей автобіографіи: «Мнѣ казалось, что мои стихи никому не нужны въ такое серьезное время. Поэзія на гражданскіе мотивы была бы очень умѣстна въ эпоху пробужденія ума и совѣсти. Я сознавалъ все высокое ея значеніе, и меня къ ней тянуло; но эти пѣсни пѣлъ тогда Некрасовъ. Онѣ были такъ сильны и оригинальны, что тягаться съ ними я, конечно, не могъ, а вторить имъ, хотя бы и не фальшивя, было бы излишне». Безъ сомнѣнія, то же самое могъ бы сказать о себѣ и Плещеевъ: призывы къ дѣйствию, къ подвигамъ, показались бы анахронизмомъ, а унылыя жалобы на удары рока явились бы диссонансомъ. Но общественная жизнь наша, какъ извѣстно, скоро пошла на убыль, и вскорѣ достигла той точки, о которой Некрасовъ энергично сказалъ: «бывали хуже времена, но не было подлѣй». Этотъ фактъ опредѣлилъ собою новыя отношенія Плещеева къ жизни, — отношенія вполне для него непривычныя: беззлобный идеалистъ почувствовалъ себя оскорбленнымъ и протестовалъ противъ новыхъ теченій съ горечью и съ ироніей. Въ стихотвореніи «На закатѣ» онъ влагааетъ въ уста своихъ бывшихъ товарищей такія рѣчи, обращенныя къ нему самому:

«Не пора ли,	Иныя слышны пѣсногнѣнья,
Товарищъ старый, на покой?	И опустѣлъ нашъ старый храмъ.
Чего ты ждешь? Твои кумиры	Все, что для насъ такъ было свято,
Лежать, повержены во прахъ,	Толпа глумленью предастъ;
На звукъ твоей забытой лиры	Ты ей смѣшонъ, какъ былъ когда-то
Отвѣта нѣтъ въ людскихъ сердцахъ!	Смѣшонъ несчастный Донъ-Кихотъ.
Взгляни вокругъ себя: служенье	Не вѣрятъ въ наши идеалы
Инымъ свершается богамъ;	Тѣ, что тельца златого чтуть...

Поэтъ-идеалистъ, какъ видите, остался вѣренъ себѣ до конца. «За Плещеевымъ», говоритъ Чернышевскій, «осталась одна сила, сила призыва къ честному служенію обществу и ближнимъ». Этотъ итогъ

мы въ правѣ теперь добавить: не только сила честнаго призыва, но и честнаго примѣра, которому — слѣшимъ добавить — надо слѣдовать не слѣпо.

Протопоповъ.

Постоянство идеальнаго образа чистоты въ поэзіи Плещеева.

Симпатичный, полный благородныхъ стремлений, талантъ Алексѣя Николаевича Плещеева достаточно извѣстенъ русской публикѣ. Если о комъ можно сказать, что онъ сначала до конца оставался вѣренъ однимъ и тѣмъ же мотивамъ, такъ это именно о Плещеевѣ. Ни тяжелыя жизненныя невзгоды въ ранней юности, невзгоды, способныя надломить самую сильную натуру, ни послѣдующія измѣненія въ общественныхъ теченіяхъ, не вызвали ни малѣйшей трещины въ этомъ симпатичномъ колоколѣ, точно отлитомъ изъ чистаго серебра. Въ одномъ изъ самыхъ раннихъ своихъ произведеній онъ пѣлъ:

Впередъ безъ страха и сомнѣнья
На подвигъ доблестный, друзья!

И вотъ черезъ много лѣтъ, въ стихотвореніи на 1 января 1886 года, поэтъ остается вѣренъ тѣмъ же мотивамъ: той же неизмѣнной преданности научной правдѣ, прогрессу и труженикамъ на благо народное:

Всѣмъ трудящимся на благо
Стороны своей родной,
Всѣмъ ее ведущимъ къ свѣту
И безтрепетной рукой
Высоко несущимъ знамя
Правды вѣчной и святой;
Всѣмъ, кто избралъ подвигъ труд-
ный,
И не ждетъ себѣ вѣнца:
Пожелаемъ нынче, братья,

Чтобъ остались до конца
Вѣрны чистымъ идеаламъ
Въ битвѣ жизни ихъ сердца;
Пожелаемъ, чтобъ не меркнулъ
Правды лучъ въ краю родномъ,
Чтобъ волной широкой знанье
Разлилось повсюду въ немъ,
И чтобъ мира кроткій геній
Осѣнилъ его крестомъ.

Плещеевъ принадлежитъ къ поэтамъ особаго типа, которые должны быть у каждой страны: это — не геніи-творцы, слава которыхъ облетитъ міръ, но это — люди, имя которыхъ никогда не можетъ умереть въ родной странѣ, пока въ ней будутъ сердца, способныя любить свою страну, народъ, истину, науку, свѣтъ и прогрессъ. Пѣсни такихъ поэтовъ не забываются народомъ, какъ не забывается никогда тихая, любящая пѣснь матери, ея любящія, кроткіе совѣты и указанія. Образъ такихъ поэтовъ навсегда остается свѣточемъ въ душѣ народа, какъ идеаль нравственной чистоты, абсолютной безупречности, безпредѣльной вѣры въ человѣка, любви къ свѣту... Безъ такихъ поэтовъ у народовъ не было бы *сердца*, не было бы *души*, вѣрующей въ *лучшее*.

Изъ *Русскаго Богатства* за 1887 г., № 2.

Вѣра въ грядущее будущее, какъ царство любви и свѣта въ поэзіи Плещеева.

А. Н. Плещеевъ принадлежитъ къ числу тѣхъ поэтовъ, которыхъ не только цѣнить, но и любить. Полное собраніе его стихотвореній — большое приобрѣтеніе для всѣхъ, кому въ поэзіи дорога не одна красота формы. А такихъ «отсталыхъ людей» все еще не мало, что бы ни говорили систематическіе гонители «тенденціи» и «проповѣди» въ искусствѣ. Въ этомъ можно было убѣдиться при празднованіи сорокалѣтняго юбилея литературной дѣятельности А. Н. Плещеева — празднованіи, выдвинувшемъ на первый планъ именно мотивы, темы, идеалы поэтическаго творчества. Предметомъ самыхъ восторженныхъ овацій было самое раннее, самое молодое стихотвореніе поэта («Впередъ») — молодое не только по времени написанія, но и по содержанію, по чувству; оно вызвало энтузіазмъ даже тогда, когда было прочитано въ нѣмецкомъ переводѣ. Молодежь восьмидесятыхъ годовъ увлеклась призывомъ, раздавшимся за сорокъ лѣтъ предъ тѣмъ — и не осталась одинокой въ своемъ увлеченіи. Не нужно быть самому полнымъ вѣрой, чтобы чувствовать ея обаяніе — а стихотвореніе «Впередъ» дышитъ именно вѣрой — «вѣрой въ себя, вѣрой въ людей, вѣрой въ лучшую будущность». Малѣйшаго сомнѣнія въ искренности автора было бы достаточно, чтобы обратить его слова въ пустыя, громкія фразы — но такого сомнѣнія не возникаетъ, и настроеніе, нѣкогда пережитое поэтомъ, воскресаетъ въ памяти однихъ, загорается въ сердцахъ другихъ, смотря по тому, живетъ ли кто въ минувшемъ, или въ будущемъ. Пускай утверждаютъ скептики, что для иллюзій, наполняющихъ собою первое стихотвореніе А. Н. Плещеева, давно уже не остается мѣста даже въ душѣ пансіонерокъ и институтокъ: отпоромъ противъ ироніи, какъ бы язвительна она ни была, служитъ непосредственное впечатлѣніе большинства читателей. Иллюзіи вѣчны; измѣняется только ихъ окраска, но не ихъ неотразимая прелесть. У современнаго поэта призывный кличъ выразился бы, безъ сомнѣнія, въ другой формѣ, чѣмъ у писателя сороковыхъ годовъ — но разница формы не исключаетъ внутренняго сходства, не мѣшаетъ прошедшему находить отголоски въ настоящемъ...

Мы потому остановились такъ долго на первой пьесѣ сборника, что ея господствующая нота никогда не исчезаетъ вполне въ позднѣйшемъ творествѣ А. Н. Плещеева; сквозь уныніе и усталость у него постоянно прорывается одушевленіе, вѣнчившее юношескія его пѣсни — и этому одушевленію онъ обязанъ значительною частью своей силы. Въ молодые годы поэтъ больше надѣялся и на самого себя и на своихъ современниковъ; желанная перемѣна казалась ему близкой; онъ вѣрилъ, что ему суждено сдѣлаться ея свидѣтелемъ и дѣятельнымъ участникомъ. Эта вѣра скоро исчезаетъ — но не ис-

чезаетъ убѣжденіе, что осуществима справедливость, достижимо общее счастье; не исчезаетъ ожиданіе движенія и сочувствіе къ его представителямъ. Одновременно съ вопросомъ Некрасова: «гдѣ гражданинъ страны родной?» раздается мольба Плещеева о ниспосланіи пророка, который бы «жегъ сердца рабовъ позорной лжи». «Не вовсе заглушили въ насъ голосъ истины корысть и суета», восклицаетъ онъ въ стихотвореніи, также относящемся къ концу пятидесятихъ годовъ: «еще настанетъ день... вдохнетъ и жизнь и силу въ нашъ обветшалый міръ ученіе Христа!» «Къ чему напрасныя сомнѣнья?» говоритъ онъ тогда же колеблющимся друзьямъ: «идите смѣлою стопой; вы не изъ тѣхъ, въ комъ увлеченія съ лѣтами гаснетъ жаръ святой... Храните чистыя химеры души возвышенной своей, и животворный пламень вѣры пусть до конца не гаснетъ въ ней!» Такою же бодростью проникнуты многія стихотворенія шестидесятихъ годовъ. «И до конца я вѣры не утрачу, что озаритъ нашъ міръ любви и правды свѣтъ»...

Лишь одного житейскій гнетъ
Убить въ душѣ моей не въ силахъ,
Одно въ ней только не умреть,
Хотя и будетъ въ этихъ жилищахъ
Струиться старческая кровь:
Къ отважной юности любовь!

Когда, толпясь вокругъ меня,
Кипитъ младое поколѣнье,
Иного, радостнаго дня
Разсвѣтъ я вижу въ отдаленьѣ
И говорю съ восторгомъ я:
Богъ, помочь, братья и друзья!

Гораздо позже, когда поэту начинаетъ казаться, что грезы его юности принесены имъ въ жертву «бездушнѣй мудрости опытныхъ людей», онъ остается, въ сущности, все тѣмъ же, что и прежде; «восторженное слово» все такъ же заставляетъ биться его сердце, «торжество зла» все такъ же возбуждаетъ въ немъ «негодованіе и злобу». Встрѣчая новый годъ, теперь, какъ и двадцать лѣтъ тому назадъ, онъ посылаетъ привѣтъ всѣмъ «застигнутымъ ненастьемъ и унесеннымъ житейской волною», «правдивымъ и чистымъ сердцемъ, чья жизнь — упорный бой во имя идеала», «безтрепетнымъ рукамъ, несущимъ знамя вѣчной и святой правды». Чтобы понять неугасимый и непобѣдимый идеализмъ поэта, нужно, быть можетъ, самому быть немножко идеалистомъ, хоть минутами, хоть порывами — но много ли и найдется у насъ людей, никогда не бывавшихъ въ области идеала, никогда не возвращающихся, украдкой, въ ея предѣлы? Кто молодъ самъ или не забылъ своей молодости, кто испыталъ притягательную силу мечты, заглядывающей далеко впередъ и точно приближающей будущее, тотъ найдетъ въ поэзіи Плещеева много родственнаго, тому не можетъ не быть дорога ея несокрушимая свѣжесть.

Нельзя, конечно, сознательно прожить сорокъ лѣтъ — и какихъ лѣтъ! — не потерпѣвъ крушеній и потерь, не прочувствовавъ всю горечь разочарованій. И въ этомъ отношеніи поэзія А. Н. Плещеева близка, понятна нашему времени. Замѣчательно, что несвободнымъ отъ печали и сомнѣній нашъ поэтъ былъ уже въ концѣ пятидесятихъ годовъ, когда все благопріятствовало оптимизму. Объясняется

это, отчасти, личною участію А. Н. Плещеева, бѣдою, постигнутою его въ 1849 году и прервавшею надолго его поэтическую дѣятельность; но и размахъ первоначальной надежды былъ у него слишкомъ широкъ, чтобы уступить мѣсто полному удовлетворенію. «Ранніе розы, безжалостно побившіе лучшіе цвѣты безпечной юности», оставили свой слѣдъ не на одномъ только поэтѣ. Прегней силы — или того что казалось силой — онъ не находилъ ни въ себѣ ни вокругъ себя. Отсюда, прежде всего, строгость поэта къ самому себѣ («Много злыхъ и глупыхъ шутокъ», «О, еслибъ знали вы», «Есть дни: ни злорада ни любовь»); отсюда, дальше, та иронія, съ которой онъ относится къ требованіямъ «жизнейской мудрости», къ теоріи сдѣлокъ и компромиссовъ («Сердцу», «Дѣти вѣка все большія», «Завидно мнѣ смотрѣть на мудрецовъ», «Совѣты мудрецовъ», «Если хочешь ты, чтобы мирно»). Нѣкоторыя изъ стихотвореній этой послѣдней категоріи отличаются большою силой. «Совѣты мудрецовъ» идутъ по стопамъ некрасовскаго «Нравственнаго челоуѣка»; еще живѣе слѣдующія строки:

Непогрѣшимъ мужей ученыхъ цехъ!
 Но одного лишь я боюсь немножко:
 Что если жизньъ, какъ дерзкій ученикъ,
 Вдругъ стащить съ нихъ всевѣднѣя парикъ
 И книжки ихъ все вышвырнетъ въ окошко?
 И родъ людской, сознавъ, что онъ идетъ
 Окольной и вязкою дорогой,
 Назло иной теоріи убогой
 Вдругъ сдѣлаетъ неожиданный поворотъ?
 О, что тогда?... Но, впрочемъ, не придутъ
 Ни отъ чего они, я думаю, въ смущенье...
 И, прегняго исполнены презрѣнья,
 Весь родъ людской — безумнымъ назовутъ!

Далеко не все стихотворенія А. Н. Плещеева вызваны вѣянїями времени, далеко не все откликаются на злобу дня. Его вдохновляетъ русская природа, онъ глубоко чувствуетъ ея «невеселую» прелесть («Отчизна», «Родное», «Природа-мать», «Къ тебѣ иду»); «Лѣтнія пѣсни» (особенно третья, четвертая и восьмая) принадлежать къ лучшему, когда-либо имъ написанному. Иногда контрастъ между душевнымъ настроеніемъ и внѣшней обстановкой внушаютъ ему страницы, достойныя Гейне; интересно сравнить, на примѣръ, гейневское «**Mein Herz, mein Herz ist traurig**» съ однимъ изъ раннихъ и съ однимъ изъ послѣднихъ стихотвореній нашего автора: «Пѣсня» (вторая, стран. 40) и «Бурлила мутная рѣка». Не даромъ, въ самомъ дѣлѣ, Н. А. Плещеевъ съ такою любовью останавливался на Гейне¹⁾; между ихъ натурами есть кое-что общее, не исключющее, конечно, многихъ и очень глубокихъ различій. Обоимъ поэтамъ удастся уловить едва

¹⁾ Кромѣ драматической баллады «Вильгельмъ Ратклиффъ», А. Н. Плещеевымъ переведены изъ Гейне *шестьдесятъ три* стихотворенія.

уловимое сердечное настроеніе, нарисовать мимолетную борьбу свѣта съ тѣнью, радости съ печалью («Что за дѣтская головка», «Вотъ и гроза прошла», «Тучи», «Смотрю на нее и люблюсь»; послѣднее стихотвореніе нѣсколько испорчено резонерскимъ концомъ). Въ обоихъ поѣтахъ звучитъ меланхолическая струна, обоимъ дороги воспоминанья, даже грустныя, даже мучительныя. Отсюда внутреннее родство, замѣтное иногда и при полномъ несходствѣ мотивовъ; такъ, напримѣръ, въ основной темѣ стихотворенія: «Я тихо шелъ по улицѣ безлюдной», нѣтъ ничего гейневскаго, но въ началѣ его и концѣ слышится что-то напоминающее нѣмецкаго поэта. Само собою разумѣется, что о подражаніи, вольномъ или невольномъ, здѣсь не можетъ быть и рѣчи; даже у такого своеобразнаго поэта, какъ Некрасовъ, встрѣчаются иногда точно отголоски его предшественниковъ и современниковъ.

Совершенно особенное мѣсто между произведеніями А. Н. Плещеева занимаютъ его «стихотворенія для дѣтскаго возраста» — по крайней мѣрѣ, тѣ изъ нихъ, которыя соотвѣтствуютъ своему названію. Они вполнѣ достигаютъ своей цѣли, предлагая дѣтямъ хорошую поэтическую пищу, вмѣсто тяжелыхъ, безвкусныхъ кушаній, которыя обыкновенно, считаются самыми подходящими для дѣтской. Есть, однако, въ этомъ отдѣлѣ и такія пьесы, которымъ тѣсно въ его границахъ («Напрасно, птички», «Старикъ», «Былое», «Ожиданія», «Огни погасли въ домѣ»). Поэтъ пишетъ здѣсь уже не для однихъ дѣтей, или, по крайней мѣрѣ, написанное имъ примыкаетъ, помимо его воли, къ другому, главному теченію его поэтическаго творчества.

Менѣе сильная, сравнительно, сторона стихотвореній А. Н. Плещеева — это ихъ форма. Она свободна отъ вычурностей, натяжекъ, усилій, отъ погони за оригинальностью или эффектомъ, однимъ словомъ — отъ всего того, что составляетъ подводный камень для большинства новѣйшихъ нашихъ поэтовъ; но ей недостаетъ иногда образности и колорита, она часто остается точно въ полу-свѣтѣ. Въ этомъ отношеніи А. Н. Плещеевъ, безспорно, уступаетъ старшимъ современникамъ своимъ въ особенности Майкову и Фету (разсматриваемымъ въ лучшую ихъ эпоху). Отсюда не слѣдуетъ еще, конечно, чтобы время его миновало, чтобы онъ весь, цѣликомъ, отошелъ въ прошлое. Онъ самъ склоняется, повидимому, къ этой мысли; онъ спрашиваетъ себя, въ одномъ изъ послѣднихъ своихъ стихотвореній, «не пора ли ему на покой». «Чего ты ждешь», говорятъ ему тѣни друзей: —

...Твои кумиры
Лежать повержены во прахъ,
На звукъ твоей забытой лиры
Отвѣта нѣтъ въ людскихъ сердцахъ.
Взгляни вокругъ себя: служенье
Инымъ свершается богамъ;
Иныя слышны пѣсногѣнья,

И опустѣлъ нашъ старый храмъ.
Сойди жъ, ненужный и усталый,
Скорѣй въ безмолвный нашъ пріютъ,
Тебя забвенья тихій геній
Своимъ крыломъ тамъ освѣтитъ,
Тамъ вѣчный сонъ, безъ сновидѣній,
Глаза усталому смежить!

Мы понимаемъ эти сомнѣнья; они неизбежны послѣ долгаго, утомительнаго пути—неизбѣжны въ виду переменъ, совершившихся вокругъ поэта. На самомъ дѣлѣ, однако, они лишены основаній; «старый храмъ» не опустѣлъ, новыя «пѣснопѣнья» не вытѣснили прежнихъ, и «лира», много разъ отзывавшаяся на вѣчно живыя чувства, едва ли скоро будетъ забыта. *Арсеньевъ.*

Гражданскіе мотивы поэзіи Плещеева.

Шли годы, и силы поэта росли; онъ узнавалъ жизнь, выросталъ, и вмѣстѣ съ ними выростали и раскрывались новыя горизонты. Онъ уже замѣчаетъ и въ состояніи воспроизводить и природу и жизнь. Не забывая своихъ пѣсенъ порыва и скорби, онъ можетъ рисовать такой спокойной увѣренной кистью картины родной стороны, что кажется, будто эти картины вышли изъ рукъ старика, который уже окончилъ всѣ свои счеты съ жизнью и съ любовью смотреть назадъ, на то, что прошло и стало дорогимъ и милымъ, несмотря на всѣ перенесенныя страданія.

Поэтъ, видимо, растетъ, мотивы его становятся все разнообразнѣе. Онъ уже въ состояніи оцѣнить красоту природы совершенно независимо отъ какихъ бы то ни было идей. Онъ просто подмѣчаетъ красоту и воспроизводитъ ее такой, какъ она есть, безъ всякихъ насильно притянутыхъ выводовъ, заключеній и сравненій. Когда же сравненія приходятъ сами собой, тогда у поэта сквозь внѣшнюю красоту формы прорываются искренніе стоны, слышатся горькія рыданія о прошедшей молодости, о несбывшихся юношескихъ мечтахъ и обо всѣхъ безвременно погибшихъ упованіяхъ.

Но разнесъ осенній вѣтеръ

Пожелтѣвшіе листья,

И подъ холодомъ поникли

Запоздалые цвѣты...

Жизнь! зачѣмъ же обѣщаній

Не сдержала ты своихъ,

И зачѣмъ не пощадила

Упованій молодыхъ?

Стигло все: надежды, силы...

Какъ ненастной порой

Зеленѣющіе всходы

Подъ дыханьемъ бури злой!

Было время золотое,

Да какъ сонъ оно прошло!

Всю-то, всю мою дорожку

Раннимъ снѣгомъ занесло!

Въ древности въ середину мѣднаго идола бросали человѣка и потомъ разводили огонь, который раскалялъ мѣдь, и стоны несчастной жертвы, вырывавшіеся изъ раскрытой пасти идола, толковались жрецами какъ приказанія божества. Народъ видѣлъ величественнаго истукана и благоговѣнно внималъ божественнымъ рѣчамъ, а, между тѣмъ, эти рѣчи были не иное что, какъ предсмертные крики несчастныхъ жертвъ. Такъ и поэтъ, по удачному сравненію, облакая въ красивую форму свои стоны, заставляетъ забывать о тѣхъ мукахъ, изъ которыхъ раздаются звонкія пѣсни. Но Плещеевъ рѣдко

достигалъ такой красоты въ своихъ произведеніяхъ. Да онъ и не стремился къ этому. Гражданинъ въ немъ очень часто побуждалъ поэта, а гражданину, конечно, должна была казаться странной эта погоня за красотой, когда она какъ-будто связываетъ мысль, затемняетъ истину. И это сильно развитое гражданское чувство заставляло поэта выступать противъ современниковъ и клеймить ихъ ядовитыми словами сатиры:

Пресмыкаться въ грязи, ноги сильныхъ лизать,
За подачку отъ нихъ продавать убѣжденье,
Кто отваженъ и чистъ, на того клеветать,
Чтобъ извѣдалъ бѣду и гоненье.
Вотъ теперь призванье наше!
Служимъ вѣрно мы ему.
Горе мысли неподкупной!
Гибель чѣстному уму!

Но поэтъ, видимо, по своему темпераменту не обладалъ сатирическими наклонностями, и потому прибѣгалъ къ этого рода поэзии весьма рѣдко, хотя умѣлъ цѣнить сатиру и любилъ ее въ чужихъ произведеніяхъ, почему и перевелъ не мало сатирическихъ стихотвореній Гейне и другихъ поэтовъ.

Хирьяковъ.

Общественно-воспитательное значеніе стихотвореній Плещеева.

Въ 1861 году появилась книжка стихотвореній Плещеева во второмъ изданіи. Съ пренебреженіемъ отозвались объ ней лучшіе журналы. Зачѣмъ Плещеевъ говоритъ въ ней о любви къ человѣчеству, о его страданіяхъ и будущихъ идеалахъ, о свѣтлыхъ надеждахъ? Зачѣмъ переводить стихи Гейне? Это почему-то не понравилось серьезнымъ рецензентамъ, и они говорили о Плещеевѣ чуть ли не съ такой же строгой важностью, какъ о чужбкѣ, принесемъ рѣшительный вредъ литературѣ. Дико вспомнить теперь объ этомъ. Неужто благородныя чувства, благородныя мысли, которыми вѣяло отъ каждой страницы небольшой книжки Плещеева, были такимъ ежедневнымъ явленіемъ въ тогдашней русской поэзии, чтобы можно было съ пренебреженіемъ отвернуться отъ нихъ? Да и когда же бываетъ это можно и позволительно? Если у Плещеева не было той поэтической силы, которая невольно покоряетъ себѣ чужую мысль и чувства, то нельзя же было видѣть въ стихахъ его фразы, справедливости которыхъ не вѣритъ онъ самъ. Что все въ этихъ стихотвореніяхъ было вполне искренно и сказалось отъ души, — едва ли кто-нибудь могъ усомниться въ этомъ и тогда. Или не понравилось юношеское увлеченіе поэта, неопредѣленность его стремленій и надеждъ? Но была ли возможность выражать эти надежды, эти стремленія точнѣе и опредѣленнѣе, — объ этомъ никто не хотѣлъ вспо-

мнить. Кажется, особенной точности и ясности въ выраженіи желаній не было въ то время и нигдѣ въ литературѣ. Разумѣется, говорить прямо, высказывать все ясно — не только проще, но и полезнѣе; но дѣйствительно ли все мы такъ высоко и безукоризненно развиты, что намъ не нужно слышать искренняго голоса, заступающагося, хотя бы и въ общихъ чертахъ, за лучшую сторону нашей природы, до сихъ поръ мало торжествовавшую? «Земля изсушена и уныла», говорится въ эпитаграфѣ къ первому стихотворенію первой книжки Плещеева: «но она вновь позеленѣетъ. Дыханіе зла не вѣчно будетъ проходить по ней, какъ духъ пополающій». Конечно, и мысль и выраженіе этихъ словъ слишкомъ общи, и написать на эту тему нѣсколько стихотвореній — не значитъ сказать что-нибудь новое; но все ли успѣло не только тогда, но и теперь такъ устарѣть для нашего общества, и не нужно ли и не будетъ ли долго нужно повторять и толковать простѣйшія и неоспоримѣйшія истины и доказывать, что бѣлое бѣло, а не черно, а черное черно, а не бѣло. Есть много самыхъ обыкновенныхъ понятій, врожденныхъ человѣку чувствъ, о которыхъ тѣмъ не менѣе надо безпрестанно напоминать, чтобы они не забывались. Это и вездѣ нужно, не говоря уже о нашемъ не сформированномъ обществѣ. Поэты съ такимъ благороднымъ и чистымъ направленіемъ, какъ направленіе Плещеева, всегда будутъ полезными для общественнаго воспитанія, и найдутъ путь къ молодымъ сердцамъ. Трудно употребить лучше его въ дѣло тѣ поэтическія способности, которыми онъ обладаетъ.

Мы очень рады, что въ послѣднемъ изданіи стихотвореній Плещеева встрѣтились съ лучшими пьесами его первой книжки, которыхъ онъ не помѣстилъ въ предпослѣднемъ изданіи, вѣроятно, вслѣдствіе тѣхъ неблагопріятныхъ отзывовъ, какими привѣтствовали ее при первомъ появленіи тогдашніе журналы. Мы жалѣемъ только, что онъ не дополнилъ ихъ нѣкоторыми стихами, которые, сколько намъ помнится, были уже разъ въ печати.

Съ особеннымъ удовольствіемъ перечитали мы прекрасный гимнъ, извѣстный намъ наизусть, — гимнъ, который всегда останется прекрасной памятью скромной, но благородной литературной дѣятельности Плещеева:

Впередъ — безъ страха и сомнѣнья,
 На подвигъ доблестный, друзья!
 Зарю святого искушенья
 Ужъ въ небесахъ завидѣлъ я!
 Смѣлѣй! дадимъ другъ другу руки,
 И вмѣстѣ двинемся впередъ,
 И пусть подъ знаменемъ науки
 Союзъ нашъ крѣпнетъ и растеть!
 Жрецовъ грѣха и лжи мы будемъ
 Глаголомъ истины карать;
 И спящихъ мы отъ сна разбудимъ,
 И поведемъ на битву рать!

Не сотворимъ себѣ кумира

Ни на землѣ ни въ небесахъ;

За всѣ дары и блага міра

Мы не падемъ предъ нимъ во прахъ!...

Провозглашать любви ученье

Мы будемъ носить, богачамъ,

И за него несемъ гоненье —

Простивъ озлобленнымъ врагамъ!

Блаженъ, кто жизнь въ борьбѣ кровавой,

Въ заботахъ тяжкихъ истощилъ;

Какъ рабъ лѣнивый и лукавый,

Талантъ свой въ землю не зарылъ!

Пусть намъ звѣздою путеводной

Святая истина горитъ;

И вѣрьте, голосъ благородный

Не даромъ въ мірѣ прозвучитъ!

Внемлите жъ, братья, слову брата,

Пока мы полны юныхъ силъ:

Впередъ, впередъ и безъ возврата, —

Что бъ рокъ вдали намъ ни сулилъ!

Сколько помнимъ, прежніе рецензенты Плещеева были особенно недовольны стихотвореніемъ или отрывкомъ изъ поэмы «Сонъ», къ которому были взяты эпиграфомъ слова Ламенэ, приведенныя нами выше. Въ этомъ отрывкѣ, вѣроятно, отъ лица героя, который напоминаетъ лермонтовскаго «Пророка», — рассказывается, какъ онъ, усталый и истерзанный тоской, прилегъ отдохнуть подъ дерево, и ему предстала въ видѣніи богиня, избравшая его пророкомъ. И вотъ что услыхалъ онъ отъ нея:

«Страданьемъ и тоской твоя томится грудь,

А предъ тобой лежитъ еще далекій путь.

Скажу ль я, что тебя въ твоей отчизнѣ ждешь?

Подыметь на тебя каменя твой народъ,

За то, что обвинишь могучимъ словомъ ты

Рабовъ грѣха, рабовъ постыдной суеты!

За то, что возвѣстишь ты мщенья грозный часъ

Тому, кто въ тинѣ зла и праздности погрязъ,

Чье сердце не смущалъ гонимыхъ братьевъ стонъ,

Кому закономъ былъ — отцовъ его законъ!

Но не страшися ихъ! и знай, что я съ тобой,

И камни пролетятъ надъ гордой головой.

Въ цѣпяхъ ли будешь ты — не унывай и вѣрь,

Я отопру сама темницы мрачной двери.

И снова ты пойдешь, избранный мной левитъ,

И въ мірѣ голосъ твой не даромъ прозвучитъ.

Зерно любви въ сердца глубоко западетъ;

Придетъ пора, и дастъ оно роскошный плодъ.

О, человекъ той поры не долге ждать,

Не долго будетъ онъ томиться и страдать!

Воскреснетъ къ жизни міръ... Смотри, ужъ правды лучъ

Прозрѣвшимъ племенамъ сверкаетъ изъ-за тучъ!

Иди же, вѣры полнъ... И на груди моей

Ты скоро отдохнешь отъ муки и скорбей».

Стихотвореніе заключается слѣдующими стихами пророка:

Мой падшій духъ возстань... и утѣсненнымъ вновь
Я возвѣщать пошелъ свободу и любовь.

Мотивъ этой пьесы, точно такъ же какъ и мотивъ стихотворенія «Впередь», проходитъ болѣе или менѣе внятно по всѣмъ собственно оригинальнымъ стихотвореніямъ Плещеева, которыя, впрочемъ, составляютъ не болѣе одной трети изданнаго имъ теперь собранія. Пафосъ, которымъ одушевленъ выписанный нами юношескій гимнъ, болѣею частію, переходитъ въ элегическое настроеніе. Плещеевъ съ сочувственною грустью останавливается передъ темными явленіями жизни, и, чувствуя прочность зла и свое безсиліе бороться съ нимъ, часто молитъ Бога объ одномъ — чтобы жаръ его сердца «не засыпало пепломъ мертвящее сомнѣніе». Глубокая искренность этихъ теплыхъ словъ, любовь къ истинѣ и къ благу ближнихъ, вызывавшія эти элегическіе стихи, не можетъ быть подвергнута ни малѣйшему сомнѣнію теперь, когда Плещеевъ, послѣ длиннаго, чуть не десятилѣтняго перерыва своей дѣятельности, явился въ литературѣ съ тѣмъ же настроеніемъ, съ какимъ мы видѣли его на первыхъ порахъ его поэтической дѣятельности. Тѣ же стремленія, ту же грусть безсилія, столь понятную въ устахъ людей поколѣнія, къ которому принадлежитъ Плещеевъ, увидали мы опять въ его стихахъ:

Дни скорби и тревогъ, дни горькаго сомнѣнья,
Тоска болѣзненныхъ и безотрадныхъ думъ,
Когда жъ минуете? Иль тщетно возрожденья
Такъ страстно сердце ждетъ, такъ сильно жаждетъ умъ?
Не вижу я вокругъ отраднаго разсвѣта:
Повсюду ночь да ночь, куда ни бросишь взоръ.
Исчезли безъ слѣда мои младыя лѣта —
Какъ въ зимнихъ небесахъ сверкнувшій метеоръ.
Какъ мало радостей они мнѣ подарили,
Какъ скоро свѣтлыя разсѣялись мечты!
Морозы ранніе безжалостно побили —
Безпечной юности любимые цвѣты.
И чистыхъ помысловъ и жаркихъ упованій
На жизненномъ пути растратилъ много я;
Но средь неровныхъ битвъ, средь тяжкихъ испытаній,
Что жъ обрѣла взамѣнъ всѣхъ грезъ душа моя?
Увы! лишь жалкое въ себѣ разувѣренье,
Да убѣжденіе въ бесплодности борьбы,
Да мысль, что ни одно правдивое стремленье
Ждать не должно себѣ пощады отъ судьбы.
И даже ты моимъ призывамъ измѣнила,
Друзей свободная и шумная семья!
Привѣта братскаго живительная сила
Мнѣ не врачуетъ духъ въ тревогахъ бытія.
Но пусть ничѣмъ душа больная не согрѣта,
А съ жизнью все-таки разстаться было бъ жаль,
И хоть не вижу я отраднаго разсвѣта,
Еще невольно взоръ съ надеждой смотритъ вдаль.

Эта надежда слышится подчас довольно внятно въ нѣкоторыхъ послѣднихъ произведеніяхъ Плещеева. Справедлива ли такая надежда — Богъ знаетъ. По временамъ онъ обличаетъ сознаніе, что тѣ слишкомъ обобщенныя мысли и чувства, которыя онъ проводитъ въ своихъ стихахъ, требуютъ при новыхъ условіяхъ времени болѣе опредѣленнаго и прямого смысла для жизни.

За Плещеевымъ осталась одна сила, — сила призыва къ честному служенію обществу и ближнимъ. Смысль лучшей стороны дѣятельности Плещеева яснѣе всего выражается стихотвореніемъ его, напечатаннымъ на 148 стран. новаго изданія; отъ большей части его оригинальныхъ пьесъ вѣтъ на читателя тѣмъ добрымъ чувствомъ, тѣмъ здравымъ пониманіемъ обязанностей и цѣли жизни, которыя высказаны въ этихъ стихахъ:

Передъ тобой лежитъ широкій, новый путь.

Прими же мой привѣтъ, не громкій, но сердечный;

Да будетъ, какъ была, твоя согрѣта грудь

Любовью къ ближнему, любовью къ правдѣ вѣчной!

Да не утратишь ты въ борьбѣ со зломъ упорной

Всего, чѣмъ нынѣ такъ душа твоя полна,

И вѣры и любви свѣтильникъ животворный

Да не залеть въ тебѣ житейская волна,

Подъявъ чело, иди безтрепетной стопою;

Иди, храня въ душѣ свой чистый идеаль,

На слезы страждущихъ отвѣтствуя слезою

И ободряя тѣхъ, въ борьбѣ кто духомъ палъ.

И если въ старости, въ раздумья часъ печальный,

Ты скажешь: въ мірѣ я оставилъ добрый слѣдъ,

И встрѣтить я могу спокойно мигъ прощальный...

Ты будешь счастливъ, другъ; иного счастья нѣтъ!

Въ нѣсколькихъ стихотвореніяхъ Плещеева, въ которыхъ онъ обращается къ реализму, отъ стремленія и надеждъ, выражаемыхъ въ общихъ чертахъ, переходитъ къ изображеніямъ дѣйствительности, съ ея прозаическими и мелкими подробностями, — въ этихъ пьесахъ нѣтъ ни той силы ни той глубины чувства, которыя мы замѣчаемъ въ его произведеніяхъ. Элегическіе стихи его не перестраиваются на сатирической ладъ, у него нѣтъ ни негодованія, безъ котораго сатира невозможна, ни того наблюдательнаго взгляда, который умѣетъ подмѣчать смѣшныя и вредныя стороны дѣйствительности, ни того изобразительнаго таланта, который умѣетъ рѣзко и рельефно выставлять такія черты.

Чернышевскій.

Отраженіе свѣтлыхъ и благородныхъ вѣяній эпохи 60—70 гг. въ поэзіи Плещеева.

За исключеніемъ міровыхъ гениевъ, каждый талантливый поэтъ есть сынъ своего вѣка и народа. Стало быть, пережитая имъ эпоха въ произведеніяхъ такого писателя должна имѣть ясное отраженіе.

По законамъ наследственности отъ родителей воспринимаются дѣтми или ихъ хорошія качества, или дурныя, или тѣ и другія вмѣстѣ.

О талантливомъ и въ высшей степени симпатичномъ покойномъ поэтѣ А. Н. Плещеевѣ можно смѣло сказать, что онъ былъ наследователемъ отъ своей эпохи и отраженіемъ ея лучшихъ стремленій, мечтаній и упованій. Все, что пережило благороднаго, честнаго и гуманнаго русское обновленное общество 60-хъ годовъ, — все это нашло откликъ въ сердцѣ чуткаго поэта. Муза А. Н. Плещеева, порою нѣжная, порою грустная и плачущая искреннею слезой, порою же восторженная и энергичная до призыва честныхъ людей на бой со зломъ и неправдой, не можетъ не пробуждать добрыхъ чувствъ въ самомъ зачерствѣломъ сердцѣ. Какъ не было личныхъ враговъ у поэта при жизни, такъ не можетъ быть у него литературныхъ противниковъ и послѣ смерти. Трудно себѣ представить такое извращеніе критическаго вкуса, которому претило бы прекрасное и ненавистно было бы доброе и справедливое. Въ Плещеевѣ вылился полный, характерный типъ поэта-шестидесятника. Этотъ типъ тѣмъ болѣе будетъ симпатиченъ будущимъ поколѣніямъ, чѣмъ дальше онъ будетъ уходить въ глубь исторіи. Потомокъ раскроетъ книгу и увидитъ и пойметъ въ ней душу предка, летавшую «по небу полуночи» къ небесамъ, въ область святыхъ идеаловъ.

Такова душа Плещеева, отразившаяся въ его стихотвореніяхъ. Молодежь 60-хъ и 70-хъ годовъ заучивала ихъ наизусть, и для многихъ они покажутся знакомыми пѣснями, лишь стоитъ напомнить ихъ мотивъ. Кто не помнитъ, напримѣръ, этой аллегорической «птички», къ которой обращается поэтъ съ вопросомъ:

Для чего, пѣвунья птичка, Ты такъ рано прилетѣла
Птичка рѣзвая моя, Ты наши дальнія края?

Въ этомъ стихотвореніи (вошедшемъ во многія хрестоматіи) отпечатлѣлась болѣе всего душа поэта, пылкая, но незлобивая, молящаяся Творцу за меньшаго брата и за бѣдняка, котораго онъ зоветъ не на злобную борьбу и возстаніе, а на примиреніе съ жизнью и съ своею судьбою посредствомъ вѣры въ лучшую будущность.

Идеалистъ-шестидесятникъ здѣсь вылился весь.

Итоги идеаловъ плещеевской эпохи подведены уже въ такихъ капитальныхъ публицистическихъ трудахъ, какъ «Десять лѣтъ реформъ» Головачева и «Изъ эпохи великихъ реформъ» Джаншјева. Роль поэта въ этомъ движеніи «впередъ безъ страха и сомнѣній» была одна изъ видныхъ, потому что въ общемъ хорѣ «тружениковъ пера» А. Н. Плещеевъ былъ однимъ изъ запѣвалъ, и его запѣвки какъ «Трудились, бѣдные, вы, отдыха не зная, или

Птичка божія проснулася съ зарею,

А ужъ пахаря застала за сохой;

Полетитъ она къ лазурнымъ небесамъ

И что видитъ въ селахъ — все расскажетъ тамъ:

Скажетъ птичка Богу, что бѣднякъ страдаетъ,

Что кровавымъ потомъ нивы орошаетъ...

Всѣ эти пѣсни о труженикѣ-крестьянинѣ, не знающемъ просвѣта и личной свободы, много способствовали просвѣтлѣнію умовъ на счетъ самыхъ основныхъ вопросовъ нашей гражданственности, какъ освобожденіе народа отъ крѣпостной зависимости.

Вообще принято относить Плещеева къ поэтамъ второстепеннымъ, но гдѣ мѣрка для раздѣленія поэтовъ на разряды? Болѣе правъ на мѣсто первостепеннаго поэта имѣетъ тотъ, кто дольше проживетъ въ грядущихъ поколѣніяхъ. А муза Плещеева никогда не утратитъ своего обаянія, потому что она служила не одному преходящему интересу дня, а и вѣчнымъ идеаламъ добра и правды.

Въ частности поэтъ заслуживаетъ величайшей благодарности за теплое отношеніе его дѣтеки чистой души къ дѣтямъ. Его стихотворенія для дѣтскаго возраста, въ устномъ чтеніи всегда будутъ представлять лучшую прелесть дѣтскаго лепета. Такъ легко и такъ охотно заучиваются эти стихи крошечными малютками!

Кромѣ того, въ продолженіе многолѣтней своей литературной дѣятельности, Плещеевъ успѣлъ познакомить русскую читающую публику, въ переводахъ, почти со всѣми болѣе или менѣе извѣстными современными ему европейскими поэтами. Какъ переводчикъ, по умѣнью схватывать духъ подлинника, Плещеевъ занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду русскихъ поэтовъ, близкое къ Жуковскому. Онъ переводчикъ рѣшительно со всѣхъ языковъ.

Онъ работалъ много и въ трудѣ была его жизнь и наслажденіе.

Хирьяковъ.

Элегическій характеръ общаго настроенія поэзіи Плещеева, ея бодрящая сила и призывный кличъ на служеніе ближнимъ.

А. Н. Плещеевъ — одинъ изъ самыхъ задушевнѣйшихъ русскихъ лириковъ, широко просвѣщенный образованіемъ, относящійся къ жизни и оцѣнивающей эту жизнь сообразно ясно намѣченному нравственному идеалу личности и обществу. Общее настроеніе этого поэта — элегическое. Скорбь о друзьяхъ, отнятыхъ могилой, благодарное о нихъ воспоминаніе, сожалѣніе о несбывшихся надеждахъ юности, опасеніе, какъ бы не утратить, при враждебныхъ обстоятельствахъ, среди пошлости окружающаго своего нравственнаго достоинства, постоянное стремленіе сохранить воспримчивость къ лучшимъ явленіямъ жизни, желаніе возрожденія, страхъ какъ бы не привыкнуть къ окружающему смраду дѣйствительности, — вотъ мотивы этой поэзіи, на которые указывала критика еще въ концѣ пятидесятихъ годовъ. Но это элегическое настроеніе отнюдь не то вѣчно ноющее чувство безпричинной тоски, которое такъ надоѣдливо слышится у изломанныхъ жизнью поэтиковъ, кокетничающихъ разочарованностію. Грусть Плещеева — грусть настоящая, идущая изъ глубины сердца и нравственной требовательности, почему и дышитъ

здоровымъ духомъ, не разслабляя челоуѣка и не повергая его въ безплодное отчаяніе. Несмотря на все пережитое, на весь мракъ окружающаго, поэтъ все же вѣрить въ жизнь, если не въ настоящую, то въ ту лучшую нравственную личную и общественную, которая непременно, рано или поздно, все же наступить должна. Поэтому-то поэтъ и любитъ такъ молодое поколѣніе, для котораго онъ, единственный изъ нашихъ крупныхъ поэтовъ, написалъ столько прекрасныхъ стихотвореній. Задушевностію, трогательной простотой незлобиваго сердца, чутко отзывающагося на чужія страданія, вѣтъ отъ всей этой поэзіи не только оригинальной, но и переводной: ибо поэтъ всегда выбиралъ изъ иностранной литературы только то, что наиболѣе подходило къ его собственному характеру. Что-то слышится въ этой поэзіи свѣжее, молодое, общечеловѣческое... И это-то особенно привлекательно въ Плещеевѣ, сумѣвшемъ до преклонныхъ лѣтъ сохранить, несмотря на всѣ колебанія и перемѣны настроеній общества, теплую вѣру въ жизнь, людей, высокій идеаль добра и правды, и всегда относиться съ любовью къ молодежи. Самая старость, на которой останавливается онъ много разъ, не имѣетъ у него и тѣни нравственной дряблости, дряхлости, озлобленности, упадка силъ... Это старость, сохранившая въ себѣ все, что было запасено добраго челоуѣкомъ въ золотые годы юности; это старость, не надломленная даже тяжкимъ опытомъ жизни, — старость снисходительная, прощающая врагамъ, съ любовью и надеждой обращающая угасающій взоръ на юношество:

Лишь одного житейскій гнетъ
Убить въ душѣ моей не въ силахъ,
Одно въ ней только не умереть
Хотя и будетъ въ этихъ жилахъ
Струиться старческаая кровь: —
Къ отважной юности любви!
Когда, толпясь вокругъ меня,
Кишитъ младое поколѣнье,
Иного, радостнаго дня
Разсвѣтъ я вижу въ отдаленіи
И говорю съ восторгомъ я:
«Богъ помочь, братья и друзья!
Несите твердою рукою
Святое знамя жизни новой,

Не отступая предъ толпой,
Бросать каменьями готовый
Въ того, кто сонъ ея смутить,
Чья рѣчь, какъ Божій мечъ, раз-
зигъ.
Богъ помочь, братья и друзья!
Когда жъ желанный день наста-
нетъ,
Пусть ваша дружная семья
Отжившихъ насъ добромъ помя-
нетъ —
Насъ всѣхъ, чья молодость прошла
Въ борьбѣ съ гнеущей силой
зла!»

Если къ этимъ мотивамъ присоединить еще возвышенныя требованія отъ поэта и поэзіи («Поэту», «Памяти А. С. Пушкину»), любовь къ природѣ («Лѣтнія пѣсни», «Природа-мать, къ тебѣ иду...») и трогательное отношеніе къ женщинамъ, какъ существу, согрѣвающему, облагораживающему челоуѣка, то и этихъ мотивовъ, кажется, довольно, чтобы признать за поэзіей Плещеева значеніе весьма существенное. Но, что всего выше въ этой поэзіи, это — та бодрящая,

(1) О юность, юность, гдѣ же ты? Стихотв. Плещеева, стран. 128.

звующая къ добру, сила — сила честнаго призыва къ служенію ближнимъ, которая красною нитью проходитъ черезъ всю, почти полу-вѣковую, дѣятельность покойнаго. Такой бодрой, энергической ноты, и въ такихъ задушевныхъ аккордахъ, и притомъ, такъ часто повторяющейся, кажется, не встрѣчаемъ мы ни у одного изъ нашихъ поэтовъ, и въ этомъ его великая заслуга и ободряющее вліяніе на современниковъ и потомство.

Еще двадцатилѣтнимъ юношей, почти въ самомъ началѣ своего литературнаго поприща, пишетъ онъ свой знаменитый гимнъ:

Впередъ — безъ страха и сомнѣнья
На подвигъ доблестный, друзья!
Зарю святого обновленья
Ужъ въ небесахъ завидѣлъ я!

Провозглашать любви ученье
Мы будемъ нищимъ, богачамъ,
И за него снесемъ гоненье,
Противъ озлобленнымъ врагамъ!

Смѣлѣй! дадимъ другъ другу руки
И вмѣстѣ двинемся впередъ,
И пусть подъ знаменемъ науки
Союзъ нашъ крѣпнетъ и расцветъ!

Блаженъ, кто жизнь въ борьбѣ кровавой
Въ заботахъ тяжкихъ истощилъ,
Какъ рабъ лѣнивый и лукавый,
Талантъ свой въ землю не зарылъ!

Жрецовъ грѣха и лжи мы будемъ
Глаголомъ истины карать,
И спящихъ мы отъ сна разбудимъ
И поведемъ на битву рать!

Пусть вамъ звѣздой путеводной
Святая истина горитъ,
И вѣрьте, голосъ благородный
Не даромъ въ мирѣ прозвучитъ!

Не сотворимъ себѣ кумира
Ни на землѣ ни въ небесахъ;
За всѣ дары и блага міра
Мы не падемъ предъ нимъ вопрахъ!...

Внемлите жъ, братья, слову брата,
Пока мы полны юныхъ силъ:
Впередъ, впередъ, и безъ возврата,
Чтобъ рокъ вдали намъ ни сулилъ.

Тотъ же энергическій мотивъ слышится и въ другихъ раннихъ произведеніяхъ, напр. «Сонъ», и особенно — Поэту:

Да, вѣрь: любви и примиренья
Пора желанная придетъ,

И миръ, прозрѣвъ твое ученье,
Тебя великимъ назоветъ!

Но пришлось замолкнуть поэту на долгіе годы. Въ пятидесятихъ годахъ глубокой грустью зазвучали новыя пѣсни, но и между минорными нотами вдругъ опять зазвучалъ въ стихотвореніи «Раздумье» тотъ же прежній бодрящій голосъ:

Но пусть душа больная не согрѣта,
А съ жизнью все-таки разстаться было бъ жаль,
И хотя не вижу я ограднаго развѣта,
Еще невольно взоръ съ надеждой смотритъ вдаль.

Еще большей энергіей дышитъ пѣса: «Онъ шелъ безропотно тернистою дорогой»:

О нѣтъ, не вѣрю я! Не вовсе заглушили
Въ насъ голосъ истины корысть и суета:
Еще настанетъ день... Вдохнетъ и жизнь и силу
Въ нашъ обветшалый миръ ученіе Христа!

Еще полнѣе такое поднимающее духъ настроеніе находимъ въ тотъ же періодъ пятидесятихъ годовъ въ пьесѣ: «Не говорите, что напрасно:

Не говорите, что напрасно,
Что для бесплодной лишь борьбы,
Стремлений чистыхъ и прекрасныхъ
Дано вамъ столько отъ судьбы.

—
Что все, чѣмъ полно сердце нынѣ,
Подавить жизни тяжкій гнетъ;
Что все растрачено въ пустынѣ,
Что дать могло бы цвѣтъ и плодъ.

—
Къ чему напрасны сомнѣнья?
Идите смѣлою стопой;

Вы не изъ тѣхъ, въ комъ увлеченья
Съ лѣтами гаснетъ жаръ святой.

—
Пусть духъ извѣдаетъ страданье,
Въ борьбѣ пусть будетъ закаленъ;
И изъ горнила испытанья
И чистъ и крѣпокъ выйдетъ онъ.

—
Храните жъ чистыя химеры
Души возвышенной своей,
И животворный пламень вѣры
Пусть до конца не гаснетъ въ ней!

Тѣ же мотивы слышатся и въ прекрасномъ стихотвореніи: «Передъ тобой лежитъ широкій долгій путь...», ободряющіе человѣка идти всегда неуклонно по пути добра, утѣшая себя тѣмъ, что если

подобравъ старости, въ раздумья часъ печальный,

Ты скажешь: и въ мірѣ я оставилъ добрый слѣдъ,

И встрѣтить я могу спокойно мигъ прощальный,

Ты будешь счастливъ другъ: много счастья нѣтъ...

Но вотъ послѣ оживленія общества въ концѣ пятидесятихъ годовъ наступаетъ мало-по-малу реакція.. Особой грустью отзывается поэзія Плещеева въ шестидесятихъ годахъ, но и тутъ вдругъ нѣтъ, нѣтъ, да и раздастся, какъ, напр., въ стихотвореніи «Призраки»:

Исчезните, зловѣщія видѣнья!
Я не пойду на вашъ печальный зовъ!
Я жить хочу! Страданья и волненья
Я чашу полную испытъ до дна готовъ!

—
И до конца я вѣры не утрачу,
Что озаритъ нашъ міръ любви и прав-
ды свѣтъ...
Пускай я здѣсь, какъ въ морѣ капля
значу,

Но каждый честный бой оставить
долженъ слѣдъ.

—
Исчезните! А вы, святые звуки,
Вы силу новую въ мою вдохните
грудь!

—
Хотя бы жизнь однѣ сушила муки,
Я бодро встрѣчу ихъ, благоговивъ
свой путь!

Вереницей проходятъ передъ очами старѣющаго поэта семидесятыя и восьмидесятыя годы, и мало даютъ ему радостей. Онъ отдается журнальной работѣ, переводитъ стихами множество прекрасныхъ вещей, удивительно передающихъ подходящій къ его характеру оригиналь, пишетъ прелестныя стихотворенія для дѣтей; оригинальныя вещи его опять полны скорби, оплакивающей современное общественное настроеніе. Но бодрящій, энергическій мотивъ не вовсе оставляетъ печальнаго поэта. Вотъ какъ обращается онъ, на примѣръ, въ стихотвореніи, специально написанномъ для одного

изъ литературныхъ вечеровъ въ пользу нуждающихся учениковъ Ларинской гимназiи, къ наставникамъ юношества:

Блаженны вы, кому дано
Посвятить въ юныя сердца
Любови и истины зерно.
Свершайте жъ честно до конца
Свой подвигъ трудный и благой,
И нѣтъ награды выше той,
Что васъ за этотъ подвигъ ждетъ:

Роскошный цвѣтъ обильный плодъ
При жизни вашей принесетъ
Добро, посѣянное вами.
Когда жъ пробьетъ прощальный часъ
Съ благоговѣньемъ и слезами
Опуститъ въ землю юность васъ.

А какимъ здоровымъ чувствомъ проникнуто, напр., пожеланiе на 1 января 1886 года:

Вѣсьмъ трудящимся на благо
Стороны своей родной,
Вѣсьмъ, ее ведущимъ къ свѣту,
И безтрепетной рукой
Высоко несущимъ знамя
Правды вѣчной и святой;
Вѣсьмъ, кто избралъ подвигъ трудный
И не ждетъ себѣ вѣнца;
Пожелаемъ нынче, братья,

Чтобъ остались до конца
Вѣрны чистымъ идеаламъ
Въ битвѣ жизни ихъ сердца.
Пожелаемъ, чтобъ не меркнулъ
Правды лучъ въ краю родномъ,
Чтобъ волной широкой знанье
Разлилось повсюду въ немъ,
И чтобъ мiра кроткiй генiй
Осѣнилъ его крыломъ!

или извѣстное стихотворенiе «Памяти Пушкина» (Мы чтить тебя при-
выкли съ юныхъ лѣтъ) и, наконецъ, одно изъ самыхъ послѣднихъ
произведенiй тоже на новый, кажется, 1889 годъ:

За васъ, правдивыя и чистыя сердца,
Чья жизнь — упорный бой во имя
идеала,
Въ комъ голосъ истины корысть не
заглушала,
Златого никогда не чтившiе тельца, —
За васъ, кто возлюбивъ вѣсьмъ серд-
цемъ свой народъ
И родину свою, себя имъ на служенье
Обрѣкъ и, радости исполненной, идетъ
Путемъ суроваго труда и отреченья, —
Провозглашаю тостъ я въ этотъ Но-
вый годъ.

И въ память тѣхъ борцовъ, похищен-
ныхъ могилой,
Кто насъ служить добру и правдѣ при-
зывалъ,
Чье слово мысль въ умахъ, въ серд-
цахъ любовь будило,
Я подымаю свой наполненный бокаль.
Миръ праху ихъ, — они здѣсь жили не
безплодно,
И свѣточъ, что зажгли ихъ честные
умы,
Насъ ободрялъ не разъ среди глубо-
кой тьмы,
Сiяя намъ звѣздой путеводной...

Такъ-то, съ самаго начала почти пятидесятилѣтней дѣятельности
поэта до самой почти его смерти, на ряду съ здоровой грустью надъ
личнымъ горемъ, старымъ и новымъ, и надъ все болѣе и болѣе уве-
личивающимся принижениемъ общества въ его лучшихъ стремле-
нiяхъ, все-таки никогда не перестаетъ звучать благородный голосъ
поэта, зовущiй это общество впередъ и впередъ подъ знаменемъ
науки и въ дружномъ союзѣ всѣхъ честныхъ людей.

Этотъ мотивъ, помимо всѣхъ другихъ несомнѣнныхъ достоинствъ,
скромной и задушевной элегической музыки усоншаго, никогда не за-
будется въ нашей литературѣ и какъ память о человѣкѣ, котораго

благородный голосъ, почти одиноко, смѣло звучалъ «среди ликующаго зла», оплакивая падшихъ, ободряя ослабѣвающихъ, напоминалъ забываемое или забытое, звалъ впередъ, хотя бы и по тернистому пути, къ свѣту, поддерживая отчаявшихся твердою вѣрою въ наступленіе лучшаго будущаго, укрѣпляя въ людяхъ сознание въ томъ, что истинное счастье только въ любви къ людямъ, въ прощеніи обидъ, въ помощи слабымъ и несчастнымъ, въ служеніи обществу и родинѣ, вооружившись духовной энергіей и наукой.

Велика заслуга того поэта, кто сѣялъ въ своихъ современникахъ сѣмена такихъ идей и чувствъ, и Плещеевъ — изъ числа такихъ поэтовъ, и въ этомъ его главная сила и значеніе, и не для однихъ только современниковъ. Вѣрный и въ жизни тому, что онъ пѣлъ въ своихъ пѣсняхъ, А. Н. Плещеевъ — поэтъ очень замѣчательный и по серьезности, идейности содержанія, и по дару образности, музыкальности, часто большой силѣ и всегда необыкновенной простотѣ, искренности и задушевности своего стиха. Онъ — поэтъ личной и общественной совѣсти, печальная Ніоба попрайныхъ идеаловъ и несбывшихся упованій; но вмѣстѣ съ тѣмъ — поэтъ, всегда находившій въ себѣ силы, подобно древнему Тиртею, звать своихъ согражданъ на борьбу, — только не на кровавую, какъ этотъ пѣвецъ-воинъ, а на духовную, съ нравственнымъ зломъ и опощлѣніемъ. Чаше заглядывай въ самого себя, чтобы не зачерствѣть, не смириться передъ зломъ и пошлостью; никогда не забывай вынесенныхъ изъ юности идеаловъ; до старости оставайся бодръ духомъ и чистъ сердцемъ — вотъ мораль поэта, вотъ его общественное значеніе. Это поэтъ, сохранившій въ самомъ себѣ сокровище великое — «чистую совѣсть, человекъ, въ которомъ до самой смерти «сердце билось, какъ и прежде, горячей вѣрой въ добро и людей», «хотя много отъ него отшатнулось людей», и хотя — какъ говоритъ онъ своему другу въ стихотвореніи «Старики»:

Пыль неперпѣнья въ душѣ охладилъ,	Насъ за ошибки корила она.
Свергли не мало кумировъ года,	Знаемъ мы оба: какъ время наста-
Но и кумирамъ толпы не кадили	нетъ
Въ чаяннхъ благъ мы земныхъ никогда;	Намъ отъ житейскихъ трудовъ отдох-
Съ пѣной у рта не бросали камня	нуть,
Въ юность кипучую, если, полна	Лихомъ она стариковъ не помянетъ,
Гордой отваги, въ пылу увлеченья	Скажутъ: они пролагали намъ путь.

И поэтъ правъ: честное имя его не умереть. Потомокъ, на ряду съ обличительной музой Некрасова, безпощадной сатирой Салтыкова, также взывавшаго вспомнить *забытыя слова*, поставитъ и элегическую поэзію Плещеева, полную такой прелести, красоты, теплой любви къ людямъ вообще, дѣтямъ и юношамъ, которые придутъ на смѣну намъ, старикамъ, сходящимъ въ могилу.

Острогорскій.

Отзывчивость музы Плещеева на недуги вѣка и вѣчныя страданія.

Стихи къ дѣвѣ и лунѣ кончились навсегда. Настаетъ другая эпоха: въ ходу сомнѣніе и безконечныя муки сомнѣнія, страданіе общечеловѣческими вопросами, горькій плачь на недостатки и бѣдствія челоуѣчества, на неустроенность общества, жалобы на мелочь современныхъ характеровъ и торжественное признаніе своего ничтожества и безсилія; проникнутыя лирическимъ паѳосомъ воззванія на доблестный подвигъ, стремленіе къ вѣчному идеалу, къ истинѣ, — вотъ что теперь въ ходу!... Таковъ духъ времени. Поле обширное для дѣятельности почетной и благотворной. Первый толчокъ данъ, разумѣется, талантами могучими и самобытными, которые сдѣлали и дѣлаютъ на этомъ полѣ много добраго. Они заставили современнаго челоуѣка добросовѣстнѣе и глубже взглянуть вокругъ себя и на самого себя; они внесли въ общество этотъ духъ анализа, который не далъ современному челоуѣку спокойно ни спать ни дѣйствовать. Зданіе неподвижности пошатнулось. Всѣмъ стало какъ-то неловко. И теперь многое принесутъ въ жертву своему честолюбію, но уже не сдѣлаютъ этого такъ спокойно, какъ прежде. И теперь... но зачѣмъ много примѣровъ?... Направленіе, о которомъ мы говоримъ, отразилось и на русской литературѣ, и отразилось небезплодно. Въ нынѣшнемъ (1846) году, въ лицѣ Плещеева, оно имѣетъ своего представителя исключительно въ русской поэзіи. Въ томъ жалкомъ положеніи, въ которомъ находится наша поэзія со смерти Лермонтова, Плещеевъ — безспорно первый нашъ поэтъ въ настоящее время. Какъ великъ чинъ перваго поэта въ такое время, какъ наше, знаютъ всѣ тѣ, которые сколько-нибудь слѣдятъ за нашими нынѣшними стихотворцами и ихъ произведеніями. Мы знаемъ только, что Плещеевъ — первый нашъ поэтъ. Прочіе поэты, какіе есть у насъ, появляются лишь изрѣдка, набѣгами, большею частію, въ журналахъ и альманахахъ, и давно уже не издаютъ своихъ стиховъ отдѣльно — и хорошо дѣлаютъ! Тамъ, въ альманахѣ или журналѣ, между прочимъ, прочтутъ и ихъ, иногда даже и похваляютъ, изрѣдка и очень, очень похвалятъ: самолюбіе удовлетворено, стихи забыты — и все въ порядкѣ! Но выйти въ свѣтъ въ наше время съ отдѣльною книжкою стихотвореній — шагъ сколько опасный, столько же и рѣшительный, борьба на жизнь или смерть! Что-нибудь одно — или завоевать себѣ публику, или убить себя наповаль? середины быть не можетъ. Первое очень трудно, и надо имѣть большую увѣренность въ своихъ силахъ, чтобъ итти на такое завоеваніе; второе... но кому же охота убивать себя?... Итакъ, кто рѣшается на такой шагъ, тотъ надѣется на свои силы. Плещеевъ надѣется на свои силы, и не безъ основанія. Онъ, какъ видно изъ его стихотвореній, взялся за дѣло поэта по призванію; онъ сильно сочувствуетъ вопросамъ своего вре-

мени, страдаетъ всѣми недугами вѣка, болѣзненно мучится несовершенствами общества и сгораеть нетщето жаждою споспѣшествовать его совершенствованію и торжеству на землѣ истины, любви и братства. Долю въ великомъ и благородномъ трудѣ совершенствованія челоуѣчества взялъ онъ на себя не по прихоти, не ради моды, но, какъ мы уже сказали, по призванію. Разъ, когда лежалъ онъ подъ густымъ яворомъ, и двурога я луна сіяла надъ нимъ въ лазурной вышинѣ, а море издавало унылый гуль, усталые глаза поэта сомкнулись сномъ и вдругъ явилась ему богиня, избравшая его пророкомъ. Но лучше представимъ стихи, гдѣ поэтически воспроизведенъ этотъ фактъ изъ жизни поэта:

Истерзанный тоской, усталостью томимъ,
Я отдохнуть прилежъ подъ яворомъ густымъ
Двурога я луна, какъ серпъ жнеца кривой,
Въ лазурной вышинѣ сіяла надо мной.
Молчало все кругомъ... Прозрачна и ясна,
Лишь о скалу порой дробилася волна.
Въ раздумьи слушалъ я унылый моря гуль,
Но скоро сонъ глаза усталые сомкнулъ.
И вдругъ, явилась мнѣ, прекрасна и свѣтла
Богиня, что меня пророкомъ избрала.
Чело зеленый миртъ вѣнчалъ листьями ей,
И падалъ по плечамъ златистый шелкъ кудрей.
Огнемъ любви святой былъ взоръ ея согрѣтъ.
И разливалъ на все онъ теплоту и свѣтъ,
Благоговѣнья полнъ, лежалъ недвижимъ я
И ждалъ священныхъ словъ, дыханье притая.
Но вотъ она ко мнѣ склонилася и рукой
Коснулася груди изрытой и больной.
И, наконецъ, уста разверзлися ея,
И вотъ, что услышалъ тогда я отъ нея:
«Страданьемъ и тоской твоя томится грудь,
А предъ тобой лежитъ еще далекій путь.
Скажу ль я, что тебя въ твоей отчизнѣ ждетъ?
Подыметъ на тебя каменья твой народъ.
Зато, что обвинишь могучимъ словомъ ты
Рабовъ грѣха, рабовъ постыдной суеты!
Зато, что возвѣстишь ты мщенья грозный часъ
Тому, кто въ тинѣ зла и праздности погрязъ;
Чье сердце не смущалъ гонимыхъ братьевъ стонъ
Кому закономъ былъ отцовъ его законъ!
Но не страшися ихъ и знай, что я съ тобой,
И камни пролетятъ надъ гордой головой.
Въ цѣпяхъ ли будешь ты, не унывай и вѣрь;
Я отопру сама темницы мрачной дверь.
И снова ты пойдешь, избранный мой левитъ,
И въ мѣрѣ голосъ твой не даромъ прозвучитъ.
Зерно любви въ сердца глубоко западетъ:
Придетъ пора, и дастъ оно роскошный плодъ.
И челоуѣку той поры недолго ждать,
Недолго будетъ онъ томиться и страдать,
Воскреснетъ къ жизни мѣръ... Смотри, ужъ правды лучъ

Прозрѣвшимъ племенамъ сверкаетъ изъ-за тучъ!..
 Иди же, вѣры полнь!... И на груди моей
 Ты скоро отдохнешь отъ муки и скорбей».
 Сказала... и потомъ сокрылася она;
 И пробудился я, взволнованный, отъ сна.
 И истинѣ святой, исполненъ новыхъ силъ,
 Я далъ обѣтъ служить, какъ прежде ей служилъ.
 Мой падшій духъ возсталъ и утѣсеннымъ вновь
 Я возвѣщать пошелъ свободу и любовь.

Этимъ стихотвореніемъ начинается книжка Плещеева. Плещеевъ вообще нерѣдко говоритъ въ своихъ стихахъ о самомъ себѣ; но это не плаксивыя жалобы на судьбу, не стоны разочарованія, не тоска по утраченномъ личномъ счастьи, — нѣтъ это вопли души, раздраемой сомнѣніемъ, глухая и упорная битва съ дѣйствительностью, безобразіе которой глубоко постигнуто поэтомъ, и среди которой ему душно и тѣсно, какъ въ смрадной темницѣ. Онъ хотѣлъ бы выломить желѣзныя рѣшетки, отворить двери и окна, чтобы, пропустивъ въ это жилище мрака и зловонія живительный лучъ солнца, благоуханную струю свѣжаго воздуха, дать отогрѣться и вздохнуть вольною грудью своимъ страдающимъ, изнеможеннымъ и безсильнымъ братьямъ; но онъ одинъ... одинъ посреди этого хаоса личныхъ интересовъ и эгоизмовъ, сталкивающихся и путающихся между собою и гуломъ борьбы своей заглушающихъ его голосъ... Но голосъ его не слабѣетъ; изнемогая въ борьбѣ, но далекій отъ того, чтобъ уступить, безславно бѣжать съ поля, онъ восклицаетъ къ своимъ друзьямъ:

Впередъ! безъ страха и сомнѣнья
 На подвигъ доблестный, друзья!...
 Смѣлѣй! Дадимъ другъ другу руки,
 И вмѣстѣ двинемся впередъ,
 И пусть подъ знаменемъ науки
 Союзъ нашъ крѣпнетъ и растетъ.
 Жрецовъ грѣха и лжи мы будемъ
 Глаголомъ истины карать,
 И спящихъ мы отъ сна разбудимъ
 И поведемъ на битву рать!
 Не сотворимъ себѣ кумира
 Ни на землѣ, ни въ небесахъ;
 За всѣ дары и блага міра

Мы не падемъ предъ нимъ во-прахъ!
 Провозглашать любви ученье
 Мы будемъ нищимъ, богачамъ,
 И за него снесемъ гоненье,
 Простивъ озлобленнымъ врагамъ!
 Блаженъ, кто жизнь въ борьбѣ кровавой,
 Въ заботахъ тяжкихъ истощилъ,
 Какъ рабъ лѣнивый и лукавый,
 Талантъ свой въ землю не зарылъ!
 Пусть намъ звѣздой путеводной
 Святая истина горитъ,
 И вѣрьте, голосъ благородный
 Не даромъ въ мірѣ прозвучитъ!

Вотъ что восклицаетъ Плещеевъ къ друзьямъ своимъ. Самая исторія личныхъ страданій поэта (а судьба щедро надѣлила Плещеева страданіями) тѣсно связана съ его произведеніями. Онъ любилъ, и любовь не принесла ему тѣхъ радостей, которыя таятся въ задушевномъ размѣнѣ съ любимымъ существомъ сокровеннѣйшихъ и завѣтнѣйшихъ тайнъ сердца. Увы, онъ обогналъ въ развитіи своемъ ту, которая владѣла его сердцемъ, и, какъ другой не менѣе замѣчательный поэтъ, постигнутый тою же участью и оплакивавшій эту

мрачную катастрофу въ жизни своей этими многозначительными стихами:

Мнѣ стыдно женщину любить
И не назвать ее сестрой, —

Плещеевъ восклицаетъ:

Мы близки другъ другу... я знаю,
Но чужды по духу!

И далѣе:

Мнѣ все суждено ненавидѣть,
Что рабски привыкла ты чтить!...

Итакъ, должно разстаться. Разстаться!...

И вотъ поэтъ одинъ!... Ужасна участь могучей личности, одиноко стоящей посреди равнодушной толпы, погруженной въ пошлые интересы свои!... Онъ когда-то любилъ «прославлять Вакха», но сомнѣніе отравило бокаль съ шипучимъ нектаромъ, къ которому онъ нѣкогда прикладывался, и онъ бѣжитъ отъ мѣста ликованья, и стыдно, стыдно ему...

И стыдно, стыдно мнѣ... Отъ мѣста ликованья,
Взволнованъ, я бѣгу подъ мой смиренный кровъ:
Но тамъ гнететъ меня ничтожество сознанья,
И душу всю тогда я выплакать готовъ...

Выпишемъ еще вполнѣ стихотвореніе «Прости», чтобы довершить побѣду поэта надъ вниманіемъ читателей, столь равнодушныхъ къ поэзій:

Прости, прости, настало время,
Разстаться должно намъ съ тобой!
Бѣлѣетъ парусъ мой, и звѣзды
Зажглися въ тверди голубой,
О, дай усталой головою
Еще на грудь твою прилечь:
Въ послѣдній разъ облить слезами
И шелкъ волосъ и мраморъ плечь.
А тамъ разстанемся надолго...
Когда же мы сойдемся вновь,

Дитя, въ сердцахъ, быть можетъ, холоды
Замѣнить прежнюю любовь!
Быть можетъ, дерзко все былое
Тогда мы вмѣстѣ осмѣемъ, —
Хотя украдкой другъ отъ друга
Слезу невольную прольемъ...
Прости же, другъ! Полна печали
Душа моя... Но часъ насталь,
И въ путь нетерпѣливый плескомъ
Зоветъ меня серебряный вальс...

Майковъ.

Педагогическое значеніе стихотвореній Плещеева для дѣтскаго возраста въ связи съ характеристикой личности ихъ автора.

Два бодрыхъ и жизнерадостныхъ мотива слышатся сильнѣе всего въ началѣ поэтического творчества Плещеева: это — горячій призывъ къ общественной дѣятельности и твердая вѣра въ близкую побѣду истины надъ ложью, добра надъ зломъ:

Впередъ — безъ страха и сомнѣнья
На подвигъ доблестный, друзья!...
Жрецовъ грѣха и лжи мы будемъ
Глаголомъ истины карать,
И спящихъ мы отъ сна разбудимъ,
И поведемъ на битву рать!...
Пусть намъ звѣздой путеводной
Святая истина горитъ,
И, вѣрныя, голосъ благородный
Не даромъ въ міръ прозвучитъ.

Правда, Плещеевъ не сомнѣвался, что путь, по которому онъ хотѣлъ идти и къ которому призывалъ своихъ читателей, далеко не легокъ: много придется на немъ истратить силъ въ неравной борьбѣ, много тосковать и томиться. Но та богиня, которой желалъ служить поэтъ, богиня истины, добра и любви къ ближнему, не покинетъ своего избранника. Она придетъ къ нему, утѣшитъ и вдохнетъ въ него новыя силы:

Въ дѣляхъ ли будешь ты, — не унывай и вѣрь,
Я отопру сама темницы мрачной дверь.
И снова ты пойдешь, избранный мной левить,
И въ мірѣ голосъ твой не даромъ прозвучитъ.
Зерно любви въ сердца глубоко западетъ:
Придетъ пора — и дастъ оно роскошный плодъ.
И человѣку той поры не долго ждать,
Не долго будетъ онъ томиться и страдать.
Воскреснетъ къ жизни міръ... Смотри, ужъ правды лучъ
Прозрѣвшимъ племенамъ сверкаетъ изъ-за тучъ!
Иди же, вѣры полнѣ...

Вращавшійся въ кругу идеально настроенной молодежи, проникнутой социалистическими идеями, Плещеевъ искренно вѣрилъ, что скоро

..... пронесутся	И гордыхъ власть предъ нимъ смирится,
Дни бѣдствій, горя и тревогъ...	И смолкнетъ ненависть племень...
Навѣки въ мірѣ водворится	Да, вѣрь: любви и примиренья
Священной истины законъ,	Пора желанная придетъ...

Плещееву казалось даже, что эта желанная пора будетъ плодомъ дѣятельности его и его современниковъ.

Но жизнь не замедлила жестоко разбить мечты молодого поэта, по крайней мѣрѣ, мечты о близкомъ счастьѣ на землѣ. За свои благородныя альтруистическія убѣжденія онъ заплатилъ далекой ссылкой, и тамъ, оторванный отъ друзей и соратниковъ, впервые увидѣлъ жизнь во всей ея неприглядной пошлости, впервые понялъ, какъ сильно еще царить въ ней зло, и какъ далеки отъ исполненія его вольнолюбивые идеалы. И въ отвѣтъ на разбитыя мечтанія, на надломленную ссылкой жизнь въ поэзіи Плещеева раздались звуки разочарованія и скорби:

Не вижу я вокругъ отраднаго разсвѣта:
Повсюду ночь да ночь, куда ни бросишь взоръ.
Исчезли безъ слѣда мои младыя лѣта,
Какъ въ зимнихъ небесахъ сверкнувшій метеоръ.
Какъ мало радостей они мнѣ подарили,
Какъ скоро свѣтлыя разсѣялись мечты!
Морозы ранніе безжалостно побили
Безпечной юности любимые цвѣты.
И чистыхъ помысловъ и жаркихъ упованій
На жизненномъ пути растратилъ много я;
Но средь неравныхъ битвъ, средь тяжкихъ испытаній
Что жъ обрѣла взамѣнъ всѣхъ грезъ душа моя?

Увы! лишь жалкое въ себѣ разувѣренье,
 Да убѣжденіе въ бесплодности борьбы,
 Да мысль, что ни одно правдивое стремленье
 Ждать не должно себѣ пощады отъ судьбы.
 И даже ты моимъ призывамъ измѣнила,
 Друзей свободная и шумная семья!
 Привѣта братскаго живительная сила
 Мнѣ не вращуетъ духъ въ тревогахъ бытія.

Въ эти тяжелыя минуты жизни поэтъ не отказался все-таки отъ своихъ идеаловъ, а только перенесъ возможность ихъ осуществленія въ отдаленное будущее; нравственныя же силы для борьбы со зломъ и отдыхъ для своего измученнаго сердца онъ сталъ искать уже не въ мечтахъ о близкомъ торжествѣ своихъ убѣждений, а въ тѣхъ свѣтлыхъ сторонахъ и явленіяхъ жизни, которыя присущи ей всегда: въ природѣ и въ чистомъ мірѣ дѣтей. Природа успокоивала его, а въ дѣтяхъ, въ юношествѣ онъ видѣлъ залогъ лучшаго будущаго:

Первый гость нашъ — за науку	Пусть отчина дорогая
И за юношей — второй!	И великій нашъ народъ
Пусть горитъ имъ свѣточъ знанья	Въ нихъ борцовъ неколебимыхъ
Путеводною звѣздой	За добро и свѣтъ найдеть!

Но и помимо мысли о томъ, что дѣти явятся со временемъ болѣе счастливыми поборниками его идеаловъ, Плещеевъ любилъ свѣтлую дѣтскую среду, отдыхая въ ней душою отъ житейскаго зла и горя:

Люблю я васъ, курчавыя головки!
 Вашъ звонкій смѣхъ, и ваша бѣготня,
 И хитрости ребяческой уловки, —
 Все веселитъ, все радуетъ меня.
 Гляжу на васъ въ сердечномъ умиленьи,
 Житейскихъ нуждъ забывъ тяжелый гнетъ...

Вполнѣ естественно, что, относясь такъ любовно къ дѣтямъ, Плещеевъ удѣлилъ имъ и значительную долю своего поэтическаго творчества: стихотворенія для дѣтскаго возраста занимаютъ довольно большой отдѣлъ въ полномъ собраніи его произведеній. Не предрѣшая пока вопроса о степени художественнаго достоинства и воспитательнаго значенія этихъ стихотвореній, замѣтимъ лишь, что они могутъ представлять двоякій интересъ. Какъ дѣтское чтеніе, они любопытны со стороны педагогической; какъ продуктъ творчества Плещеева, они важны для характеристики личности самого поэта.

Въ первомъ случаѣ необходимо выяснитъ, какіе образы, чувства и думы будятъ они въ душѣ маленькаго читателя, во второмъ — въ какомъ отношеніи находится ихъ идейное содержаніе съ остальными произведеніями поэта, и не вносятъ ли они новыхъ данныхъ для освѣщенія его духовнаго облика.

Дѣло въ томъ, что, бесѣдуя съ дѣтьми, нельзя безнаказанно вносить съ собою какую бы то ни было неискренность или фаль-

шивость. Если взрослога человека можно обмануть какою-либо красивой, но надуманной, фразой или позой, то ребенок способен откликнуться лишь на то, что идетъ отъ души. Поэтому-то отдѣлъ дѣтскихъ стихотвореній Плещеева и можетъ служить отчасти провѣркой нашего впечатлѣнія о нравственныхъ идеалахъ автора, вынесеннаго изъ чтенія остальныхъ его произведеній.

Съ другой стороны, въ общеніи съ дѣтьми въ человекѣ могутъ обнаружиться новыя, неизвѣстныя еще черты его личности, или уже извѣстныя раскрыться полнѣе и глубже.

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній переходимъ къ обзору стихотвореній Плещеева для дѣтскаго возраста. Въ нихъ мы найдемъ длинный рядъ разнообразныхъ и художественно исполненныхъ сценъ изъ дѣтской жизни. Скромный «Садикъ», съ запахомъ сирени, съ тѣнью душистой черемухи и кудрявыхъ липъ, съ подсолнечникомъ у входа и жужжаньемъ въ цвѣтахъ заботливыхъ пчелъ, можетъ служить лучшимъ олицетвореніемъ этого отдѣла поэзіи Плещеева. Какъ въ «Садикѣ» мы стали бы напрасно искать «блѣдныхъ лилій», «горделивыхъ георгинъ» или «правильныхъ аллей городскихъ садовъ унылыхъ», такъ и тутъ нѣтъ ничего ни сказочнаго, ни героическаго, ни грандіознаго; здѣсь все мило и привѣтливо, большею частью, непринужденно весело, а подчасъ неподдѣльно грустно и тоскливо. Общій фонъ разнообразной смѣны картинъ дѣтскихъ радостей и горя очень простъ и поэтиченъ. Чаще всего — это маленькая барская усадьба; возлѣ нея садъ, а дальше

Весь въ бѣлыхъ кувшинчикахъ	Гдѣ сотни звучатъ голосовъ;
Вокругъ него темная чаща,	И узкая вьется тропинка
	Къ нему между цѣпкихъ кустовъ...

Или это дача,

Красивый домикъ, озаренный	Благоуханье льютъ кругомъ;
Заката розовымъ лучомъ...	Балконъ уставленъ весь цвѣтами,
Кусты сирени и жасмина	Обвился плющъ вокругъ столбовъ...

Иногда дѣйствіе переносится на берегъ рѣки, въ бѣдную избушку рыбака, или на лѣсную опушку, въ полуразвалившуюся хату старика-лѣсничаго.

Дома, въ дѣтской, тихо и уютно:

Въ углу съ образами кіотъ;
Лампадка предъ ними; сіянье
Вокругъ она тихое льеть...

А въ окно, заглушая слабый свѣтъ лампадки,

Смотрить солнышко съ небесъ,
Манитъ вдаль, въ поля и рощи,
Ихъ лазоревый навѣсъ...

Подойдемъ ли мы къ другому окну —

Глядятъ изъ сада вѣтви
Березъ и тополей

виднѣется дворикъ съ конуркой Жучки, и снова «огороды и сосѣд-
ніе сады»...

Тихо въ комнатѣ... Лишь слышенъ
Ровный маятника стукъ,
Да мурлычетъ разжирѣвшій
Котъ, взобравшись на сундукъ...

И, совсѣмъ сливаясь съ этой мирной обстановкой, какъ бы рас-
плываясь въ ней,

Прикурнула няня, къ печкѣ
Прислонившись головой,
И упалъ съ колѣнъ старушки
Недовязанный чулокъ...

Жизнь и шумъ вносятъ съ собою дѣти: появились они въ ком-
натѣ — и началась бѣготня и игры, раздался смѣхъ и крикъ;
а стоитъ немного не доглядѣть старшимъ — нѣтъ конца ихъ прока-
замъ. То они потихоньку заберутся въ комодъ, гдѣ хранятся сласти,
то вытащутъ для потѣхи закладку изъ нянинныхъ святцевъ, то за-
дуютъ передъ образомъ лампадку.

Вотъ, жалуется мать, картинку
изорвали,

Куклу новую купила
И сказала: «береги»,

Спичку сѣрную важгли
А вчера ключи куда-то
Отъ комода унесли.

А гляжу: она ужъ мигомъ
Очутилась безъ ноги...

Но не въ тѣсной, хотя бы и уютной, комнатѣ проходитъ жизнь
дѣтей: ихъ тянетъ на волю.

И вотъ, какъ бы уступая горячимъ дѣтскимъ желаніямъ,

Ужъ таетъ снѣгъ, бѣгутъ ручьи,
Въ окно повѣяло весною...
Засвищутъ скоро соловьи,
И лѣсъ одѣнется листвою.
Чиста небесная лазурь,
Теплѣй и ярче солнце стало;
Пора мятежей злыхъ и бурь

Опять надолго миновала...
Всѣ лица весело глядятъ.
«Весна!» читаешь въ каждомъ взорѣ...
Но рѣзвыхъ дѣтокъ звонкій смѣхъ
И беззаботныхъ птичекъ пѣнье
Мнѣ говорятъ, кто больше всѣхъ
Природы любить обновленье!

Настушила весна, и не удержишь дѣтей дома. Стоитъ матери
уйти къ сосѣдкѣ въ гости, стоитъ задремать старушкѣ-нянѣ — и
исчезъ потихоньку Вася вмѣстѣ съ Жучкой.

Славно въ полѣ! Тамъ бумажный
Вьется змѣй подъ небеса,
И товарищей веселыхъ
Раздаются голоса...

На колѣни къ ней вскочилъ,
«Посмотри, — вскричалъ онъ, — мама,
Что жуковъ я наловилъ!»
Глазки радостью свѣтились,
И пунцовый, какъ пѣнь,
Хохоча, жучовъ на волю
Выпускалъ изъ шапки вонь.
Замеръ выговоръ невольню
На устахъ ея...

Поздно вечеромъ вернулись
Вася съ Жучкой. На крыльцѣ
Мать сидѣла, сокрушаясь
О пропавшемъ бѣглецѣ...
Вотъ вбѣжалъ онъ, запыхавшись,

Особенно привлекателенъ для дѣтей весной и лѣтомъ домикъ сѣдого лѣсника; сколько разъ, бывало, сидитъ онъ на крылечкѣ и ждетъ своихъ маленькихъ пріятелей.

Много ихъ обѣгалось къ дѣду вечеркомъ;

Шебетали, словно птички передъ сномъ:

«Дѣдушка, голубчикъ, сдѣлай мнѣ свистокъ!»

«Дѣдушка, найди мнѣ бѣленькій грибокъ!»

«Ты хотѣлъ мнѣ нынче сказку разсказать!»

«Посудилъ ты бѣлку, дѣдушка, поймать!»

— «Ладно, ладно, дѣтки, дайте только ероекъ,

Будетъ вамъ и бѣлка, будетъ и свистокъ!»

Среди такой привольной жизни безслѣдно проходятъ и забываются мимолетныя дѣтскія огорченія. Вотъ одинъ изъ примѣровъ. Подарилъ разъ дѣдъ своимъ внучатамъ тачку, грабли и лопату и обѣщаль прійти на другой день копать вмѣстѣ съ ними грядки.

И всю ночь мальчишкамъ снились

И копающаго грядки

Солнце, зелень и цвѣты

Дѣда добрыя черты...

Рано утромъ проснулись они, а на улицѣ пасмурно, идетъ дождь, «и приуныли дѣтки; молча, на окнѣ они сидятъ». Но пришель къ нимъ ихъ любимецъ-дѣдъ, началъ разсказывать имъ сказки «про лису, про колобокъ, да про квакушку лягушку, да про мышкинъ теремокъ». И забылись дѣти, заслушались, а тѣмъ временемъ успѣло ужъ выглянуть солнце, и вотъ они, обгоняя дѣда,

Скачутъ словно птички

И летятъ въ лицо имъ брызги

На сыромъ пескѣ аллей,

Съ яркой зелени вѣтвей.

Такъ же благополучно разрѣшаются въ семьѣ и болѣе тревожныя минуты, когда и дѣтямъ невольно приходится прекратить свои рѣзвыя игры и громкій смѣхъ и крикъ. Уѣхаль рыбакъ на рыбную ловлю, прошелъ день, и другой, и третій:

А его все нѣтъ!

Всѣхъ нетерпѣливѣй

Ждутъ напрасно дѣти,

Ждетъ его жена.

Ждетъ и старый дѣдъ.

Но вотъ, уже поздно вечеромъ, донеслись съ рѣки звуки знакомой пѣсни, которую тотчасъ же «заглушаетъ звонкій крикъ ребятъ», бросившихся стремглавъ навстрѣчу отцу. Веселый и невредимый вернулся онъ домой; безъ конца льются разсказы, какъ

Въ морды онъ и въ сѣти

Наловилъ всего...

А ребята въ это время радостно возятся съ его уловомъ:

Прыгаютъ, смѣются

Ими любовался

Дѣти, если вдругъ

Мѣсяць золотой.

Рыбки встрепенутся,

Ласково мерцали

Выскользнутъ изъ рукъ.

Звѣзды съ вышины,

Долго раздавался

Дѣтямъ обѣщали

Смѣхъ ихъ надъ рѣкой;

Радостные сны.

Быстро въ этихъ забавахъ пролетитъ и весна и лѣто; не успѣютъ дѣти и оглянуться, какъ снова

Тучи безъ конца,	Смолитъ деревушка
Дождикъ такъ и льется,	Сѣренькимъ пятномъ.
Лужи у крыльца...	Что такъ рано въ гости,
Чахлая рябина	Осень, къ намъ пришла?
Мокнетъ подъ окномъ;	

Скучно дѣтямъ; искренно горюетъ вмѣстѣ съ ними и старый дѣдъ; но тѣмъ радостнѣе спѣшитъ онъ рано поутру обрадовать своихъ внучатъ:

Все зимы вы ждали, дѣтки!
Надоѣла вамъ давно
Осень хмурая съ дождями;
Посмотрите же въ окно!
За ночь выпалъ снѣгъ глубокой,
И морозъ, какъ въ декабрѣ;
Ужъ впрягли въ салазки Жучку
Ребятишки на дворѣ...

Но на стараго плутишки
Недовѣрчиво глядятъ.
«Это, думаютъ, нарочно
Все онъ выдумалъ, чтобъ мы
Поскорѣй съ постели встали.

Никакой тамъ нѣтъ зимы!»
Поднял штору дѣдъ, — и точно:
Снѣгъ подъ солнечнымъ лучомъ
Бриллиантами сверкаетъ,
Отливаетъ серебромъ.
«Славу Богу! Славу Богу!»
Дѣтки весело кричатъ,
И въ умѣ ихъ возникаетъ
Ужъ картинъ знакомыхъ рядъ:
На салазкахъ съ горъ катанье,
И катанье на конькахъ,
И рождественская елка
Сверху донизу въ огняхъ!

А пока они мечтаютъ о будущихъ удовольствіяхъ, дѣдъ предлагаетъ, захвативши съ собой Дружка и Барбоса, прокатиться по первопутью на хуторокъ и навѣстить тамъ общихъ друзей: кролика, журавля и индюка. Мигомъ поднялись дѣти;

Вотъ умылись и одѣлись,
И смотрѣть бѣгутъ скорѣй,

Запрягаетъ ли Савраску
Кучеръ дѣдушкинъ Матвѣй.

Быстро собрались, поѣхали, и

Какъ ни счастливы малютки,
Но еще счастливѣй дѣдъ,

Словно съ плечъ его свалилось
Цѣлыхъ пять десятковъ лѣтъ.

Такъ пройдетъ дѣтскій день; затихнетъ все въ домѣ, погаснутъ огни, заснутъ въ своихъ кроваткахъ дѣти — тогда

Съ небесъ далекихъ кротко
Глядитъ на нихъ луна,
Вся комнатка сіянемъ
Ея озарена.
Глядятъ изъ сада вѣтви
Березъ и тополей

И шепчутъ: «Охраняемъ
Мы тихій сонъ дѣтей.
Пусть радостные снятся
Всю ночь малюткамъ сны —
Чудесныя видѣнья
Изъ сказочной страны!

Если же съ вечера поднимется буря, загремятъ раскаты грома, закачаются въ саду деревья и елка колючей вѣткой застучитъ

въ окно, — мать наклонится надъ испуганнымъ ребенкомъ и успокоитъ, убаюкаетъ его колыбельною пѣсней:

Ты, гроза Господня,
Не буди ребенка!
Пронеситесь, тучи
Чёрныя, стороной.
Бурь еще не мало
Впереди быть можетъ,

И не разъ забота
Сонь его встревожитъ.
Спи, дитя, спокойно!
Вотъ гроза стихаетъ...
Матери молитва
Сонь твой охраняетъ...

Общею любовью и вниманіемъ согрѣта дѣтская жизнь; всѣ ихъ горести и радости находятъ у старшихъ искренній и сочувственный откликъ; но и дѣти, въ свою очередь, вносятъ съ собою счастье и радость въ среду взрослыхъ, заставляя ихъ забывать тяжелыя житейскія невзгоды.

Ушли дѣти въ школу, и опустѣлъ, затихъ безъ нихъ старый домъ;

Отецъ угрюмъ; онъ въ кабинетѣ
Все что-то пишетъ. Въ спальнѣ мать
Лежитъ больная.....

Прошли школьные часы, приближали дѣти домой, показываютъ съ гордостью свои тетрадки, —

И мать недугъ свой забываетъ,
Внимаетъ дѣтской болтовнѣ.
Встаетъ и отецъ изъ-за работы,
Звѣящей слыша голосокъ.

И грусть мгновенно исчезаетъ
Съ его усталого лица.

Свѣтлый лучъ вносятъ дѣти и въ чужую разбитую жизнь, напримѣръ, въ жизнь старика-шарманщика, съ которымъ они скоро успѣли подружиться.

Онъ каждый вечеръ къ нимъ приходитъ;
Хоть имъ и нечѣмъ заплатить —
Что за бѣда! Готовъ онъ даромъ
Своихъ друзей повеселить...
На нихъ съ глубокою любовью
Глядитъ старикъ... Въ чужомъ краю

Чужія дѣти замѣняютъ
Ему погибшую семью.
Болтаетъ, шутитъ и смѣется
Онъ съ ними, словно молодой,
Для нихъ безъ усталости шарманку
Вертя морщинистой рукой.

Этотъ трогательный образъ одинокаго старика-шарманщика, все потерявшаго въ жизни, кромѣ ясной и чистой души, невольно будитъ въ его маленькихъ друзьяхъ мысль о томъ, что есть на землѣ и горе, «есть на свѣтѣ много бѣдныхъ и сиротъ», что «не всѣмъ такое счастье Богъ даетъ», которое прошло передъ ихъ глазами въ пересказанныхъ нами выше стихотвореніяхъ Плещеева.

Поэтъ не скрылъ отъ своихъ читателей и темныхъ сторонъ жизни:

У однихъ могила
Рано мать взяла;
У другихъ нѣтъ въ зиму
Теплаго угла.

Если приведется
Встрѣтить вамъ такихъ,
Вы, какъ братьевъ, дѣтки,
Приглубите ихъ!

Вотъ, въ бѣдной избушкѣ, весь въ жару, лежитъ на постели мальчикъ, а рядомъ съ нимъ дѣдъ-старикъ чинить свой ветхій неводъ. Скучно мальчику; но напрасно онъ пристаётъ къ дѣду съ вопросами о томъ, скоро ли кончатся дожди, засвѣтитъ солнышко и онъ побѣжитъ съ удочкой ловить рыбу, скоро ли отпустятъ съ неба его мать... Отъ вопросовъ внука старикъ только еще ниже опускаетъ голову.

И звучитъ ребенка слабый
Голосокъ еще грустнѣй:

«Не дождусь я, видно, мамы,
Не дождусь и теплыхъ дней!»

Не менѣе грустна и другая картина:

Въ удушливый зной по дорогѣ
Оборванный мальчикъ идетъ;
Изрѣзаны камнями ноги,
Струится съ лица его потъ.

Въ походкѣ, въ движеняхъ, во взорѣ
Нѣтъ рѣзвости дѣтской слѣда;
Сквозить въ нихъ тяжелое горе,
Какъ въ рубищѣ ветхомъ — нужда.

Только вчера похоронили его мать; оставшись одинъ, напрасно старался онъ найти себѣ какую-нибудь работу; ходилъ онъ и въ городъ, чтобы наняться въ батраки къ богатымъ купцамъ, но его не взяли за малосильность и слабость; теперь ему

Съ сумою подь окнами пишу
Приходится, видно, собирать...

Да, много на свѣтѣ несчастныхъ и обездоленныхъ. Поэтому-то, горюя вмѣстѣ съ дѣтми о приходѣ скучной осени, кладущей конецъ ихъ веселымъ играмъ на волѣ, поэтъ не позабылъ также прибавить, что ея

Унылый видъ
Горе да невзгоды
Бѣдному сулить.
Слышать онъ заранѣ
Крикъ и плачь ребятъ;
Видитъ, какъ отъ стужи
Ночь они не спятъ;
Нѣтъ одежды теплой,
Нѣту въ печкѣ дровъ...
Вотъ, и худъ и блѣденъ
Сгорбился больной...

Какъ онъ радъ былъ солнцу,
Какъ былъ бодръ весной!
А теперь — наводитъ
Желтыхъ листьевъ шумъ
На душу больную
Рой зловѣщихъ думъ.
Рано, рано осень
Въ гости къ намъ пришла...
Многимъ не дождаться
Свѣта и тепла.

Еще болѣе тяжелое и безотрадное впечатлѣнiе производитъ горе не случайное, а происходящее только отъ людской черствости и злобы. Попытался было горемыка-мальчикъ погнаться за проѣзжавшей богатой каретой, чтобы попросить о помощи, —

Но голосъ внутри раздается:
«Вотъ я тебѣ дамъ, дармождъ!»
Сурово лакейскія лица

Взглянули при возгласѣ томъ,
И жирный господскій возница
Стегнувъ попрошайку кнутомъ...

И помощь пришла не отъ богача, а отъ такого же безпріютнаго старика-странника, повстрѣчавшаго мальчика на своемъ пути.

«Здорово, парнишка! Откуда?
Умаялся? Хворенькій, знать?»
— «Изъ города, дѣдушка. Худо
Мнѣ, больно». — Не хлѣбца ли дать?
Немного набралъ я сегодня,
Да надо тебя пожалѣть.
Мнѣ съ голоду милость Господня

Не дать, словно псу, околотъ...
.....
И горе пока позабыто,
И дружно бесѣда идетъ.....
Голоднаго, видно, не сытый,
А только голодный пойметъ!

Если же никто изъ людей такъ и не протянетъ руку, чтобы помочь бѣдняку, то у него найдутся другіе друзья. Хотя и не принесутъ они съ собою матеріальной помощи, все-таки въ ихъ сосѣдствѣ легче вздохнетъ усталый труженикъ.

Дождевыя капли застучать въ окно хаты, давая бѣдняку вѣсть о томъ, что хлѣбъ растеть; пѣвунья птичка, несмотря на холодъ и стужу, прилетитъ изъ-за моря, и когда усталый хозяинъ «ляжетъ, грустный, на солому», она прошебечетъ ему свою пѣсню.

Для него я пѣсню эту
Принесла изъ-за морей;
Никогда ее не пѣла
Для счастливыхъ я людей.
Въ ней повѣдаю я много
Про иной чудесный свѣтъ,

Гдѣ ни бѣдныхъ, ни богатыхъ,
Ни нужды, ни горя нѣтъ.
Эта пѣсня примиренья
Въ грудь усталую вольетъ,
И съ надеждою на Бога
Бѣдный труженикъ заснетъ.

А не то — такъ

Скажетъ птичка Богу, что бѣднякъ страдаетъ,
Что кровавымъ потомъ ниву орошаетъ;
Не мила, какъ птичкѣ, пахарю весна:
Радостей не много подаритъ она...
Встрѣтилъ бы онъ солнце пѣсенкой веселой, —
Да молчать заставить гнетъ нужды тяжелой.
На сердцѣ заботы, какъ свинець, лежатъ,
Поневолю пѣсня не пойдетъ на ладъ.
Гдѣ тутъ любоваться нѣгой лунной ночи?
Застилають слезы труженику очи...
Скажетъ птичка Богу, чтобъ Его рука
Поддержала въ горькой долѣ бѣдняка,
Чтобъ ему нести свой крестъ достало силы,
Чтобъ безъ ропота добрель онъ до могилы...

Рисую образы, вызывающіе любовь и состраданіе ко вѣмъ «униженнымъ и оскорбленнымъ», приглашая своихъ маленькихъ читателей приглубить такихъ бѣдняковъ, какъ братьевъ, Плещеевъ не остановился на области только случайныхъ альтруистическихъ порывовъ. Онъ указалъ и тотъ путь, идя которымъ каждый можетъ хоть нѣсколько уменьшить общую сумму зла и горя на землѣ. Это — путь самоотреченія ради ближняго, путь нравственной чистоты и чести, путь свободы отъ всякихъ житейскихъ соблазновъ и кумировъ.

Напрасно, въ одной изъ басенъ, сѣдокъ упрекаетъ мула за то, что тотъ, скользя надъ пропастью, не хочетъ итти по большой дорогѣ, и предполагаетъ, что мулу попросту надоѣла жизнь или имъ овладѣло упрямство; мулъ отвѣчаетъ:

Упрямота я не знаю,
И жизнью я не тягочусь своей.
Дороги же большой я избѣгаю,
Лишь потому, что вижу грязь на ней.
Тропинкою иду я безъ тревоги:
Хоть этотъ путь и узокъ и кремнистъ,
Хоть, можетъ быть, онъ мнѣ изрѣжетъ ноги,
Но я останусь чистъ.

Напрасно манить мальчикъ вольную птичку въ свою золоченую клѣтку, соблазняя ее и зернами, и свѣжей водой, и уходомъ, и безопасностью:

«Тебя охотникъ не подстрѣлитъ,
Не можетъ ястребъ заклевать;
Съ утра до вечера спокойно
Ты будешь въ клѣткѣ распѣвать».
— «Нѣтъ, нѣтъ! (отвѣчаетъ птичка). За клѣтку расписную
Я не отдамъ лѣсовъ своихъ,
Хотя бы каждое мгновенье
Мнѣ угрожала гибель въ нихъ;
И не покину я простора
Цвѣтами убранныхъ полей...
Дитя! Твои мнѣ ласки милы,
Но воля мнѣ еще милѣ!»

Но бываютъ случаи въ жизни, когда можно, даже должно отказаться отъ своей воли и свободы. Напрасно звалъ мальчикъ въ клѣтку для своей забавы вольную птичку; но напрасно и полевые цвѣты, растущіе на волѣ подъ солнцемъ, ведущіе разговоръ и съ бабочкой пестрой, и съ гудящей пчелой, и съ вѣтромъ, зовутъ къ себѣ своего собрата, выросшаго въ мрачныхъ стѣнахъ темницы.

Нѣтъ, отвѣчалъ онъ, хоть весело въ полѣ
И наряжаетъ васъ ярко весна,
Но не завидую вашей я долѣ
И не покину сырого окна.
Пышно цвѣтите! Своей красотой
Радуйте, братья, счастливыхъ людей!
Я буду цвѣсть для того, кто судьбою
Солнца лишень и полей.
Я буду цвѣсть для того, кто страдаетъ...
Узника я утѣшаю одинъ:
Пусть онъ, взглянувъ на меня, вспоминаетъ
Зелень родимыхъ долинъ.

Или вотъ еще болѣе трогательный образъ Христа младенца, съ большимъ трудомъ взрастившаго садъ изъ розъ, чтобы сплести себѣ вѣнокъ, и созвавшаго дѣтей, когда розы распцѣли. Каждый

сорвалъ по цвѣтку, и на вопросъ, какъ же Онъ сплететь себѣ вѣнокъ, если розъ больше не осталось — Христоръ отвѣчалъ:

«Вы позабыли, что шипы
Остались мнѣ»...
И изъ шиповъ они сплели

Вѣнокъ колючій для Него,
И капли крови, вмѣсто розъ,
Чело украсили Его.

Но самоотреченіе ради ближняго предстоитъ дѣтямъ въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ; а пока они еще малы, Плещеевъ настойчиво звалъ ихъ въ школу. Только въ такую, правда, которая чужда всякаго принужденія и педантизма, которая сама манитъ къ себѣ и сплачиваетъ всѣхъ учениковъ и учителя въ одну тѣсную семью. О такой именно школѣ и говоритъ бабушкѣ маленькій внучекъ:

Шелъ вчера я мимо школы.
Сколько тамъ дѣтей, родная!
Какъ рассказывалъ учитель,
Долго слушалъ у окна я.
Слушалъ я — какія земли
Есть за дальними морями;
Города, лѣса какіе
Съ злыми, страшными звѣрами...
Онъ рассказывалъ: гдѣ жарко,
Гдѣ всегда стоятъ морозы,
Отчего дожди, туманы,
Отчего бываютъ грозы;
И еще — какъ люди жили
Прежде насъ и чѣмъ питались;
Какъ они не знали Бога

И болванамъ поклонялись.
Рисовали также дѣти;
Много я смотрѣлъ тетрадокъ.
Кто глаза, кто носъ выводитъ,
А кто домикъ да лошадокъ.
А какъ кончилось ученье,
Стали хоромъ пѣть. Въ окошко
И меня втащилъ учитель,
Говоритъ: «Пой съ нами, крошка!
Да проси, чтобъ присылали
Въ школу къ намъ тебя родные.
Всѣ вы скажите спасибо
Ей, какъ будете большіе».
Отпусти меня!...

Просится въ школу и другой мальчикъ:

Въ школу, родная, меня отпусти!
Грамотный буду: крестьянскаго сына
Въ школѣ научать, я знаю, всему;
Сдѣлаютъ тамъ изъ него господина,
Платье суконное справятъ ему.
Къ вамъ принесу я рассказовъ не мало,
Въ книжкѣ прочту, какъ все въ мѣрѣ идетъ,
Все, что въ старинные годы бывало,
Даже и то, что случится впередъ...
Каждую травку назвать я сумѣю,
Буду я въ церкви попу помогать,
И на стѣнѣ, надъ постелью своею,
Лики угодниковъ углемъ писать.

И родные охотно отпускаютъ въ школу своихъ ребятъ, съ однимъ только строгимъ завѣтомъ, который говоритъ устами бабушки самъ поэтъ:

Бѣгай въ школу, Ваня; только
Спеси тамъ не набирайся;

Какъ обучишься наукамъ,
Темнымъ людомъ не гнушайся!

Вотъ каково, въ общихъ чертахъ, содержаніе стихотвореній Плещеева для дѣтскаго возраста. Мы могли познакомиться и съ ихъ

идейнымъ направлениемъ и, по многочисленнымъ выдержкамъ, съ характеромъ ихъ поэтическаго стиля. Теперь уже не трудно будетъ оцѣнить ихъ съ точки зрѣнія ихъ педагогической цѣнности и поставить ихъ въ связь съ личностью самаго поэта.

Дѣйствительно хорошимъ дѣтскимъ чтениемъ можетъ быть признано лишь такое, которое, будучи доступно и понятно дѣтямъ представляетъ извѣстный интересъ и для взрослыхъ. Это служитъ доказательствомъ того, что данный разсказъ или стихотвореніе имѣютъ абсолютное художественное достоинство, а не являются лишь грубой поддѣлкой подъ наивность и непосредственность дѣтскаго пониманія. Такой, самый главный критерій выдерживаютъ всѣ безъ исключенія стихотворенія Плещеева, написанныя для дѣтей. Съ эстетической точки зрѣнія ихъ можно упрекнуть лишь въ одномъ незначительномъ изъянѣ: въ нѣкоторой отвлеченности изображенія, въ недостаточно ярко выраженной индивидуальности того или иного образа. Пояснимъ примѣромъ нашу мысль. Большая часть стихотвореній посвящена изображенію дѣтей; вся ихъ жизнь проходитъ передъ нашими глазами. Но, тѣмъ не менѣе, мы напрасно стали бы искать здѣсь разнообразія дѣтскихъ типовъ. Мы увидимъ одного и того же ребенка, взятаго лишь въ разные годы его жизни, въ разной средѣ и съ различнымъ душевнымъ настроениемъ. Характеризуя дѣтей слишкомъ общими чертами, поэтъ не оставляетъ намъ возможности отличить какого-нибудь Ваню отъ Васи.

Въ значительной степени этому недостатку способствуетъ и сильно развитый субъективизмъ Плещеева. Очень часто въ его стихотвореніяхъ фигурируетъ дѣдъ-старикъ, то лѣсникъ, то рыбакъ, то шарманщикъ, то бездомный странникъ, то помѣщикъ. Общій образъ этого старика получается необыкновенно привлекательный и трогательный. Но взятый лишь подъ угломъ его отношенія къ дѣтямъ и служа выраженіемъ только личныхъ чувствъ автора, дѣдушка и является портретомъ самаго поэта, а не какого-нибудь лѣсника или помѣщика, поскольку, конечно, дѣло идетъ о духовномъ обликѣ, а не о чисто внѣшнемъ описаніи или профессиональныхъ атрибутахъ старика.

Но, слѣдуетъ оговориться, что этотъ, отмѣченный съ точки зрѣнія высшихъ художественныхъ требованій, недостатокъ не можетъ считаться особенно важнымъ. Давая иногда своимъ маленькимъ читателямъ лишь мягкіе контуры различныхъ картинъ, явленій, лицъ, Плещеевъ предоставлялъ волѣ ихъ фантазіи заполнить недостающія черты и не утомлялъ чрезмѣрно ихъ пониманія и памяти.

Къ тому же эти замѣчанія относятся далеко не ко всѣмъ стихотвореніямъ, такъ какъ тутъ же найдется не мало и такихъ, которыя блещутъ всею силою красокъ и полнотою образа, какъ, на примѣръ, «Бабушка и внучекъ», «Старикъ», «Былое», «Мой садикъ», «Въ бурю», «Ночь пролетала надъ міромъ» и другія. Другой недостатокъ поэзіи Плещеева, относящійся даже не къ цѣлымъ произведеніямъ, а только

лишь къ нѣсколькимъ строфамъ двухъ-трехъ стихотвореній, и заключающійся въ сентиментальности, слащавости, почти не заслуживаетъ и упоминанія.

Но раздѣляя временами нѣкоторую расплывчатость поэзіи Плещеева вообще, стихотворенія для дѣтскаго возраста превосходятъ остальные своими художественными достоинствами. Тутъ мы не найдемъ никакихъ отвлеченныхъ рюмованныхъ разсужденій, столь присущихъ творчеству этого поэта. Мы увидимъ лишь рядъ поэтическихъ картинъ изъ жизни природы, семьи, школы и своихъ ближнихъ, выраженныхъ чистымъ, изящнымъ и вполне доступнымъ для дѣтей языкомъ. Эти мягкіе, трогательные образы, то проникнутые тихою грустью, то беззаботно веселые, являются, несомнѣнно, лучшимъ матеріаломъ для пробужденія въ душѣ ребенка эстетическихъ чувствованій. Кто былъ знакомъ съ этими образами уже изъ своихъ жизненныхъ впечатлѣній, въ томъ чтеніе стихотвореній можетъ ихъ упрочить, облагородить и сдѣлать болѣе сознательными; кто же былъ лишенъ возможности пережить ихъ, въ томъ поэзія Плещеева затронетъ еще не звучащія струны. И для многихъ эти стихотворенія будутъ такимъ же лучомъ свѣта и ласки, какимъ былъ для заключеннаго въ темницѣ выросшій на окнѣ цвѣтокъ.

Не меньшее значеніе имѣютъ стихотворенія Плещеева съ точки зрѣнія ихъ этического вліянія на дѣтей. «Любите природу, любите людей — всѣ люди братья; нѣтъ знатныхъ или незнатныхъ — есть добрые и злые; играйте, смѣйтесь, но за своими играми не забывайте тѣхъ, кто не можетъ играть и смѣяться; въ своемъ довольствѣ не проглядите нищеты и горя стараго рыбака или шарманщика; помогите теперь имъ лаской и добрымъ словомъ, послѣ сумѣете помочь и дѣломъ; идите въ школу за знаніями, чтобы потомъ сторицею отдать ихъ тѣмъ, кто въ нихъ нуждается; идите путемъ добра и чести, не увлекаясь мишурной славой военныхъ подвиговъ; все минется — одна любовь останется». Вотъ съ какими рѣчами обращался къ дѣтямъ поэтъ. А какъ онъ это говорилъ, мы уже видѣли: не отвлеченной прописной моралью, но живыми образами; не со скукою давно затверженнаго урока, но съ горячимъ убѣжденіемъ въ истинѣ своихъ словъ, которому онъ и самъ былъ вѣренъ до смерти; не приторнымъ, поддѣлывающимся подъ дѣтскій, тономъ, но искренною рѣчью, обращенною къ равному, горячо любимому другу. Оттого-то такъ глубоко и должны слова его западать въ отзывчивую дѣтскую душу.

Но не для однихъ дѣтей — стихотворенія Плещеева могутъ пригодиться и для взрослыхъ, для отца, для матери, для педагога. Поэтъ настолько близко зналъ дѣтскій міръ, настолько тѣсно сливался съ его жизнью, что онъ можетъ дать цѣлый рядъ глубокого прочувствованныхъ указаній на то, что любятъ или не любятъ дѣти, какъ и чѣмъ ихъ занять, куда направить ихъ интересы, каковъ долженъ быть характеръ ученья и школы.

Эти стихотворенія даютъ намъ также возможность еще глубже понять и оцѣнить и личность самого ихъ автора. Онъ былъ однимъ изъ немногихъ видныхъ поэтовъ, писавшихъ для дѣтей, и единственнымъ, писавшимъ такъ много. Въ то время, какъ у большинства мы находимъ, за немногими исключеніями, стихотворенія для взрослыхъ, пригодныя и дѣтямъ, у Плещеева наоборотъ — стихотворенія для дѣтей, интересныя и для взрослыхъ. Онъ не снисходилъ до своего маленькаго читателя, но поднималъ его до себя. Стоитъ только сравнить его стихотворенія для дѣтей съ остальными, чтобы установить цѣлый рядъ параллелей, отличающихся лишь характеромъ выраженія или образомъ при полномъ торжествѣ заложенной въ нихъ мысли. Таковы, напримѣръ, «Двѣ дороги» и «Чистый путь», «Послѣ чтенія газетъ» и «Бленгеймскій бой», двѣ «Птички» и другія.

Стихотворенія эти могутъ также съ полною отчетливостью объяснить, почему за Плещеевымъ, въ кругу его знакомыхъ, установилось прозвище: padre — отче, батюшка; для дѣтей же онъ былъ, конечно, хорошо знакомымъ намъ по его произведеніямъ дѣдомъ.

Раньше мы упомянули, что Плещеевъ, повинувшись влеченію своего сердца, любилъ уходить изъ сферы житейскихъ нуждъ въ область горячо цѣнимаго имъ дѣтскаго міра. Теперь можно добавить, что онъ дѣлалъ это, оставаясь все время самимъ собой, принося къ дѣтямъ то же, что радовало или мучило его самого въ его жизни. Онъ и къ дѣтямъ приходилъ затѣмъ, чтобы вспомнить и снова пережить свое дѣтство, вспомнить няню, свой старый домъ; чтобы посмотрѣть на ихъ игры, принять въ нихъ участіе, а то такъ и позабавить ихъ какой-нибудь новой, имъ выдуманной. Онъ приходилъ полюбоваться вмѣстѣ съ ними природой, подѣлиться съ ними любовью къ родинѣ, погоревать съ ними объ «труждающихся и обремененныхъ», помечтать о свободѣ и волѣ. Онъ звалъ ихъ въ школу, звалъ къ знанію, свѣту и истинѣ, звалъ къ самоусовершенствованію и самопожертвованію ради ближняго.

И мы думаемъ, что онъ нашелъ здѣсь не менѣе, если не болѣе, сочувственный откликъ, чѣмъ въ средѣ взрослыхъ, такъ какъ онъ приходилъ къ дѣтямъ не строгимъ менторомъ съ педагогической указкой въ рукѣ, а тѣмъ простымъ ласковымъ дѣдомъ, образъ котораго такъ часто мелькаетъ на страницахъ его стихотвореній.

И будемъ ли мы стараться возсоздать черты поэта, слѣдя по біографіи за его жизнью, или будемъ только отдаваться впечатлѣніямъ, навѣяннымъ его поэзіей, мы одинаково переживемъ одну мысль, одно чувство: блаженны чистые сердцемъ.

К. Покровскій.

Достоинства и недостатки поэзии Плещеева:

Муза Плещеева проникнута всегда теплой, тихой скорбью и христианской любовью!... Видно, что и онъ страдаетъ, что и въ его душѣ поднимается протестъ, но отчего же изъ его стиховъ не вынесете вы ни примиряющаго чувства любви и утѣшенія, хотя стихъ его, повторяемъ, и проникнуть ею, ни сильнаго, могучаго и непрощающаго протеста, который бы заставилъ содрогнуться вашу душу? Причина этому одна: отсутствіе силы. Ему не суждено ни бросить обществу

въ глаза желѣзный стихъ,
Облитый горечью и желчью злости,

ни уврачевать его раны силой любви и утѣшенія, хотя онъ, видимо, порывается и на то и на другое. Для одного онъ слишкомъ незлобивъ, для другого слабъ, и слабъ то именно ничѣмъ инымъ, какъ только отсутствіемъ силы и энергіи. Изъ всей поэтической дѣятельности Плещеева мы запомнимъ только два стихотворенія, проникнутыя истиннымъ жаромъ и увлеченіемъ. Одно изъ нихъ принадлежитъ еще его раннему періоду, это — «Впередь! безъ страха и сомнѣнья»; другое встрѣтили мы въ изданіи 1858 года. Вотъ оно:

О нѣтъ! не всякому дано
Свято право обличенья.
Кто не взрастилъ въ себѣ зерно
Любви живой и отреченья,
И бесполезно и грѣшно
На мѣръ его ожесточенье.
Но если пламенная рѣчь
Изъ сердца чистаго стремится,
Она разитъ, какъ Божій мечъ,
Дрожить, блѣднѣть и стыдиться
Предъ нею тотъ, кого обречь
Она проклятью не страшится.

Но гдѣ тотъ вѣка проводникъ,
Кто скупъ на рѣчи — щедръ на дѣло,
Что заглушивъ страстей языкъ —
Идя на подвигъ честно, смѣло,
Благой примѣръ, являть привыкъ
Толпѣ, въ неправдѣ закоснѣлой?
Гдѣ онъ? Насъ къ безднѣ привела
Стезя безвѣрья и порока;
Рабамъ позорной лжи и зла
Пошли, пошли, Господь, пророка,
Чтобъ рѣчь его намъ сердце жгла.
И содрогнулись мы глубоко...

Но эта напряженная энергія, рѣдко проступаетъ въ Плещеевѣ; почти во всемъ остальномъ, что ни написалъ онъ, чувствуется только вѣяніе тихой грусти или слабого протеста, не отмѣченнаго этой «пламенной рѣчью», какъ говоритъ онъ, предъ которою «дрожить, блѣднѣть и стыдиться» тотъ, «кого обречь она проклятью не страшится». Особенно яркости и особеннаго разнообразія, широты и богатства не дано дарованію Плещеева. Если бы вамъ пришлось прочесть его произведеніе, неподписанное его именемъ, вы, навѣрное, не отгадали бы — чье оно, не назвали бы его плещеевскимъ, тогда какъ произведеніе Некрасова, Огарева, будь оно и не подписано, сразу указываетъ вамъ на его автора, потому что каждый изъ этихъ поэтовъ запечатленъ своею оригинальною особенностью, которая превляется во всемъ, начиная отъ внутренняго смысла и чувства про-

изведенія до вѣшняго склада и постройки стиха. Аляповатый, прозаичный и подчасъ нескладный стихъ Некрасова все-таки имѣеть свою прелесть, заключенную въ той силѣ, которую поэтъ кладеть въ него; — про стихъ Плещеева, исключая того, что онъ гладокъ, вы болѣе не скажете ничего; болѣе блестящихъ или характерныхъ сторонъ вы въ немъ не отыщете; а гладкость все-таки, какъ хотите, давнымъ-давно не составляетъ, уже достоинства, — она должна быть почти необходимостью каждаго стихотворенія. Протестъ Плещеева иногда хочетъ возвыситься до сатиры, но сатиры онъ не достигаетъ, опять-таки потому, что поэтъ слишкомъ добръ, слишкомъ незлобивъ для этого — и выходитъ изъ стихотворенія милая юмористическая вещица, которая очень удобно могла быть помѣщена въ «Искрѣ»: таковы пьесы «Счастливецъ» и «Мой знакомый».

Одно неотъемлемое качество, свойственное Плещееву, это милая простота и задушевность, которыя проявляются въ нѣкоторыхъ его чисто субъективныхъ произведеніяхъ; хотя, опять-таки, не можемъ не сознаться, и эти произведенія настолько общи и легки, настолько не отмѣчны индивидуальностью поэта, что и они не существуютъ для памяти общества. Мы приведемъ одно изъ нихъ, какъ намъ кажется, болѣе удачное. Посмотрите, въ самомъ дѣлѣ какое милое, простое и задушевное стихотвореніе:

Былое.

Ночи блѣдное свѣтило
Кроткимъ свѣтомъ озарило
Комнатку мою.
Снова слышу за стѣною,
Надъ малюткою больною,
Баюшки-баю.
Голосокъ такъ чистъ и звонокъ,
Что подъ звукъ его ребенокъ
Затихаетъ вдругъ.
Спой еще, тебѣ внимаю,
И моя душа больная
Отдохнетъ отъ мукъ.
Помню я иное время,
Легче было жизни бремя,
Веселѣй жилось!
Жилъ такъ быстро эти годы,
Годы счастья и свободы,
Годы свѣтлыхъ грезъ!
Сколько вызвано мечтою
Лицъ знакомыхъ предо мною
И знакомыхъ мѣстъ!

Помню лѣсъ... дѣревьевъ шопоть,
И волны стемнѣвшей ропоть
И мерцанье звѣздъ,
Садъ запущенный и мрачный,
Надъ волной пруда прозрачной
Деревенскій домъ,
Рѣчи нѣжныя и ласки,
Въ уголкѣ уютномъ сказки
Зимнимъ вечеркомъ...
Сердце вѣрило, любило,
Все ему такъ было мило,
Что теперь смѣшно!
Но все тихо за стѣною...
Надъ малюткою больною
Голосъ смолкъ давно...
Ахъ, зачѣмъ былие годы,
Годы счастья и свободы,
Я припомнилъ васъ?
На душѣ тоска сильнѣе
И до утра, видно, съ нею
Не сомкну я глазъ!

Въ этихъ стихахъ есть что-то благоуханное, что-то такое, въ чемъ слышится откликъ тихой тоски, грусти, которая прямо и непосредственно дѣйствуетъ на вашу душу, доходить до вашего сердца и умиляетъ его своею безыскусственной простотой. Стихотвореніе

искренно, оно прямо вылилось изъ сердца поэта, оно спѣлось такъ, какъ сказалося душѣ — и потому оно хорошо. Къ числу такихъ мы можемъ отнести и еще нѣсколько пьесъ, такъ, напримѣръ: Посвященіе — «Домчатся ль къ вамъ знакомыхъ пѣсенъ звуки», «Цвѣтокъ», «Звуки» — стихотвореніе слитое въ одинъ поэтический стремительный порывъ и потому производящее сильное впечатлѣніе на душу; — «Птичку» и еще нѣсколько другихъ. Все это очень мило; но во всемъ этомъ одинъ только недостатокъ, который, право, мы и не знаемъ, считать ли еще недостаткомъ въ Плещеевѣ, потому что недостатокъ этотъ въ отношеніи его поэтической дѣятельности можетъ стать въ параллель съ недостаткомъ человѣка, рожденнаго безъ руки, безъ зрячаго глаза и т. п., въ чемъ онъ самъ по себѣ нисколько не виновать; этотъ недостатокъ — отсутствіе оригинальности, той характерности поэтическаго дарованія, которая сразу и непосредственно налагаетъ свою печать на произведеніе поэта. Этого-то и недостаетъ Плещееву. Мы не хотимъ этимъ сказать, чтобы онъ повторялъ чьи-нибудь зады; нѣтъ, но у него, просто естественный недостатокъ *силы*, которая одна только въ состояніи была бы придать и яркость его образамъ и скрѣпить его мысль и чувство. Мы отнюдь не ставимъ этого въ укоръ ему: укорять его за это нельзя, какъ нельзя укорять скворца за то, что онъ не поетъ соловьемъ, или жаворонка за то, что онъ не летаетъ орломъ. Это уже дѣло природы, и критикѣ здѣсь нѣтъ мѣста.

Но мы пошлемъ одинъ только укоръ Плещееву — укоръ за то, что онъ не всегда поетъ искренно, а пишетъ головой, гдѣ слѣдовало бы говорить сердцу. Этотъ недостатокъ тѣмъ болѣе замѣтный у поэта, потому что натяжка смысла еще можетъ ускользнуть отъ читателей, а натяжка чувства никогда.

Чтобы нашъ укоръ не былъ голословенъ, мы готовы подтвердить его стихотвореніями самого же Плещеева. Пусть судятъ читатели. Возьмемъ сначала одно изъ его новыхъ стихотвореній — «Лунной ночью»:

И мнѣ когда-то было мило
Свѣтило блѣдное ночей:
Такъ много грезъ оно будило
Въ душѣ неопытной моей!
Когда лучи его дрожали
На влагѣ дремлющей рѣки —
Душа рвалась къ неясной дали,
Полна невѣдомой тоски,
И было томное сіянье
Путеводителемъ моимъ,
Когда спѣшилъ я на свиданье,
Кипя восторгомъ молодымъ.

Прошли неясныя стремленья
И поэтическіе сны!
Теперь иныя впечатлѣнья
Во мнѣ луной порождены.
Досадно мнѣ, что такъ безстрастно
Съ недосягаемыхъ высотъ
Глядитъ она на міръ несчастный,
Гдѣ лжи и зла повсюду гнѣтъ;
Гдѣ столько слабыхъ и гонимыхъ,
Изнемогающихъ отъ битвъ,
Гдѣ льется столько слезъ незримыхъ,
И скорбныхъ слышится молитвъ!

Что же изъ этого слѣдуетъ, позвольте васъ спросить? Мы понимаемъ, что луна могла быть вамъ очень мила и любезна, когда ея «томное сіянье освѣщало вамъ дорогу, въ то время, какъ вы торопились на свиданье — это очень естественно и понятно, тѣмъ болѣе,

что уже легионъ стихотворцевъ приносилъ ей за это свою стиховую благодарность; но, позвольте васъ спросить, Плещеевъ, за что же вы сердитесь на луну? за то, что она глядитъ безстрастно на міръ, гдѣ, конечно, есть и зло и слезы, свѣтитъ — себѣ, да и знать ничего не хотеть? А по-вашему, что бы она должна сдѣлать? Вѣдь это трудно и придумать; смѣемъ думать даже, что вы и сами не нашли бы на это положительнаго отвѣта; не упасть же ей мячикомъ на землю; это, согласитесь, было бы ужъ черезчуръ глупо и неделикатно съ ея стороны; нѣтъ тутъ ужъ ей, что называется, ничего и не подѣлать, какъ только стоять — себѣ да свѣтитъ; луна-то тутъ ужъ совершенно постороннее обстоятельство, а дѣло въ томъ, что вамъ очень понравилась мысль: «вотъ-де, сколько въ мірѣ-то зла и зла, сколько слабыхъ и гонимыхъ», вы и подумали себѣ: «а вѣдь изъ этого недурно бы стишки написать!» — и свалили всю вину на луну, совершенно ни въ чемъ неповинную — и вышло холодное, придуманное головой стихотвореніе, да вдобавокъ еще нисколько не оправдаваемое никакою логическою мыслью. Нѣтъ, Плещеевъ, когда у васъ протестъ за бѣдныхъ братій выходилъ прямо изъ наболѣвшаго сердца, тогда онъ былъ и искрененъ и законенъ, и билъ горячо и смѣло прямо въ живую жилу — и ему нельзя было не сочувствовать, и вы сами не прибѣгали въ немъ ни къ лунѣ ни къ стереотипнымъ звучнымъ фразамъ. Мы говоримъ про «Опустѣвшій домъ». Позвольте напомнить и вамъ и читателямъ это прекрасное стихотвореніе:

Одинъ по улицамъ брожу я съ грустной думой,
 На спящій городъ хоръ дрожащихъ звѣздъ глядитъ.
 Вотъ предо мной дворецъ забытый и угрюмый,
 Гдѣ жизнь провелъ въ шрамахъ и нѣгѣ сибарить.
 Когда-то музыка гремѣла въ пышныхъ залахъ;
 Изъ оконъ лился свѣтъ отъ тысячи свѣчей,
 И кубки старые усердно осушала
 Шумящая толпа напудренныхъ гостей.
 Теперь заброшены огромныя палаты,
 Въ роскошныхъ комнатахъ и пусто и темно.
 Давно лежитъ въ землѣ хозяинъ тороватый,
 Въ чужихъ краяхъ живутъ наслѣдники давно.
 Стоитъ уныло домъ... А на крылечныхъ плитахъ,
 Подъ рубищемъ дрожа, бѣднякъ заснуть прилегъ,
 И думаетъ: «когда бъ въ палатахъ позабытыхъ
 Отъ стужи дали мнѣ хоть тѣсный уголокъ!»

Въ подтвержденіе той же нашей мысли о придуманномъ и искреннемъ, мы позволимъ себѣ привести еще одинъ примѣръ. Пусть видятъ и судятъ читатели, какъ въ одномъ стихотвореніи натягивались строка за строкою блѣдные, водянистые стихи, для того, чтобы сказать фразу, которая вдобавокъ и не принадлежитъ автору, а составляетъ въ настоящее время общее достояніе. Кто и не думалъ о ней прежде и не предполагалъ даже ея возможности, и тотъ теперь повторяетъ ее съ чужого голоса, такъ что вы, Плещеевъ, своимъ

стихотвореніемъ, которое мы приводимъ ниже, ни для кого и не сказали ничего новаго; другое дѣло, если бы эта мысль была поставлена вами иначе, освѣщена ярче, говорила бы намъ хоть что-нибудь, мы не дерзнули бы поднять на нее руку, потому что глубоко уважаемъ проявленіе всякой благородной и свободной мысли. Мы и теперь ничего не осмѣливаемся сказать что-либо противъ вашей мысли, — мы говоримъ только про головную придуманность вашего стихотворенія, для того, чтобы сказать два-три стиха, которые и не произведутъ ни на кого никакого впечатлѣнія, потому, что все стихотвореніе блѣдно придумалось вами, и не вылилось изъ сердца. Вотъ эти стихи:

Передъ ветхою избенкой
Старичокъ сидитъ съдой
И кудряваго ребенка
Онъ морщинистой рукою
Охватилъ. Въ свой полусубокъ
Завернулъ его теплѣй;
Съ пухлыхъ щекъ и алыхъ губокъ
Не спускаетъ онъ очей.
«Охъ! недолго, внучекъ милый,
Мнѣ понявчиться съ тобой»
Говоритъ старикъ: «въ могилу
Мнѣ пора ужъ — на покой.

Долго маялся: много
Вынесъ горя на плечахъ;
Не легка была дорога;
Да Господь помогъ: Онъ благъ.
Хоть во многомъ я былъ грѣшенъ,
И хоть часто я ропталъ,
Но подъ старость Имъ утѣшенъ —
Мнѣ Онъ радость ниспослалъ.
Знаю я, мой свѣтикъ, Саша,
Веселѣй твой будетъ вѣкъ:
Доля ждетъ тебя не наша —
Будешь вольный человекъ!»

Вы прочли стихотвореніе — и ничего: все въ немъ гладко, ровно; но что же вы вынесли изъ него? сказало ли оно хоть что-нибудь вашему уму или сердцу? Положилъ ли поэтъ настолько въ него своей теплоты, чувства и любви, чтобы невольно заставить васъ откликнуться на его голосъ, заставить васъ сочувствовать ему? — нѣтъ; оно гладко, мило, современно, но холодно; оно скользитъ въ вашемъ умѣ, ничуть не затрагивая живыхъ струнъ вашего сердца. Такія стихотворенія писать легко, и всякій напишетъ, кто только легко владѣетъ стихомъ, и можно написать ихъ хоть десять, хоть двадцать въ день, лишь бы было досужее время да охота; стоитъ только развернуть любую книжку свѣжаго современнаго журнала, вычитать себѣ подходящую мысль и — ступай, пиши себѣ съ Богомъ, пока пишется или пока не надоѣло. Но поэтому-то понимающему свое дѣло, имѣющему какое-нибудь имя и голосъ въ литературѣ, нельзя относиться подобнымъ образомъ къ своей способности и современному дѣлу. Намъ, впрочемъ, нечего и говорить объ этомъ Плещееву, потому что онъ и самъ очень хорошо это знаетъ, потому что онъ и самъ писалъ живыя, теплыя современныя вещи, которыя заставляли насъ сочувствовать ему и живо откликаться на его произведенія. Вотъ для контраста съ этимъ стихотвореніемъ другое, которое въ свое время вызвало больше сочувствія къ Плещееву:

Трудились бѣдныя, вы, отдыха не зная,
Судьбѣ покорныя, трудились день и ночь
И думали: знать, доля ужъ такая

Намъ Богомъ суждена — и горю не помочь!
 Смочивъ поля кровавымъ скорбнымъ потомъ,
 Вы знали, что не вамъ они готовятъ плодъ,
 Но не роптали вы, согбенные подъ гнетомъ,
 Нѣтъ! вы несли свой крестъ — какъ праведникъ несетъ.
 И тотъ, кто мѣръ свою чистою кровью
 Отъ рабства искупилъ, кто, какъ и вы страдалъ, —
 Кому молились вы смиренно и съ любовью,
 Вамъ избавителя вѣнчаннаго послалъ.
 И настаетъ пора святая возрожденя!
 Да будетъ ясень дня грядущаго разсвѣтъ,
 Да принесетъ онъ вамъ съ прошедшимъ примиренья
 И раны вѣковой да уврачуеъ слѣды!

Здѣсь уже вамъ слышится совѣмъ не та струна; ясно, что говорить голосъ теплый, искренній, проникнутый братскою любовью къ страждущимъ братьямъ — и тутъ вы не выщете ни одного придуманнаго, холоднаго или безцвѣтнаго стиха, ни одного лишняго выраженія. Вотъ чего требуемъ мы отъ поэта! Прежде всего — отсутствіе всякихъ ходуль, отсутствіе головного сочиненія и, напротивъ того, необходимость искренности, простоты и жизненной правды. Будетъ ли при этомъ характерная и творческая сила у поэта — это дѣло другое и дѣло, лично отъ поэта не зависящее, потому что сила ему дается не отъ него самого: ее не выжмешь, не возьмешь — она родится вмѣстѣ съ тѣмъ, у кого она есть; но, по крайней мѣрѣ, тогда голосъ его не будетъ лишнимъ и ненужнымъ голосомъ въ литературѣ: онъ все-таки принесетъ обществу свою долю пользы. И нечего въ этомъ случаѣ становиться въ рядъ съ Некрасовымъ, который сталъ въ послѣднее время, видимо, увядая и выдыхаясь, подбирать плохія и безцвѣтныя вирши въ родѣ его «Знахарки» или тѣхъ, которыя появились въ одномъ изъ первыхъ номеровъ журнала «Вѣкъ».

Мы увѣрены, что Плещеевъ воспользуется этимъ примѣромъ и не растратитъ своей теплоты и симпатичности попусту. За неимѣніемъ оригинальности и силы самобытнаго творчества, онъ, вѣроятно, найдетъ своему дарованію болѣе полезное примѣненіе. Думаемъ, что Плещеевъ могъ бы быть прекраснымъ переводчикомъ: его легкій стихъ, его способность понимать и сочувствовать великимъ образцамъ поэзіи, поставили бы имя его въ ряду замѣчательныхъ дѣятелей нашей переводной литературы. Во всякомъ случаѣ, мы искренно желаемъ ему успѣха, уважая въ немъ поэта, знакомаго съ страданіями не одной мечтой, но и въ дѣйствительной жизни.

В. К-ий.

Къ недавнему прошлому русской поэзіи можно причислить также и А. Н. Плещеева. Если память не измѣняетъ мнѣ, онъ началъ писать въ самомъ началѣ сороковыхъ годовъ еще очень молодымъ человѣкомъ. Затѣмъ въ его литературной дѣятельности мы встрѣчаемъ довольно значительный, шести или семилѣтній перерывъ,

и его имя снова начинаетъ встрѣчаться въ русской печати только съ 1857 года. Жизнь, очевидно, обошлась съ нашимъ поэтомъ неласково, и это-то обстоятельство, можетъ-быть, было причиной того, что на всѣхъ поэтическихъ произведеніяхъ А. Н. Плещеева лежитъ отпечатокъ грусти, несбывшихся надеждъ, большихъ разочарованій, недовольства собой, а отчасти и другими. Но этотъ грустный оттѣнокъ тона, — очевидно, возникшій въ поэтѣ вслѣдствіе личныхъ испытаній, положилъ свою печать на самое содержаніе, на направленіе его поэтической дѣятельности. Этою особенностью Плещеевъ отличается отъ всѣхъ современныхъ ему поэтовъ и занимаетъ особое мѣсто. Эта же особенность придаетъ его поэзіи нѣсколько однообразный, почти ноющий характеръ, который *à la longue* довольно сильно вредитъ впечатлѣнію. Отчасти это зависитъ также и отъ размѣровъ самаго таланта. А. Н. Плещеева нельзя причислить къ крупнымъ творческимъ силамъ, самостоятельнымъ талантамъ, вносящимъ новыя формы и содержаніе въ художественное произведеніе, не подчиняющимся вліяніямъ, дающимъ тонъ и направленіе. Поэтическое дарованіе Плещеева — незначительно, какъ незначителенъ и узокъ кругозоръ его художественныхъ впечатлѣній. Это мягкая, спокойная, отчасти даже сентиментальная художественная натура, мало или почти совсѣмъ не откликающаяся на рѣзкіе сколько-нибудь сильные душевные звуки, совершенно лишенная ироніи. Всѣ крайности кажутся одинаково противными такой натурѣ, — какъ злобный смѣхъ юмориста, такъ и трагизмъ художника. Его улыбка добродушна, хотя и съ грустнымъ оттѣнкомъ, его слезы не потрясаютъ. Все въ немъ умѣренно, средняго калибра — звуки, чувства, впечатлѣнія. Поэтому Плещеевъ — только лирикъ и лирикъ, производящій слабое впечатлѣніе: онъ не потрясаетъ, не вызываетъ ни энергіи ни протеста, онъ только, если можно такъ выразиться, разстраиваетъ. Его грусть легко передается читателю, который, подъ вліяніемъ красиваго, звучнаго стиха и симпатичной природы поэта, пожалуй, станетъ, подобно ему, жаловаться на судьбу, будетъ грустить и даже носиться съ своею грустью, но къ отчаянію или энергическому протесту онъ не придетъ, его психическій организмъ не будетъ потрясенъ. Онъ только подчинится печальному раздумью и будетъ повторять вмѣстѣ съ поэтомъ:

Дни скорби и тревоги, дни горькаго сомнѣнья,
Тоска болѣзненной и безотраднхъ думъ.
Когда жь минуете? Иль тщетно возрожденья
Такъ страстно сердце ждетъ, такъ сильно жаждетъ умъ?
Не вижу я вокругъ отраднаго разсвѣта!
Повсюду ночь да ночь, куда ни бросишь взоръ.
Исчезли безъ слѣда мой младая лѣта,
Какъ въ зимнихъ небесахъ сверкнувшій метеоръ.
Какъ мало радостей они мнѣ подарили!
Какъ скоро свѣтлыя разсѣялись мечты:
Морозы ранніе безжалостно побили
Безпечной юности любимые цвѣты.

И чистыхъ помысловъ и жаркихъ упований
 На жизненномъ пути растратилъ много я;
 Но средь неровныхъ битвъ, средь тяжкихъ испытаній
 Что жь обрѣла взамѣнъ душа моя?
 Увы, лишь жалкое въ себѣ разувѣренье,
 Да убѣжденіе въ бесплодности борьбы,
 Да мысль, что ни одно правдивое стремленье
 Ждать не должно себѣ пощады отъ судьбы,
 И даже ты моимъ призывамъ измѣнила,
 Друзей свободная и шумная семья!
 Привѣта братскаго живительная сила
 Мнѣ не врачуетъ духъ въ тревогахъ бытія.
 Но пусть ничѣмъ душа больная не согрѣта,
 А съ жизнью, все-таки, разстаться было бь жаль,
 И хоть не вижу я отраднago разсвѣта,
 Еще невольно взоръ съ надеждой смотреть вдаль.

Таковъ общій, почти безъ исключенія, тонъ стихотвореній Плещеева. Съ своей грустью, съ своимъ разочарованіемъ, онъ какъ бы носится, постоянно повторяя свои жалобы, но эта грусть не вызываетъ въ немъ подвига, желанія борьбы. Въ этомъ отношеніи въ талантѣ Плещеева замѣчается нѣчто женственное, безильное, умѣренно-ровное, и не столько чувство, сколько отголосокъ, рефлексъ чувства. Этой женственности таланта можно приписать также, — по крайней мѣрѣ, въ извѣстной степени, — другую особенность, отсутствіе красокъ въ стихѣ, слабую образность, хотя въ большой музыкальности, въ пріятной красотѣ стиха Плещееву невозможно отказать. Но красота или, вѣрнѣе, то, что французы называютъ *le joli*, и также музыкальность составляютъ какъ бы женственную особенность поэтической формы, и только краски рѣзко опредѣлившіяся, ярко поставленный образъ сообщаютъ поэтическому произведенію энергію, силу, выразительность. Этихъ послѣднихъ качествъ совершенно лишень Плещеевъ. Это — рефлектирующій свою грусть лирикъ, безъ сильныхъ нотъ, но обаятельный своею мелодичностью, проникнутый чувствомъ красоты. Его область — это область личнаго, субъективнаго чувства, но не непосредственнаго чувства непосредственной природы, а чувства на почвѣ раздумья, рефлекса. Природа, какъ и все остальное, вызываетъ въ немъ одно лишь скорбное раздумье, что-то безотрадное, лишенное свѣта и блеска:

Природа скучная родимой стороны,
 Ты дорога душѣ моей печальной!
 Когда-то, въ дни промчавшейся весны,
 Манилъ меня чужбины берегъ дальній.
 И пылкая мечта, бывало, предо мной
 Рисуетъ все блестящія картины:
 Я вижу сводъ небесъ прозрачно-голубой,
 Громадныхъ горъ зубчатая вершина...
 Облиты золотомъ полуденныхъ лучей,
 Казалось, миртъ, платаны и оливы
 Зовутъ меня подъ сѣнь раскидистыхъ вѣтвей,

И розы мнѣ киваютъ молчаливо...
 То были дни, когда и цѣли бытія
 Мой духъ, среди житейскихъ обольщеній,
 Еще не помышлялъ... И, легкомысленъ, я
 Лишь требовалъ у жизни наслажденій.
 Но быстрая пора исчезла безъ слѣда —
 И скорбь меня неожиданно посѣтила...
 И многое, чему душа была чужда,
 Вдругъ стало ей и дорого и мило.
 Покинулъ я тогда завѣтную мечту
 О сторонѣ волшебной и далекой —
 И въ родинѣ моей узрѣлъ я красоту,
 Незримую для суетнаго ока.
 Поля изрытыя, колосья желтыхъ нивъ,
 Просторъ степей безмолвно величавый,
 Весеннею порой широкихъ рѣкъ разливъ,
 Тайственно шумящія дубравы,
 Святая тишина убогихъ деревень,
 Гдѣ труженикъ, задавленный невзгодой,
 Молился небесамъ, чтобъ новый, лучший день
 Надъ нимъ взошеть, великій день свободы —
 Васъ понялъ я тогда! И сердцу такъ близка
 Вдругъ стала пѣснь моей страны родимой,
 Звучала ль въ пѣснѣ той глубокая тоска,
 Иль слышался разгулъ неудержимый.
 Отчизна! не плѣнишь ничѣмъ ты чуждый взоръ...
 Но ты мила красой своей суровой
 Тому, кто самъ рвался на волю и просторъ,
 Чей духъ носилъ гнетущія оковы...

Вотъ какого рода не художественныя впечатлѣнія, а лирическія размышленія вызываетъ въ поэтѣ русская природа. И въ сущности, эта природа ни при чемъ; не ее воспѣваетъ поэтъ, а излагаетъ намъ, если можно такъ выразиться, лишь свое состояніе духа.

«Въ исторіи нашей поэзіи, — говоритъ Добролюбовъ въ одномъ мѣстѣ, — начиная съ Пушкина есть одинъ грустный фактъ, который еще ждетъ себѣ полнаго объясненія въ будущемъ. Все, что было замѣчательнаго въ нашей поэтической литературѣ послѣднихъ сорока лѣтъ, подверглось вліяніямъ этого грустнаго факта. Онъ состоитъ въ томъ, что конецъ дѣятельности каждаго, сколько-нибудь замѣчательнаго поэта ознаменовывается сознаніемъ собственнаго расслабленія и сожалѣніемъ о напрасно растроченныхъ силахъ молодости. Такое сознаніе сообщаетъ какой-то мрачный безотраднѣйшій колоритъ всей дѣятельности поэта, и мракъ этой безотрадности съ каждымъ годомъ все болѣе сгущается. И тѣмъ безотраднѣе онъ дѣйствуетъ на душу внимательнаго читателя, что въ начальной дѣятельности поэта всегда замѣтны смѣлые порывы, широкія мечты, благороднѣйшія, сильныя стремленія. Намъ невольно увлекаетъ поэтъ силой своего вдохновенія, особенно, если талантъ его имѣетъ сколько-нибудь примѣтные размѣры; намъ самимъ хочется, чтобы эти мечты сбылись, эти порывы нашли возможность осуществиться въ практи-

ческой дѣятельности. И когда поэтъ начинаетъ свое безотрадное признаніе, свою тоскливую похоронную пѣснь о невозвратно-потерянныхъ надеждахъ и напрасно растроченныхъ силахъ, у насъ самихъ холодъ пробѣгаетъ по тѣлу и будто что-то отрываетъ отъ сердца. А между тѣмъ, нѣтъ ни одного замѣчательнаго русскаго поэта, послѣдняго времени, который бы остался совершенно свободнымъ отъ этого мрачнаго настроенія, который бы ни принялся заживо хоронить себя... Судьба, рокъ, судьба!... Вотъ слова, въ бызвыходной тоскѣ повторяемыя каждымъ изъ нашихъ замѣчательныхъ поэтовъ. Что это? Бессилы ли отдѣльныхъ личностей передъ силою враждебной имъ судьбы? Но если оно такъ неизбежно и такъ велико даже въ людяхъ, которые такъ щедро надѣлены отъ природы, которыхъ мы считали лучшими между нами, то въ какомъ видѣ это бессиліе должно представляться во всей остальной массѣ?... Или, напротивъ, это вопль энергической дѣятельно-сильной натуры, подавляемой гнетомъ враждебныхъ обстоятельствъ? Въ такомъ случаѣ, каковы же должны быть эти обстоятельства, когда они такъ необходимо, фатально, такъ безобразно сламываютъ самыя благородныя и сильныя личности?... Тяжело становится на душѣ, когда припомнишь исторію этихъ личностей. Зачѣмъ боролись и страдали бѣдные труженики? Зачѣмъ ихъ борьба была такъ бесплодна, и зачѣмъ эти тысячи и милліоны людей, окружавшіе ихъ, такъ холодно, безучастно смотрѣли на ихъ внутренняго страданія, такъ легко дали имъ пасть подъ гнетомъ судьбы? Мы, конечно, не будемъ пытаться разрѣшать этого Добролюбовскаго вопроса, но нельзя не замѣтить, что черта, подмѣченная критикомъ, является какъ бы свойствомъ нашей русской дѣйствительности и въ особенности сильно она видна на поэтической дѣятельности А. Н. Плещеева. Враждебныя обстоятельства и судьбу, въ какихъ бы видахъ она ни проявлялась, мы оставимъ въ сторонѣ, хотя, безъ сомнѣнія, и она участвуетъ въ образованіи такого душевнаго организма поэта; главную причину мы видимъ, все-таки, въ самомъ этомъ организмѣ, уже образовавшемся, передающемся по наслѣдству и безпрестанно повторяющемся. Организмъ этотъ не то, что надломленъ, какъ сказалъ бы Добролюбовъ, а просто недостаточно силенъ для того, чтобы бороться.

Недостаткомъ этихъ художественныхъ силъ и опредѣляется, по нашему мнѣнію, то не вполне удовлетворительное чувство, которое получается отъ поэзіи А. Н. Плещеева. Поэзія эта односторонняя и узкая по своему содержанію; въ извѣстномъ смыслѣ можно даже сказать, что поэтъ вполне себя обманываетъ и, какъ-будто, не можетъ сладить съ собой и съ своимъ внутреннимъ чувствомъ. Онъ постоянно жалуется на то, что его надежды разбиты, мечты обмануты, что онъ самъ сталъ немощенъ и хилъ, но, въ то же время, онъ не можетъ уберечь себя отъ новыхъ обольщеній и все, какъ будто, предается мечтѣ, что для него настанетъ вторая юность, а для человѣчества новый золотой вѣкъ.

О, если бы знали вы, друзья моей весны,
 Прекрасныхъ грезъ моихъ, порывовъ благородныхъ, —
 Какой мучительной тоской оравлены,
 Проходить дни мои въ воспоминаніяхъ бесплодныхъ!
 Былое предо мной, какъ призракъ, возстаетъ,
 И тайный голосъ мнѣ твердитъ укоръ правдивый:
 Чего убить не могъ суровой жизни гнетъ,
 Зарылъ я въ землю самъ! Зарылъ какъ рабъ лѣнивый...
 Душѣ была дана любовь отъ Бога въ даръ,
 И отличать дано добро отъ зла умѣнье...
 На что же тратить я священный сердца жаръ?
 Упорно ль къ цѣли шель во имя убѣжденья?
 Я заключалъ не разъ со зломъ постыдный миръ,
 Я пренебрегъ труда спасительной дорогой,
 Не простиралъ руки тому, кто нагъ и сиръ,
 И оставался глухъ къ призывамъ правды строгой.

Это прекрасное, по выраженію, стихотвореніе можетъ служить образчикомъ поэтического настроенія Плещеева. Поэтъ носится со своимъ горемъ, но, въ концѣ концовъ, все-таки сваливаетъ всю вину на обстоятельства, на судьбу. Та же нота преобладаетъ и въ его прозаическихъ произведеніяхъ, въ повѣстяхъ и разсказахъ, которые одно время появлялись въ русскихъ журналахъ. Герои и героини этихъ разсказовъ, какъ и самъ поэтъ въ своихъ стихотвореніяхъ, являются жертвами судьбы, и это убѣжденіе въ нихъ до такой степени укоренилось, что не можетъ быть ничѣмъ измѣнено. Это какое-то нравственное малокровіе, тѣмъ болѣе печальное, что оно несомнѣнно искреннее, и что рисовки въ немъ не замѣчаются и слѣда. Благодаря этому обстоятельству, очень трудно опредѣлить и самое міросозерцаніе поэта. Это не пессимизмъ, потому что пессимизмъ уже и самъ по себѣ является нѣкотораго рода силой: тѣмъ менѣе это равнодушіе, индиферентизмъ, который могъ бы привести только къ какому-либо нравственному сибаритизму, чего въ стихотвореніяхъ Плещеева мы, конечно, не замѣтимъ. Но, можетъ-быть, идеальныя требованія поэта такъ велики, что ихъ не можетъ удовлетворить жизнь? Вѣрнѣе всего послѣднее; но ошибка нашего поэта заключается именно въ томъ, что въ его произведеніяхъ мы не видимъ этихъ идеальныхъ требованій, что они скрываются въ какомъ-то туманѣ звуковъ, изъ-за котораго ничего нельзя разглядѣть. Отсюда та раздвоенность, тотъ разладъ съ самимъ собой, который невольнo поражаетъ при чтеніи каждаго стихотворенія Плещеева, и поэтъ, очевидно, не можетъ справиться съ этимъ разладомъ.

Чуико.

Взглядъ Плещеева на свою переводческую дѣятельность и основные тоны его музы.

Каждый разъ, когда, отдѣляясь отъ толпы, выходитъ передъ вами человѣкъ съ дарованіемъ, не чувствуете ли вы, что собственная судьба ваша будто улучшается; что на поприще жизни нашей кто-то будто бросилъ ароматный цвѣтокъ, что въ ваши занятія внесено что-то живительное — и вы безмолвно радуетесь будто встрѣчѣ съ другомъ! Въ нынѣшнюю эпоху охлажденія къ совершенствованію изящныхъ искусствъ вообще и, въ особенности, поэзіи, еще радостнѣе намъ было встрѣтить появленіе стихотвореній А. Плещеева, котораго дарованіе такъ видимо, такъ счастливо отдѣлилось отъ нашихъ современныхъ стихотворцевъ, погнавшихъ за вычурнымъ слогомъ и уродливо эффектными картинами. Поэтъ напечаталъ пока только 46 небольшихъ стихотвореній. Изъ нихъ многія переведены имъ изъ первоклассныхъ нѣмецкихъ и англійскихъ поэтовъ. Всего лобопытнѣе и замѣчательнѣе отдѣлъ пьесъ, переведенныхъ имъ изъ Гейне, котораго у насъ вообще знаютъ мало. «Переводя стихотворенія Гейне», говоритъ Плещеевъ, «я старался сдѣлать изъ него выборъ, по возможности, разнообразный, чтобы показать со всѣхъ сторонъ прихотливый и своенравный талантъ нѣмецкаго поэта. Юморъ и мечтательность, грусть и насмѣшка, романтизмъ и дѣйствительность идутъ здѣсь рука объ руку. Въ Германіи пѣсни Гейне сдѣлались народными; отзывы французской критики доставили имъ прочную извѣстность во Франціи. И у насъ переведены нѣкоторыя пьесы Гейне, правда, весьма немногія, однообразныя, и оттого, можетъ быть, не возбуждшія сочувствія къ поэту. Оцѣнить предлагаемые переводы есть дѣло критики; но я осмѣливаюсь взять на себя отвѣтственность только за вѣрность ихъ подлиннику». Въ этихъ немногихъ словахъ мы находимъ гораздо болѣе такту, ума и вкуса, нежели въ иной длинной критикѣ. Видно, что поэтъ полюбилъ свое искусство не случайно и не изъ расчета. Онъ приютился съ нимъ, какъ съ своею судьбою, подъ сѣнь того забытаго нынѣ убѣжища, гдѣ нѣкогда обитала муза нашихъ истинныхъ поэтовъ. Уединеніе, трудъ и любовь къ простотѣ и природѣ — вотъ жребій подобныхъ людей. Въ стихахъ Плещеева находишь столько искренности чувства, столько безыскусственности и точности выраженій, столько мягкости и въ то же время упругости звуковъ, столько сердечной мечтательности, меланхоліи и въ то же время естественности образовъ, дѣйствій и положеній, что вѣришь каждому изъ его поэтическихъ сказаній, сочувствуешь его признаніямъ, любишь его надежды и братски дѣлишь его судьбу. Удивительнѣе всего, что при общемъ, какъ бы равномъ тонѣ его поэзіи, которой очеркъ мы набросали выше, перечитывая книжку, переходишь съ каждою новою пьесой къ новымъ ощущеніямъ, какъ это случается во время прогулки въ сель-

скихъ поляхъ и рощахъ. Мы приведемъ для образца хоть одно его стихотвореніе:

1.

Къ чему мечтать о томъ, что послѣ будетъ съ нами,
О томъ, чего уму постигнуть не дано?
Хоть часто терніи здѣсь смѣшаны съ цвѣтами,
Но все жъ земную жизнь безславить вамъ грѣшно.
Отраднaго и въ ней, повѣрьте, много, много...
Смотрите: громъ затихъ, и ясенъ сводъ небесъ,
И тучки прочь бѣгутъ лазурною дорогой,
И шепчетъ, имъ во слѣдъ, привѣтъ прощальный лѣсъ...
Смотрите: какъ дуга вокругъ благоухаютъ,
Упитана дождемъ зеленая трава,
И легкій вѣтерокъ съ волной рѣки играетъ,
И рожь златистая колыхается едва...
Прекрасенъ этотъ міръ!

2.

Да! этотъ міръ хорошъ; но право наслаждаться
Даровано ли всѣмъ могучею судьбой?...
Здѣсь узники вдали отъ родины томятся;
Тамъ въ рубищѣ бѣднякъ съ протянутой рукой.
Тотъ солнечныхъ лучей напрасно ищетъ взоромъ —
Не заглянуть они въ окно тюрьмы его...
Другой на небеса глядитъ съ нѣмымъ укоромъ:
Отъ зноя отдохнуть нѣтъ крова у него!
Не для него красы улыбка молодая,
Его трудовъ — другимъ всегда назначенъ плодъ;
Подъ тяжкимъ бременемъ нужды изнемогая,
Прекраснымъ этотъ міръ бѣднякъ не назоветъ!...
Но предъ лицомъ Творца равны его созданія —
И тамъ найдетъ бѣднякъ за муки воздаянья!

3.

Да! вѣрю, вѣрю я, что всѣ предъ Нимъ равны...
Но люди не для мукъ — для счастья рождены!
И сами создали себѣ они мученья,
Забывъ, что на крестѣ Господь имъ завѣщалъ.

Изъ «Отечественныхъ Записокъ».

Плещеевъ, какъ переводчикъ.

По нашему крайнему убѣжденію Плещеевъ въ переводахъ еще болѣе поэтъ, чѣмъ въ оригиналахъ. Переводчикъ онъ превосходный, и мы совѣтовали бы ему обратить вниманіе на эту яркую сторону его таланта. Для переводовъ своихъ онъ выбираетъ не однихъ только первоклассныхъ поэтовъ. И прекрасно дѣлаетъ. Въ иностранныхъ поэтахъ онъ ищетъ прежде всего своей мысли и беретъ свое добро,

гдѣ бы оно ни было. Найдеть онъ это добро у Макса Вольдау, онъ и у Макса Вольдау возьметъ его. Встрѣтитъ свою мысль у Роберта Прутца, онъ и изъ него ее вытащитъ. Даже какого-то Чарльза Ламбы онъ не оставилъ въ покоѣ: зачѣмъ онъ воруетъ плещеевскія мысли? А Анастасій Грюнъ, Оскаръ Радвицъ и Карлъ Бекъ, очевидно, для того только и существуютъ на свѣтѣ, чтобъ выразить на нѣмецкомъ языкѣ одну какую-нибудь завѣтную мысль Плещеева и потомъ отдать ее ему, да не просто отдать, а съ процентами, потому что мы увѣрены, что въ переводѣ Плещеева эти мысли выражены лучше.

Замѣтили мы также въ талантѣ Плещеева струйку ироніи и даже нѣкоторой веселости, которой онъ, кажется, пренебрегаетъ. А между тѣмъ въ этомъ родѣ у него есть нѣсколько прелестныхъ стихотвореній. Упомянемъ изъ нихъ о стихотвореніяхъ: «Счастливецъ» и «Мой знакомый». А одну превосходную его пьеску мы даже выпишемъ: такъ она хороша по своей веселости и ироніи. Это изъ Гейне:

Графиня Гудель фонъ-Гудельфельдъ.

Преклоняются всѣ, о графиня,

За червонцы твои предъ тобой.

Въ раззолоченной пышной каретѣ,

Запряженной четверкой лихой,

Ты на герцогскій балъ покатила.

Тамъ огни, и оркестръ ужъ гремитъ,

И по мраморнымъ, гладкимъ ступенямъ

Длинный шелковый шлейфъ твой шумитъ.

А вверху галуны и ливреи,

И кричатъ великаны лакеи:

C'est m-me la comtesse Goudelsfeld.

Въ дорогихъ кружевахъ, въ брильян-
тахъ,

По сіяющимъ заламъ дворца,

Гордо, съ вѣромъ ты выступаешь,

И не сходитъ улыбка съ лица,

Такъ высоко отъ радости дышитъ

Грудь твоя и полна и бѣла;

Передъ цѣлымъ дворомъ герцогиня —
Сага міа тебя назвала.

Вальсируютъ съ тобой камергеры.

Превозноситъ самъ герцогъ манеры

De m-me la comtesse Goudelsfeld.

Но бѣда, если денегъ не будетъ!

Всѣ къ тебѣ повернутся спиной.

Сага міа презрительно взглянетъ,

И ни слова не скажетъ съ тобой.

Длинный шлейфъ твой оттопчутъ ла-
кеи,

Не пойдешь съ камергеромъ плясать;

И любезностей ты не услышишь,

Только будешь обиды глотать.

Даже герцогъ съостритъ герцогинѣ:

Какъ несетъ чеснокомъ отъ графини,

Отъ *m-me la comtesse Goudelsfeld.*

Изъ журнала «Время».

Переводы занимаютъ двѣ трети мѣста въ его книгѣ¹⁾, и одна изъ этихъ третей посвящена переводамъ Гейне. И эти переводы не были, при первомъ появленіи, пощажены критикой. Кажется, и этотъ трудъ былъ причисленъ къ занятіямъ, представляющимъ безполезную трату времени. Положимъ, Плещеевъ передавалъ въ своихъ стихахъ лишь одну сторону нѣмецкаго поэта, именно тѣ его произведенія, которыя не касаются прямо общественныхъ интересовъ, но талантъ Плещеева не представляетъ нѣкоторыхъ сторонъ, суще-

¹⁾ Статья написана въ 1861 году по поводу новаго изданія стихотвореній Плещеева.

ственно необходимымъ, для передачи социальныхъ стихотвореній Гейне, которыя всё [почти полны, чрезвычайно юмора и въ выраженіи и въ самыхъ образахъ. Понятно, что Плещеевъ брался именно за то, что болѣе всего поддавалось его таланту. Намъ кажется, что и собственныя его стихотворенія въ юмористическомъ тонѣ, о которыхъ мы упомянули безъ особенной похвалы, вызваны не столько собственно внутреннимъ чувствомъ поэта, сколько общимъ направленіемъ всей современной русской литературы къ реализму.

Самая большая пьеса, переведенная Плещеевымъ изъ Гейне, это — «Вилльямъ Ратклифъ», одно изъ первыхъ, почти дѣтскихъ произведеній автора «Книга пѣсенъ». Сама по себѣ эта трагедія, или драматическая баллада, какъ называетъ ее самъ авторъ, не замѣчательна; въ ней мы видимъ Гейне еще чистымъ романтикомъ со всѣми романтическими дикостями. Но въ дѣятельности нѣмецкаго поэта на нее нельзя не обратить вниманія. На ней замѣтно сильное вліяніе «Разбойниковъ» Шиллера, и уже переходъ къ новой, реальной поэзии чувствуется довольно ясно. Гейне говоритъ, что первый полуромантическій періодъ его поэзии завершается этою драмой, что она служить, такъ сказать, послѣднимъ словомъ этого періода; «это слово», говоритъ онъ: «сдѣлалось въ послѣдствіи лозунгомъ, отъ котораго прояснились черты бѣдняка и вытягивались жирныя фізіономіи сыновъ счастья. У очага почтеннаго Тома, идеальнаго разбойника изъ класса *partageur*, уже слышится запахъ этого великаго вопроса о супѣ, за который принялись теперь такое множество дрянныхъ поваровъ, и который со дня на день все больше и больше перекипаетъ. Счастливецъ поэтъ! онъ видитъ дубовыя рощи, таящіяся въ оболочкѣ жолудя; онъ ведетъ разговоръ съ поколѣніями, которыя еще не зарождались въ утробѣ матерей. Эти поколѣнія нашептываютъ ему свои тайны, и онъ передаетъ ихъ потомъ громко среди народной площади. Но голосъ его гложетъ въ нуждахъ дня, и не многіе слушаютъ его, и никто не понимаетъ. Фридрихъ Шлегель назвалъ историка пророкомъ прошедшаго. Едва ли не еще справедливѣе назвать поэта историкомъ будущаго».

Гейне совершенно правъ, говоря это о своей драмѣ, почти въ самомъ концѣ своей дѣятельности, которая дѣйствительно развилась, въ свою очередь, какъ дубовая роща изъ жолудя, изъ этой драмы. Но «Вилльямъ Ратклифъ», взятый отдѣльно, безъ связи съ остальными произведеніями поэта, лишается большей части своего интереса, и становится очень понятно, почему онъ обратилъ на себя при первомъ появленіи, вмѣстѣ съ другою юношескою драмой Гейне «Альманзоромъ», такъ мало вниманія.

Переводъ Плещеева вѣренъ и хорошъ, и для русскихъ любителей Гейне будетъ любопытенъ, какъ черта изъ біографіи автора «Путевыхъ картинъ»; онъ можетъ, пожалуй, быть прочитанъ и какъ образецъ болѣзненнаго романтизма, охватывавшаго всю нѣмецкую поэзію въ то время, когда выступалъ на литературное поприще

Гейне. Но достоинства положительнаго у этой драмы рѣшительно нѣтъ, и признаемся — мы думаемъ, что у того же Гейне Плещеевъ могъ бы взять что-либо болѣе интересное для перевода.

Изъ остальныхъ стихотвореній, переведенныхъ изъ этого поэта Плещеевымъ, большая часть взята изъ «*Buch der Lieder*» и «*Neue Gedichte*». Переводъ этотъ принадлежитъ къ лучшимъ на русскомъ языкѣ переводамъ этихъ прелестныхъ пѣсень. Нѣкоторые изъ нихъ стали всѣмъ извѣстны съ перваго появленія въ печать. И, дѣйствительно, едва ли можно передать лучше, чѣмъ передалъ Плещеевъ стихотвореніе: «Возьми барабанъ и не бойся», «Рѣчная лилія», «Вѣтеръ осенній колышетъ» и др.

Кромѣ Гейне, Плещеевъ переводилъ и переводить и другихъ нѣмецкихъ поэтовъ. Въ его книжкѣ есть стихотворенія и даровитѣйшаго изъ нѣмецкихъ романтическихъ лириковъ Эйхендорфа и изъ бездарнѣйшаго католическаго романтика Оскара Редвица, отличившагося въ послѣднее время стихотвореніемъ на геройство неаполитанской королевы въ Гаэтѣ, за что и получилъ, какъ писали въ газетахъ, какое-то подаваніе не то отъ баварскаго, не то отъ вѣнскаго двора. Плещеевъ переводить и такихъ дѣйствительно замѣчательныхъ поэтовъ, какъ Фрейлигратъ и Морицъ Гартманъ, и такихъ слабыхъ, хотя извѣстныхъ въ Германіи стихотворцевъ, какъ Робертъ Пруцъ и Карлъ Бекъ. Надо правду сказать, теперь нетрудно добиться въ нѣмецкой поэзіи нѣкоторой извѣстности и даже получить авторитетъ. Кажется, никогда еще нѣмецкая литература не была такъ бѣдна поэзіей, какъ въ послѣднее время. Тотъ самый Робертъ Пруцъ, изъ котораго Плещеевъ перевелъ нѣсколько пьесъ, издалъ недавно историческій очеркъ изящной нѣмецкой литературы съ 1848 года.

Поэзія за это время представляетъ въ Германіи самое плачевное зрѣлище. Все, что сколько-нибудь превышаетъ уровень посредственности, принадлежитъ поэтамъ уже не новаго поколѣнія, поэтамъ не молодымъ и оканчивающимъ свое литературное поприще. Хотя въ книгѣ Пруца и есть цѣлая глава, посвященная, какъ онъ называетъ ихъ, поэтическимъ подросткамъ, но на эти подростки плохая надежда. Единственнымъ исключеніемъ изъ нынѣ пишущихъ нѣмецкихъ поэтовъ можно назвать Морица Гартмана, и почти все, что перевелъ изъ этого поэта Плещеевъ, стоитъ вниманія. Не таковы его переводы Бека, Прица и Анастасія Грюна. Переводы изъ этихъ поэтовъ занимаютъ, правда, самое незначительное мѣсто въ книжкѣ Плещеева, но было бы пріятнѣе, если бъ и этого мѣста не было имъ удѣлено, и Плещеевъ обратилъ свое вниманіе на что-нибудь иное, если не въ новой, то въ прежней нѣмецкой литературѣ.

Изъ прежнихъ поэтовъ мы находимъ въ его книжкѣ прекрасный переводъ одного очень хорошаго, хотя и мало извѣстнаго стихотворенія Гёте: «Молитва», и нѣсколько романтическую пѣсню Рюкерта: «Странникъ». Плещеевъ самъ немножко романтикъ и, вѣроятно, потому взялъ у Рюкерта только одну эту пѣсню.

Вообще, мы рѣдко можемъ упрекнуть Плещеева въ томъ, чтобы онъ брался за что-либо несродное его таланту. Фрейлигратъ представляеть по таланту и по самому роду своихъ произведеній совершенную противоположность Плещееву. Этотъ поэтъ образовать яркихъ и блестящихъ; но у Фрейлиграта есть двѣ-три пьесы въ томъ элегическомъ рефлексивномъ тонѣ, который такъ удается нашему поэту, и Плещеевъ взялъ лучшую изъ этихъ пьесъ и перевелъ, не увлекаясь роскошью другихъ.

Люби, пока любить ты можешь,
Иль часъ ударить роковой,
И станешь съ позднимъ сожалѣньемъ
Ты надъ могилой дорогой!
О сторожи, чтобъ сердце свято
Любовь хранило, берегло, —
Пока его другое любить
И неизмѣнно и тепло.
Тѣмъ, чья душа тебѣ открыта,
О, дай имъ больше, больше дай!
Чтобъ каждый мигъ дарилъ имъ
счастье —
Ни одного не отравляй!
И сторожи, чтобъ словъ обидныхъ —
Порой языкъ не произнесъ;
О Боже! онъ сказалъ безъ злости —
А друга взоръ ужъ полонъ слезъ.
Люби, пока любить ты можешь,
Иль часъ ударить роковой,
И станешь съ позднимъ сожалѣньемъ
Ты подъ могилой дорогой!

Вотъ ты стоишь надъ ней уныло
На грудь поникла голова...
Все что любилъ — навѣкъ сокрыла
Густая, влажная трава...
Ты говоришь: «Хоть на мгновенье
Взгляни, изныла грудь моя!
Прости язвительное слово:
Его сказалъ безъ злости я!
Но другъ не видитъ и не слышитъ,
Въ твои объятья не спѣшитъ;
Съ улыбкой кроткою, какъ прежде,
«Прощаю все» — не говоритъ!
Да! ты прощень... но много, много
Твоя язвительная рѣчь —
Мгновеній другу отравила,
Пока успѣлъ онъ въ землю лечь...
Люби, пока любить ты можешь,
Иль часъ ударить роковой.
И станешь съ позднимъ сожалѣньемъ
Ты подъ могилой дорогой!

Для чего перевелъ Плещеевъ пьесу Анастасіи Грюнъ «Старый комедіантъ», понять довольно трудно. Это все равно, какъ если бы Фрейлигратъ вздумалъ переводить съ русскаго «Tendenz Gedichte» Розенгейма. Грюнъ ни на волосъ не лучше. Это холодный, изысканный реторъ безъ всякаго поэтическаго чутья; его стихотворенія похожи на риёмованныя журнальныя статейки и фелъетоны, и если онъ прославился, то только потому, что принадлежалъ къ австрійскимъ поэтамъ, въ родѣ извѣстнаго Якова Хама, съ такимъ же милымъ и богобоязненнымъ направленіемъ. Написать, что не только на всей землѣ, но даже и въ самой Австріи не наступали еще торжества правды и свободы, какъ это сдѣлалъ Грюнъ, въ своихъ знаменитыхъ «Прогулкахъ вѣнскаго поэта» было уже страшнѣйшимъ героизмомъ, неслыханнымъ либерализмомъ, котораго тѣмъ паче нельзя было ожидать отъ титулованнаго потомка древней императорской фамиліи: Грюнъ, какъ извѣстно, только псевдонимъ, а настоящая фамилія — графъ фонъ-Ауэрсбергъ. Смѣлость его нисколько не превосходитъ новѣйшихъ либеральныхъ тенденцій гг. Бенедиктова, Розенгейма и др. Если же либеральный нѣмецкій поэтъ сталъ извѣстенъ и внѣ своего отечества, то этому онъ обязанъ только тому,

что нѣмецкій языкъ болѣе распространенъ, чѣмъ тотъ, на которомъ призываетъ человѣчество къ прогрессу Розенгеймъ.

Совсѣмъ иное дѣло Морицъ Гартманъ, хотя и онъ родился австрійскимъ подданнымъ. Не говоря уже о талантѣ, которымъ едва ли равняется съ нимъ кто-нибудь изъ нѣмецкихъ поэтовъ новаго поколѣнія, самое направленіе его не можетъ быть и сравниваемо съ графскими тенденціями вѣнскаго поэта. То, что перевелъ изъ него Плещеевъ, какъ мы уже сказали, очень удалось, но только за исключеніемъ нѣсколько темной и странной датской баллады про короля Альфреда. У Гартмана вы рѣдко встрѣтите что-нибудь сочиненное, насильно придуманное, какъ это часто случается даже у лучшихъ поэтовъ этого направленія; напротивъ, все у него прочувствовано, всюду слышенъ голосъ человѣка, глубоко проникнутаго убѣжденіемъ. Его произведенія явились потому, что онъ не могъ не высказаться, тогда какъ у многихъ другихъ нѣмецкихъ поэтовъ политической школы, вы постоянно замѣчаете, что имъ хочется сказать то, что не вошло еще въ нихъ органически. Чтобы привести примѣръ, вспомнимъ Пруца.

Онъ считается однимъ изъ радикальнѣйшихъ нѣмецкихъ поэтовъ послѣдняго времени. Обскуранты гремѣли и отчасти гремятъ теперь противъ него жестокими проклятіями. Но какъ вамъ нравится, напримѣръ, слѣдующая черта его радикализма! Въ своемъ историческомъ обзорѣни «Нѣмецкая литература съ 1848 года», онъ обращается съ упрекомъ къ Морицу Гартману и къ Альфреду Мейснеру, за то, что они говорятъ съ сочувствіемъ о чехахъ и выражаютъ свое уваженіе къ этой угнетенной національности. Такіе радикалы только и могутъ быть, что у нѣмцевъ.

Плещеевъ переводитъ не однихъ нѣмецкихъ поэтовъ. Въ его книгѣ есть нѣсколько очень хорошихъ переводовъ съ польскаго и малороссійскаго. Особенно нравятся намъ три такъ называемыя «Сельскія пѣсни» (съ польскаго).

Изъ «Современника».

Мы того мнѣнія о томъ родѣ стихотвореній Гейне, изъ котораго поэтъ нашъ дѣлалъ выборъ. Простота ихъ кажется намъ натянутою, содержаніе изысканнымъ, увлекающимъ съ перваго взгляда какою-то оригинальностію, подъ которою, впрочемъ, ничего не скрывается. Претензія на глубину мысли и чувства въ легкой и часто шутливой формѣ — вотъ опредѣленіе этого рода стихотвореній Гейне. Во всякомъ случаѣ, истины и простоты въ нихъ мало, что доказывается, между прочимъ, легкостію, съ какою даже у насъ имъ удачно подражаютъ, и еще большею легкостію, съ которою каждый понимающій сколько-нибудь стихосложеніе можетъ въ одну минуту смастерить на нихъ пародію. Пародія — проба безошибочная. На произведеніе истинно даровитое написать пародію невозможно, по крайней мѣрѣ, чрезвычайно трудно, и такія пародіи рѣдки. Можно передѣлать какое-нибудь отдѣльно взятое даровитое произведеніе, придать

ему смѣшной отгѣнокъ; но попробуйте написать пародію на Пушкина или Лермонтова, не придерживаясь исключительно какого-нибудь одного стихотворенія, а такъ, чтобы схватить духъ и колоритъ того и другого поэта, развивая въ пародіи вашу собственную мысль, — не напишите; иначе будете сами второй Пушкинъ или Лермонтовъ!

Итакъ, по нашему мнѣнію, надо жалѣть, что поэтъ тратилъ время на переводъ чужихъ, да еще и неудачныхъ стихотвореній въ то время, какъ могъ самъ подарить публику еще нѣсколькими плодами своей музы, конечно, несравненно болѣе достойными ея вниманія.

Но дѣло сдѣлано. А между тѣмъ, переводы изъ Гейне, напомнили намъ одного русскаго поэта, котораго никто не помнитъ, хотя въ мое время, лѣтъ десять, его стихи и обратили на себя вниманіе людей со вкусомъ и поэтическимъ тактомъ. Считаемо долгомъ напомнить объ нихъ, потому что видѣть забвеніе истинно поэтическихъ произведеній еще прискорбиѣе, чѣмъ видѣть появленіе бездарныхъ виршей, вооруженныхъ самолюбивыми претензіями. Стихотворенія, о которыхъ говоримъ мы, напечатаны въ «Современникѣ» 1836 и 1837 годовъ подъ названіемъ «Стихотворенія, присланныя изъ Германіи» и принадлежатъ автору, подписавшемуся буквами *Ө. Т.*¹⁾ Тамъ они умерли... Странныя дѣла дѣлаются у насъ въ литературѣ! Какъ часто произведенія отмѣченныя печатью истиннаго таланта, забываются, какъ не стоящія вниманія, а порожденія самолюбивой затѣйливости дерзко выступаютъ на свѣтъ и гордо требуютъ себѣ вниманія, котораго, право, не заслуживаютъ.

Майковъ.

Золотое сердце Пळेцева.

Исполнилось восемьдесятъ лѣтъ со дня рожденія Алексѣя Николаевича Пळेцева, извѣстнаго поэта, бывшаго петрашевца, нѣкогда пострадавшаго за свои убѣжденія. Освобожденной Россіи теперь весьма кстати вспомнить объ этомъ мирномъ борцѣ за свободу, объ ея проповѣдникѣ, объ этомъ истинномъ другѣ, покровителѣ и заступникѣ молодежи, при имени котораго память невольно подсказываетъ эти популярныя его строки:

Впередъ, безъ страха и сомнѣнья,
На подвигъ доблестный, друзья!
Зарю святаго искушенія
Ужъ въ небесахъ завидѣлъ я!
Смѣлѣй! Дадимъ другъ другу руки
И вмѣстѣ двинемся впередъ —

И пусть подъ знаменемъ науки
Союзъ нашъ крѣпнетъ и растетъ...
Провозглашать любви ученье
Мы будемъ нищимъ, богачамъ,
И за него снесемъ гоненье,
Простивъ бездушнымъ палачамъ..

Давно уже нѣтъ среди насъ взятаго могилой вѣщаго пѣвца. Быстро изглаживаютъ годы свѣжесть впечатлѣній о людяхъ, сопедшихъ съ жизненной сцены. Но воспоминаніе о симпатичнѣйшемъ,

¹⁾ Федоръ Ивановичъ Тютчевъ.

добромъ старикѣ-поэтѣ какъ-то не утратило этой свѣжести. Какъ сейчасъ многимъ изъ пишущихъ видится эта высокая фигура маститаго поэта, осанистая, съ типомъ стараго барина, съ морщинистымъ, благообразнымъ, почти красивымъ лицомъ, прелестными добрыми глазами, полными тихой грусти, съ высокимъ челомъ, густой шевелюрой слегка выющихся волосъ и бѣлой сѣдой окладистой бородой. Уныло-мечтательный взглядъ какъ-будто устремленъ вдаль; на красиво очерченныхъ, необычайно пріятныхъ устахъ играетъ добрая, нѣжная улыбка... Слышится его мягкій, пріятнаго тембра голосъ, — баритонъ, — его задушевная, съ легкой оттяжкой (по-московски) рѣчь, не по возрасту пламенная, часто вдохновенная. Запоминаются его простыя, но полныя правды слова любви, свободы, благородства, призыва къ труду, знанію, къ неустанной борьбѣ за честныя убѣжденія, на пользу родины и нерѣдко громовыя слова противъ чело-вѣческой алчности, продажности, неустойчивости, ренегатства, узкаго эгоизма и равнодушія къ общественнымъ задачамъ. Кто близко зналъ это золотое сердце, эту глубоко вѣровавшую въ торжество свѣта душу, тотъ понималъ, что не фраза, не лицемѣріе эти скорбныя строки поэта:

И чистыхъ помысловъ и жаркихъ упованій
 На жизненномъ пути растратилъ много я,
 Но средь неравныхъ битвъ, средь тяжкихъ испытаній,
 Что жъ обрѣла, взаимнъ всѣхъ грезъ, душа моя?
 Увы! лишь жалкое въ себѣ разувѣренье
 Да убѣжденіе въ бесплодности борьбы,
 Да мысль, что ни одно правдивое стремленье
 Ждать не должно себѣ пощады отъ судьбы...

Онѣ, конечно, выстраданы, эти строки, потому что написаны послѣ перенесенныхъ Плещеевымъ мукъ физическихъ и нравственныхъ во время жизни въ изгнаніи, на которое онъ былъ осужденъ вмѣстѣ съ А. И. Пальмомъ, поэтомъ С. Ѳ. Дуровымъ, Ф. Г. Толлемъ, энциклопедистомъ и педагогомъ, Ѳ. М. Достоевскимъ и другими за свободомысліе... Уныніемъ, разочарованіемъ и нѣкоторымъ отчаяніемъ вѣютъ эти стихи, но поэтъ кончаетъ ихъ строфою совсѣмъ цного характера:

Но пусть ничѣмъ душа больная не согрѣта,
 А съ жизнью все-таки разстаться было бѣ жаль,
 И, хоть не вижу я отраднаго разсвѣта,
 Еще невольнo взоръ съ надеждой смотреть вдаль...

И вся поэзія Плещеева, удивительно опредѣленная и цѣльная, согрѣтая теплотой и задушевною, бодростью и вѣрой, отражается въ приведенныхъ стихахъ. Не громка, не особенно звучна его лира, но нѣтъ въ ней ни одной фальшивой ноты. Печаль, которою она повита, не та безпредметная печаль, что наши доморощенные Чайльд-Гарольды напускали на себя въ сороковыхъ годахъ. Нѣтъ, она глубоко осмысленна и тѣсно связана съ печалью лучшихъ русскихъ

дѣятелей того времени. Плещеевъ печалится о судьбѣ ближняго, о томъ, что всюду «ночь да ночь, куда ни бросишь взоръ», что пошлость, малодушіе, безразличное отношеніе къ добру и злу царятъ въ обществѣ, что попораны и преданы забвенію лучшіе идеалы, святыя завѣты честныхъ бойцовъ; печалится объ униженныхъ и оскорбленныхъ, о слабыхъ и несчастныхъ, напоминая ревностно о нашихъ обязанностяхъ въ отношеніи меньшаго брата:

О, не забудь, что ты должникъ	На все, чѣмъ ясны наши дни —
Того, кто сирь и нагъ, и бѣдень,	На наши радости земныя...
Кто подъ ярмомъ нужды поникъ,	И пусть въ дому твоёмъ найдутъ
Чей скорбный ликъ такъ худъ и блѣденъ;	Борьбой измученные братья
Что отъ небесъ ему одни	Забвенье мукъ, отъ бурь пріютъ
Съ тобой даны права святяя	И брата вѣрныя объятя!...

Въ началѣ одного стихотворенія, обращеннаго къ поэту, Плещеевъ поставилъ эпиграфомъ слова Барье: «*Le poète doit être un protestant sublime du droit de l'humanité*». Такъ онъ смотритъ на призваніе тѣхъ, кто одаренъ поэтическимъ даромъ. Въ другомъ стихотвореніи, тоже «Поэту», онъ горячо говоритъ:

...будь безтрепетнымъ бойцомъ —
 Бойцомъ за право человѣка,
 Не дай заснуть въ порокахъ вѣка
 Твоей душѣ постыднымъ сномъ.

И этому призванію поэта Плещеевъ остался вѣренъ до конца дней своихъ. Вся его поэзія съ элегическимъ настроеніемъ, со скорбнымъ раздумьемъ сохраняетъ элементъ общественности, много энергіи въ призывахъ къ добру и къ борьбѣ со зломъ. Даже и природа горячо имъ любимой родины вызываетъ въ немъ тѣ же скорбныя думы и размышленія. Узокъ кругозоръ его художественныхъ впечатлѣній, его лирика не потрясаетъ, не вызываетъ громового протеста, но грусть поэта, выраженная иногда красивымъ мелодичнымъ стихомъ, легко передается читателю, дѣйствуетъ на него обаятельно, отражая въ себѣ глубоко симпатичную натуру благороднаго печальника. Указывая на темныя стороны жизни, Плещеевъ постоянно надѣется на лучшую пору, видитъ зарю лучшей жизни и говоритъ:

Смотрите, ужъ рѣдѣетъ мракъ,	И, содрогаясь, чуетъ зло,
Ужъ свѣтъ повсюду проникаетъ,	Что торжество его прошло...

Хотя «много злыхъ и глупыхъ шутокъ жизнь сыграла» съ поэтомъ, а онъ все-таки дѣтски вѣритъ, что —

Скоро желанное время придетъ:
 Сбудется все, что толпа, издѣваясь,
 Бредомъ, мечтаньемъ нелѣпымъ зоветь...

и «съ надеждой смотреть вдаль», желая пламенно вѣрить, что

...Не вовсе заглушили
 Въ насъ голосъ истины корысть и суета;
 Еще настанетъ день... Вдохнетъ и жизнь и силу
 Въ нашъ обветшалый міръ ученіе Христа.

И этой вѣрой поэтъ невольно заражаетъ читателя и въ особенности молодежь, которую онъ такъ безгранично, пламенно любилъ. Вотъ отчего поэзія Плещеева имѣетъ такое значеніе, несмотря на то, что не обнаруживаетъ крупной творческой силы, не вноситъ въ литературу какого-либо новаго направленія, не даетъ тона. Она тѣсно, лучше сказать, совершенно нераздѣльно связана съ личностью самого поэта, перенесшаго столько испытаній, вѣчно терпѣвшаго нужду и не угасившаго своего бодрого духа, чистой вѣры въ святыя идеалы, — личностью безукоризненной съ яснымъ умомъ и любвеобильнымъ сердцемъ, съ врожденнымъ благородствомъ. Плещеевъ былъ одинъ изъ тѣхъ людей, къ которымъ относятся слова Христа: «Блаженны чистиі сердцемъ, ибо они Бога увидятъ». Онъ носитъ въ себѣ Бога и завѣщанную Имъ любовь къ ближнему, и перелилъ все божеское, чистое и святое въ свою поэзію. И вотъ почему она имѣетъ несомнѣнное воспитательное значеніе. Въ художественномъ отношеніи она должна цѣниться еще и потому, что, по справедливому замѣчанію одного изъ молодыхъ критиковъ, — Плещеевъ «безсознательно и непогрѣшимо хранилъ святыню народной рѣчи», потому что, «отъ народнаго склада плещеевскаго стиха такъ и вѣетъ иногда хорошей благородной стариной. Не громкая и унылая пѣснь его исходитъ изъ той же родной глубины, изъ которой изливаются и пѣсни его старинныхъ, болѣе могущественныхъ, братьевъ». Вообще плодотворна была его работа, потому что онъ принадлежалъ къ тѣмъ сѣятелямъ, которые сѣютъ «разумное, доброе, вѣчное...»

П. Б.

Идеализмъ Плещеева.

Въ 10 часовъ вечера, въ субботу, 25-го сентября 1893 г., въ Парижѣ въ Вандомскомъ отелѣ (*Hôtel Vendome*), тихо скончался на 68-мъ году, пораженный ударомъ, въ этотъ же день, въ 4 часа пополудни, за письменнымъ столомъ, поэтъ Алексѣй Николаевичъ Плещеевъ. Онъ находился въ Парижѣ проѣздомъ изъ Петербурга въ Ниццу, гдѣ думалъ провести зиму съ женой, старшимъ сыномъ и младшей дочерью. 29-го сентября въ посольской церкви совершилось, въ присутствіи чиновъ русскаго посольства и многихъ русскихъ, отпѣваніе тѣла, а 6-го октября оно было привезено по Варшавской желѣзной дорогѣ въ Петербургъ, гдѣ встрѣтили его многочисленные почитатели покойнаго, литераторы, ученые, артисты, учащая молодежь и интеллигентная публика. Послѣ панихиды на дебаркадерѣ, старый другъ поэта, П. И. Вейнбергъ, прерывающимся отъ слезъ голосомъ произнесъ горячую рѣчь, указавъ на горькую иронию судьбы, неожиданно пославшей всегда нуждавшемуся покойному, за два года до смерти, большое состояніе, которымъ онъ, уже старый и больной, не могъ воспользоваться, какъ бы хотѣлось, для себя и для другихъ. На многихъ лицахъ присутствовавшихъ были слезы. Тихо вынесли изъ ва-

гона гробъ всёмъ дорогого въ Петербургъ мертвого гостя, поставили на колесницу и повезли, въ сопровожденіи большой толпы, на Николаевскій вокзалъ, откуда тѣло должно было быть отправлено въ Москву для погребенія, согласно послѣдней волѣ покойнаго, рядомъ съ прахомъ горячо любимой имъ первой жены. Внесли гробъ опять въ вагонъ, отслужили литію, и съ трехчасовымъ поѣздомъ навѣки оставилъ даже и прахъ поэта тотъ городъ, гдѣ провелъ покойный почти двадцать лѣтъ, гдѣ такъ много любилъ и страдалъ онъ, гдѣ такъ сильно его любили всѣ, кому дорога родная литература, — всѣ, кто видѣлъ въ немъ рѣдкое соединеніе таланта съ благородной и возвышенной душой и честными убѣжденіями, которымъ оставался вѣренъ онъ до конца.

Онъ родился 22 ноября 1825 года въ Костромѣ, въ семьѣ изъ стариннаго дворянскаго рода. Двухъ лѣтъ его привезли въ Нижній Новгородъ, гдѣ онъ провелъ дѣтство, получивъ хорошее домашнее воспитаніе. Пятнадцати лѣтъ помѣстили его въ Петербургъ въ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ, но, не имѣя охоты къ военной службѣ, онъ вскорѣ перешелъ въ С.-Петербургскій университетъ, но курса тамъ, по какимъ-то семейнымъ обстоятельствамъ, не кончилъ.

Еще съ 1843 года началъ онъ помѣщать свои стихотворенія въ Плетневскомъ «Современникѣ», а съ 1845 года и въ другихъ журналахъ. Въ 1849 году онъ долженъ былъ оставить столицу и отправиться въ Уральскъ, гдѣ служилъ нѣсколько лѣтъ въ нижнихъ чинахъ, а потомъ, принявъ участіе въ Воканскомъ походѣ, за храбрость при штурмѣ крѣпости Акмечеть, былъ произведенъ въ 1856 году въ прапорщики; съ 1858 года поселился въ Москвѣ, гдѣ прожилъ до 1872 года. Здѣсь-то снова возобновилась, послѣ многолѣтняго перерыва, его литературная дѣятельность, и его имя начинаетъ появляться во всѣхъ лучшихъ журналахъ и повсюду встрѣчается съ самымъ теплымъ сочувствіемъ.

Въ 1864 году постигло его страшное горе: оставивъ ему двухъ маленькхъ сыновей и дочь, умерла его любимая жена, которой не забывалъ онъ никогда и памяти которой посвятилъ, много лѣтъ спустя, единственное при его жизни полное собраніе своихъ стихотвореній. Въ 1872 году редакція «Отечественныхъ Записокъ» предложила ему завѣдывать въ журналѣ отдѣломъ стихотвореній, чѣмъ и занимался онъ до самаго прекращенія журнала въ 1884 году, перейдя затѣмъ въ открывшійся вскорѣ новый журналъ «Сѣверный Вѣстникъ», гдѣ и занимался чтеніемъ беллетристики до конца восьмидесятыхъ годовъ, пока, совсѣмъ для себя неожиданно, не получилъ милліоннаго наслѣдства отъ одного изъ родственниковъ. И вотъ, всю жизнь едва сводившій концы съ концами, работая, какъ волъ, ради семейства, зачастую отказывая себѣ въ самомъ необходимомъ и запутываясь въ неоплатные долги, вдругъ очутился онъ богачомъ. Но богатство не дало ему счастья. Оно какъ-то потрясло его всего, и въ послѣднее время пребыванія въ Петербургѣ, въ 1891 и 1892 гг., онъ часто бы-

валъ грустенъ и задумчивъ, и все говорилъ о близкой смерти. Здоровье его и въ самомъ дѣлѣ было крайне разстроено, и онъ поѣхалъ въ Ниццу, откуда раза два лѣтомъ пріѣзжалъ въ Петербургъ, и за границей же, въ Парижѣ, умеръ...

Въ А. Н. Плещеевѣ видимъ мы рѣдкое соединеніе замѣчательно красивой наружности, прекрасныхъ душевныхъ качествъ и большого таланта. Это была личность въ высшей степени цѣльная, производившая неизгладимое, симпатичнѣйшее впечатлѣніе на всякаго, кто хотя бы разъ съ нимъ встрѣтился, а тѣмъ болѣе на тѣхъ, кто зналъ его ближе. Безконечно добрый, всегда готовый подѣлиться послѣднимъ съ нуждающимся, мягкій и снисходительный къ другимъ, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда дѣло шло объ измѣнѣ честнымъ убѣжденіямъ или продажѣ совѣсти, онъ, этотъ высокій, маститый старецъ, съ чудными мягкими глазами, высокимъ челомъ и сѣдой шевелюрой вьющихся длинныхъ волосъ, отличался остроумною рѣчью, которая, при простотѣ и задушевности, блистала яснымъ умомъ и врожденнымъ благородствомъ. Это былъ настоящій джентльменъ въ самомъ лучшемъ смыслѣ слова: и въ манерахъ, и въ разговорѣ, и во всѣхъ своихъ отношеніяхъ къ людямъ, которымъ онъ никогда не давалъ почувствовать своего превосходства, всякаго привлекая къ себѣ простотой обращенія и привѣтливостью. Кроткій и незлобивый, можетъ быть, иногда даже немножко слабохарактерный, онъ, несмотря на все пережитое, не потерялъ ни вѣры въ людей ни младенческой ясности любвеобильной души. Многіе пользовались этими качествами и обманывали его, платя зломъ за добро и довѣріе; но это не исправляло стараго идеалиста: онъ первый же посмѣивался надъ своею наивною довѣрчивостью.

Самъ всегда нуждавшійся, онъ, такъ горячо любившій учащуюся молодежь, въ которой видѣлъ залогъ лучшаго будущаго Россіи, былъ какъ бы связующимъ звеномъ между лучшими образованными и честными людьми прошлаго и юными представителями новой пореформенной Руси. Видя, какъ часто эта молодежь нуждается въ средствахъ къ жизни, опускается нравственно, а то и гибнетъ отъ невозможности кончить свое образованіе, покойный и въ Москвѣ и въ Петербургѣ, всегда радушно, несмотря ни на недуги ни на свои преклонные годы, шелъ ей на помощь въ видѣ участія во всякихъ благотворительныхъ литературныхъ вечерахъ, куда наперерывъ звали его учащіяся бѣдняки. И, видя на афишахъ уважаемое имя А. Н. Плещеева, шли за нимъ читать, играть или пѣть и другіе литераторы и артисты съ именами; шла и публика, которая горячо привѣтствовала его, какъ только появлялась его маститая фигура на эстрадѣ, откуда раздавался его старческой, такой симпатичный голосъ, проникнутый убѣжденностью и чувствомъ. Если бы подсчитать, сколько разъ участвовалъ покойный за двадцатилѣтнюю жизнь въ Петербургѣ въ подобныхъ вечерахъ въ пользу и всякихъ, курсовъ мужскихъ и женскихъ, и въ пользу гимназій, подсчитать, какія суммы собрали эти

вечера съ его участіемъ и по его просьбѣ съ участіемъ и другихъ, привлечшихъ публику лицъ, за все это время, и каждому учебному заведенію, цифры вышли бы не малыя. Пищущему эти строки, напри- мѣръ, достовѣрно извѣстно, что въ пользу однихъ Женскихъ педагогическихъ курсовъ и гимназій Ларинской мужской и Коломенской женской, только за двѣнадцать послѣднихъ лѣтъ (съ 1878 года по 1890 годъ) принималъ онъ участіе не менѣе, какъ въ двадцати пяти вечерахъ, собравшихъ въ пользу Обществъ помощи учащимся не одну тысячу рублей.

Ее же, эту учащуюся молодежь, студентовъ и курсистокъ, много лѣтъ радушно принималъ онъ въ своемъ скромномъ и гостепріим- номъ домѣ, гдѣ не мало одинокихъ бѣдняковъ, нерѣдко привлечен- ныхъ въ столицу жаждой образованія изъ далекихъ окраинъ, находило у стараго хозяина и привѣтъ, и ласку, и совѣтъ, и поддержку, и, — что такъ важно для юноши, — общество лучшихъ представите- лей науки, искусства, литературы. Сколько слышала въ этомъ домѣ молодость правдивыхъ разсказовъ о прошломъ, поучительныхъ уро- ковъ частной жизни, хорошихъ «забытыхъ» словъ, благихъ мыслей...

А какъ радъ бывалъ покойный, проницательно прозрѣвъ въ комъ- нибудь изъ этихъ юношей божью искру талантливости; какъ забот- ливо руководилъ начинающимъ писателемъ, поддерживая, выводя талантъ на дорогу, радуясь малѣйшему успѣху, скорбя о несбыв- шихся надеждахъ, оплакивая раннюю смерть даровитаго юноши... Не мало, если не всѣмъ, обязаны покойному многіе изъ молодыхъ писателей, частью уже сошедшіе въ могилу, частью и до сихъ поръ подвизающіеся на литературномъ поприщѣ...

Какимъ былъ покойный въ жизни, какъ опредѣленная и цѣль- ная личность, изливавшая вокругъ себя мягкій свѣтъ любви и благо- роднаго идеализма на всѣхъ, кто поближе его узнавалъ, такимъ и остался онъ и во всей своей полувѣковой поэзіи, которая съ нимъ не умретъ. Утѣшая и ободряя его современниковъ, она перейдетъ и въ потомство. Онъ будетъ для послѣдняго не только историко- литературнымъ памятникомъ извѣстной эпохи, но и источникомъ эсте- тическаго наслажденія добрыми мыслями, чувствами, настроеніями поэта, облеченными въ опредѣленные, изящные образы и мелодиче- скій стихъ: ибо все истинно прекрасное, правдивое, доброе, отра- зясь въ словѣ, переживаетъ творца и остается въ сокровищницѣ національной литературы...

Острогорскій.

Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ продаются книги,

составленныя **В. И. ПОКРОВСКИМЪ**:

Аксаковъ, С. Т. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Цѣна 30 к.

Гоголь, Н. В. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Изд. 3-е. Цѣна 1 р.

Гончаровъ, И. А. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Изд. 2-е. Цѣна 60 коп.

Грибоѣдовъ, А. С. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Изд. 2-е. Цѣна 40 коп.

Григоровичъ Д. В. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Изд. 2-е. Цѣна 50 коп.

Державинъ, Г. Р. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Изд. 2-е. Цѣна 30 коп.

Достоевскій, Ф. М. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Часть I. Цѣна 50 коп.

Екатерина II. Ея жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Изд. 2-е. Цѣна 50 коп.

Жуковскій, В. А. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Изд. 2-е. Цѣна 60 коп.

Кантемиръ, А. Д. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Изд. 2-е. Цѣна 50 коп.

Карамзинъ, Н. М. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Изд. 2-е. Цѣна 40 коп.

Кольцовъ, А. В. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Изд. 2-е. Цѣна 30 коп.

Крыловъ, И. А. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Изд. 2-е. Цѣна 40 коп.

Лермонтовъ, М. Ю. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Изд. 2-е. Цѣна 50 коп.

Ломоносовъ, М. В. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Изд. 2-е. Цѣна 40 коп.

Майковъ, А. Н. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Цѣна 30 коп.

Некрасовъ, Н. А. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Новиковъ, Н. И. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Островскій, А. Н. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Изд. 2-е. Цѣна 40 коп.

Полонскій, Я. П. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Цѣна 1 руб.

Пушкинъ, А. С. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Изд. 3-е. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Радищевъ, А. Н. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Цѣна 75 коп.

Сумароковъ, А. П. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Цѣна 30 коп.

Толстой, А. К. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Изд. 2-е. Цѣна 60 коп.

Толстой, Л. Н. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Изд. 2-е. Цѣна 50 коп.

Тургеневъ, И. С. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Изд. 3-е. Цѣна 75 коп.

Тютчевъ, Ф. И. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Цѣна 15 коп.

Фетъ, А. А. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Цѣна 20 коп.

Фонвизинъ, Д. И. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Изд. 2-е. Цѣна 50 коп.

Чеховъ, А. П. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Цѣна 2 руб. 50 коп.

Складъ въ книжномъ магазинѣ **В. Спиридонова и А. Михайлова.**

Москва, Тверская, Столешниковъ пер., д. Лянозова. Телеф. 120—95.

- VI вып. Обь европейскомъ просвѣщеніи XVII — XVIII вв. и о вліяніи его на русскую литературу и общество. Ц. 2 р.
- VII „ О литературной дѣятельности Екатерины II. Ц. 1 р. 50 к.
- VIII „ О Фонвизинѣ и значеніи его литературной дѣятельности. Ц. 1 р.
- IX „ О Державинѣ и значеніи его литературной дѣятельности. Ц. 1 р. 50 к.
- X „ О просвѣщеніи въ древней Руси. Ц. 3 р.
- XI „ О просвѣщеніи въ XVIII в. Ц. 3 р. 50 к.
- XII „ О положеніи и состояніи русскаго общества въ XVIII в. Ц. 1 р. 50 к.
- XIII „ О русскихъ сатирическихъ журналахъ. Ц. 3 р.
- XIV „ О Новиковѣ. Ц. 3 р. 50 к.
- XV „ О Радищевѣ. Ц. 2 р. 50 к.

Сокращенная историческая хрестоматія. Ч. I. (Сборникъ историко-литературныхъ изслѣдованій о народной и книжной словесности до эпохи Петра.) Пособіе при изученіи русской словесности для учениковъ среднихъ учебныхъ заведеній (8^о, 516 стр.). Изд. 4-е. Ц. 1 р. 25 к. *Рекоменд. Уч. Ком. Мин. Нар. Просв.*

Тоже. Ч. II. (Сборникъ историко-литературныхъ статей о Кантемирѣ, Ломоносовѣ, Сумароковѣ, Енатеринѣ II, Фонвизинѣ и Державинѣ.) Пособіе при изученіи литературы для учениковъ среднеучебныхъ заведеній (8^о, 1175 стр.). Изд. 2-е. Ц. 2 р. *Одобрена Уч. Ком. Мин. Нар. Просв.*

Тоже. Ч. III. (Сборникъ историко-критическихъ статей о Карамзинѣ, Крыловѣ, Жуковскомъ и Грибоѣдовѣ.) Пособіе при изученіи русской словесности для учениковъ старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Изд. 3-е. Ц. 1 р. 75 к. (8^о, 825 стр.). *Одобр. Уч. Ком. Мин. Нар. Просв.*

Тоже. Ч. IV. (Сборникъ историко-критическихъ статей о Пушкинѣ.) Пособіе при изученіи русской словесности для учениковъ старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Изд. 3-е. Цѣна 1 р. 50 к. (8^о, 733 стр.). *Одобр. Уч. Ком. Мин. Нар. Просв.*

Тоже. Ч. V. (Сборникъ историко-критическихъ статей о Гоголѣ, Лермонтовѣ и Кольцовѣ.) Изд. 3-е. Цѣна 1 р. 50 к. (8^о, 648 стр.). *Одобр. Уч. Ком. Мин. Нар. Просв.*

Тоже. Ч. VI. (Сборникъ историко-критическихъ статей о Гончаровѣ, Островскомъ, Тургеневѣ и Л. Толстомъ.) (8^о, 1045 стр.). Изд. 3-е. Ц. 2 р. 50 к. *Допущ. Уч. Ком. Мин. Нар. Просв.*

Тоже. Ч. VII. (Сборникъ историко-критическихъ статей о Майковѣ, Фетѣ, А. Толстомъ и Тютчевѣ.) (8^о, 505 стр.). Ц. 1 р. *Допущ. Уч. Ком. Мин. Нар. Просв.*

Сборники русскихъ диктантовъ со стороны ихъ содержанія. Изд. 2-е. Ц. 20 к. *Одобр. Уч. Ком. Мин. Нар. Просв. для фундаментальныхъ библиотекъ.*

Систематическій диктантъ для среднеучебныхъ заведеній, городскихъ и начальныхъ училищъ. Ч. I. Этимологія. Изд. 17-е. Ц. 50 к. *Одобр. Уч. Ком. Мин. Нар. Просв., Уч. Ком. при Св. Синодѣ для духовныхъ училищъ и Учил. Сов. при Св. Синодѣ для церковно-приходскихъ школъ.*

Тоже. Ч. II. Синтаксисъ. Изд. 15-е. Ц. 60 к. *Одобр. Уч. Ком. Мин. Нар. Просв. и Учебн. Ком. при Св. Синодѣ.*

Имена существительныя, употребляющіяся только во множественномъ числѣ. Ихъ родъ и окончанія. Ц. 20 к.

Справочный орфографическій словарь. Изд. 10-е. Ц. 25 к. *Одобр. Уч. Ком. Мин. Нар. Просв.*

Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ продаются книги,

составленныя **В. И. ПОКРОВСКИМЪ:**

Аксаковъ, С. Т. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Цѣна 30 к.

Гоголь, Н. В. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Изд. 3-е. Цѣна 1 р.

Гончаровъ, И. А. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Изд. 2-е. Цѣна 60 коп.

Грибоѣдовъ, А. С. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Изд. 2-е. Цѣна 40 коп.

Григоровичъ Д. В. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Изд. 2-е. Цѣна 50 коп.

Державинъ, Г. Р. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Изд. 2-е. Цѣна 30 коп.

Достоевскій, Ф. М. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Часть 1. Цѣна 50 коп.

Екатерина II. Ея жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Изд. 2-е. Цѣна 50 коп.

Жуковскій, В. А. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Изд. 2-е. Цѣна 60 коп.

Кантемиръ, А. Д. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Изд. 2-е. Цѣна 50 коп.

Карамзинъ, Н. М. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Изд. 2-е. Цѣна 40 коп.

Кольцовъ, А. В. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Изд. 2-е. Цѣна 30 коп.

Крыловъ, И. А. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Изд. 2-е. Цѣна 40 коп.

Лермонтовъ, М. Ю. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Изд. 2-е. Цѣна 50 коп.

Ломоносовъ, М. В. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Изд. 2-е. Цѣна 40 коп.

Майковъ, А. Н. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Цѣна 30 коп.

Некрасовъ, Н. А. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Новиковъ, Н. И. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Островскій, А. Н. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Изд. 2-е. Цѣна 40 коп.

Полонскій, Я. П. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Цѣна 1 руб.

Пушкинъ, А. С. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Изд. 3-е. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Радищевъ, А. Н. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Цѣна 75 коп.

Сумароковъ, А. П. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Цѣна 30 коп.

Толстой, А. К. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Изд. 2-е. Цѣна 60 коп.

Толстой, Л. Н. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Изд. 2-е. Цѣна 50 коп.

Тургеневъ, И. С. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Изд. 3-е. Цѣна 75 коп.

Тютчевъ, Ф. И. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Цѣна 15 коп.

Фетъ, А. А. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Цѣна 20 коп.

Фонвизинъ, Д. И. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Изд. 2-е. Цѣна 50 коп.

Чеховъ, А. П. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Цѣна 2 руб. 50 коп.